

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

5.5. Политология,
5.6. Исторические науки,
5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 20.03.2023 года):

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки),
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Власов Евгений Евгеньевич, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Вольтчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дудин Павел Николаевич, доктор ист. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Притчин Станислав Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва, Россия.

Пустовоит Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстоулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). <https://doi.org/prefix>: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>. Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

5.5. Political science,
5.6. Historical sciences,
5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of March 20, 2023):

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
5.5.4. International relations (political sciences),
5.6.1. Domestic history (historical sciences),
5.6.2. General history (historical sciences),
5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences),
5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences),
5.9.6. Languages of the peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages) (philological sciences),
5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Ruben M. Azizyan, Ph.D. in History, Full Professor, Director of the Centre for Defence and International Security Studies at Massey University (New Zealand).

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Petr Ya. Baklanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Scientific Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Evgeny E. Vlasov, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Director of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Pavel N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor).

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Stanislav A. Pritchkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Central Asia Sector, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgeny V. Pustovoit, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

EXTREMO ORIENTE, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (59) • 2023

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3>

От редактора рубрики	11
Акуленко В.С. Современные теории этногенеза корейцев в работах учёных РК и КНДР	14
Ефременко Д.В. "Величав Амур седой, мы храним его покой". Проблемы исторической памяти и региональной идентичности в Хабаровском крае	23
Пацеля Я.С., Козлов Л.Е. Политика памяти стран Северо-Восточной Азии о Второй мировой войне на примере Хасанских событий	38
Дьяченко Н.В. Национальное и культурное наследие в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии	48
Пешков И.О. Семантика фронтальной нелояльности в приграничных районах Внутренней Азии	60
ИСТОРИЯ	
Хитрая А.В. Некоторые подходы к проблеме изучения духов и оборотней ёкай в Японии	75
Азаревич В.К. Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним	83
Гамалей С.Ю., Кищик Е.В. Основные направления государственной политики в области театрального дела на Дальнем Востоке в 1920-е–1930-е годы	94
Кудрявцев В.Ю. Сотрудничество СССР и СРВ в сфере науки (1976–1983 гг.)	105
ЛИНГВИСТИКА	
Соболева С.М. "Владивосток": топоним, термин, ключевое слово	114
Сбоев А.Н., Цурикова И.В. Стилистические приёмы в рекламных текстах CCTV	124
ПОЛИТИКА	
Забровская Л.В. Уроки 2019 г. для стран Корейского полуострова	135
Букреева Т.Н. Роль политического взаимодействия России и Китая в обеспечении международной стабильности	145

ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА

Самойленко П.Ю. Проблемы имиджевого
позиционирования и информационного
продвижения экономического и гуманитарного
сотрудничества Дальнего Востока России со
странами Юго-Восточной Азии 162

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (Том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2023

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 3 (59) • 2023

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3>

CONTENTS

EXTREMO ORIENTE OR A HISTORICAL POLICY AND COLLECTIVE MEMORY IN FAR EAST REGION

From the editor of the section	11
Akulenko V.S. Contemporary Theories on Korean Ethnogenesis: A Study of South and North Korean Scholars	14
Efremenko D.V. "Majestic Hoary Amur, We Are Keeping His Calm". Issues of Historical Memory and Regional Identity in Khabarovsk Region	23
Patselia Ya.S., Kozlov L.E. Memory politics of the countries of Northeast Asia about the Second World War on the example of the Khasan events	38
Dyachenko N.V. National and cultural heritage in the context of memory politics in the Republic of Altai and Mongolia	48
Peshkov I.O. Semantics of frontier disloyalty in the border regions of Inner Asia	60

HISTORY

Khitraia A.V. About some approaches to the problem of studying spirits and werewolves of yokai in Japan	75
Azarevich V.K. The Military Union of the Vladivostok Fortress and the struggle of the Guard Department against it	83
Gamaley S.Yu., Kishchik E.V. The main directions of state policy in the field of theater in the Far East in 1920s–1930s	94
Kudryavtsev V.Yu. Cooperation between the USSR and Vietnam in the field of science (1976–1983)	105

LINGUISTICS

Soboleva S.M. "Vladivostok": Toponym, Term, Keyword	114
Sboev A.B., Tsurikova I.V. Stylistic devices in CCTV advertising texts	124

POLITICS

Zabrovskaya L.V. Lessons of 2019 for Countries of Korean Peninsula	135
Bukreeva T.N. The role of Russia-China political interaction in order to ensure international stability	145

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

Samoylenko P.Yu. Problems of image positioning
and information promotion of economic and
humanitarian cooperation between the Russian Far
East and the countries of Southeast Asia 162

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.

The journal's subscription index is 42398.

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 265-24-24 (2942).

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors,
and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2023

От редактора рубрики
From the editor of the section

Представленный раздел "Известий Восточного института" посвящён политике и памяти на Дальнем Востоке. Однако о каком Дальнем Востоке планируется говорить? Речь ведь пойдёт не просто о территории от Байкала до Берингова пролива¹. Прежде всего планируется говорить о Дальнем Востоке как о некоей системе взаимосвязей (исторических, культурных и экономических) между огромной частью России и сопредельными с нею странами Восточной Азии, именно поэтому в исследовательских сюжетах присутствуют Монголия и Япония, а также Северная, Южная Корея и Китай. И именно поэтому в заглавие рубрики был вынесен португальский термин *Extremo Oriente*. Мы предлагаем использовать его для обозначения региона в указанном нами широком смысле, а не строго в границах Дальневосточного федерального округа Российской Федерации.

Авторы предприняли собственные попытки наметить контуры исследовательского поля. А представленные статьи стали поводом начать большой разговор о политике памяти и коллективных представлениях о прошлом на Дальнем Востоке. Мы абсолютно не претендуем на полное и исчерпывающее решение такой сложной и амбициозной задачи – на описание Дальнего Востока как мемориального пространства. Но каждый из авторов, работающих в поле изучения политики, предоставил текст, в котором описываются те или иные проблемы политики в отношении прошлого или памяти, либо в отдельных странах и регионах, либо построенные вокруг одного травматического сюжета прошлого.

В сущности, эти тексты объединяют вопросы единой исследовательской программы. Является ли российский Дальний Восток неким единым пространством памяти? Каким образом в огромном фронтальном регионе сопрягаются многочисленные национальные памяти сопредельных государств? Возможен ли в этих условиях мемориальный консенсус и как выглядят конфликты? Проблемное поле наверняка может быть и значительно шире, однако в пределах нашего дисциплинарного поля мы ограничимся именно этими исследовательскими проблемами. Каждая из них является не просто политической, но и политизированной². При этом граница этого разделения проходит по траектории, заданной ещё Карлом Шмиттом. Дело в том, что в любом случае вместе с памятью о прошлом возникает дихотомия "друг vs враг"³.

Особенно остро эти противоречия возвращаются в публичный дискурс при обсуждении памяти о гражданской войне⁴, эмиграции и интервенции. Также остается непроговорённым огромный пласт воспоминаний о политических репрессиях. В эту же категорию можно отнести и так называемые чужие памяти диаспор китайцев и корейцев. Все эти темы остались вне рубрики, однако это не означает, что они вне проблемного поля *memory studies* на Дальнем Востоке.

В изучаемом регионе политическое становится имманентным атрибутом дискуссий о памяти. Масштаб этих дискуссий велик не только в силу пространствен-

¹ Подробнее см.: Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Зомия на Амуре, или государственный порядок против порядка вне государства // *Полития*. 2018. № 1. С. 151.

² Миллер А.И. Лабиринты исторической политики: прошлое России и попытка самоидентификации // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 3. С. 49–62.

³ Шмитт К. Понятие политического. Санкт-Петербург: "Наука", 2016. С. 280.

⁴ Михалев А.В. Партизан как символ Дальнего Востока России // *Метаморфозы истории*. 2021. № 21. С. 75–86.

ного среза, но и в контексте плотности населения в Азии, а также соотношения плотности населения на Дальнем Востоке России и в соседних с ней странах. Так, например, поднятая Вадимом Сергеевичем Акуленко проблема этногенеза корейцев не локализуется в пределах одного государства. Она имеет отношение как к Южной, так и к Северной Корее, равно как и корейской диаспоре в России. При этом ключевой вопрос этногенеза – это вопрос "откуда мы?". На мой взгляд, именно в этой статье политическое оказывается гармонично шмиттианским, поскольку история происхождения народа оказывается разделённой между двумя сообществами, находящимися в состоянии конфронтации.

Статья Дмитрия Валерьевича Ефременко посвящена проблеме памяти и региональной идентичности в таком сложном регионе как Хабаровский край. Дмитрию Валерьевичу удалось показать сложное многообразие различных внешнеполитических и сугубо местных исторических событий, формирующих память о прошлом, а, вслед за этим, и идентичность. Хабаровский край интересен во многом ещё и тем, что на протяжении 18 лет Хабаровск являлся не просто столицей края, но и всего российского Дальнего Востока. В этом контексте исследование Д.Е. Ефременко имеет особое значение, поскольку представляет срез политики памяти в одном из региональных центров.

Статья Ярослава Славиковича и Леонида Евгеньевича про память о событиях 1938 года в районе озера Хасан представляет собой отличное дополнение сформированного вокруг этого сюжета корпуса текстов описанием важного среза международной памяти. Авторы провели компаративное исследование исторических оценок боев у озера Хасан в Китае, России и в Республике Корея. Действительно историческая политика с данной точки зрения – это малоизученное направление в науке. Сильной стороной исследования является опора на аутентичные источники на китайском и корейском языках.

Память на Дальнем Востоке – это, прежде всего, уникальная "чересполосица" нарративов о событиях: локальных и мировых. Они переплетены самым беспорядочным образом и встроены в настолько сложные контексты, что зачастую бывает трудно отличить локальное от глобального. В этом тоже заключается специфика дальневосточного фронта⁵. Здесь возникает и проблема идентификации политического, на каком уровне памяти о прошлом оно наиболее значимо? Учитывая, что фронт – это собственно и есть рубеж, пространство межкультурного взаимодействия, становится очевидным, что политическое артикулирует любой нарратив о прошлом.

Разговор о фронтире и памяти в Азии мы начинаем со статьи Натальи Владимировны Дьяченко. Её материал уникален, поскольку изучаемая этим автором Республика Алтай граничит одновременно с Китаем, Монголией и Казахстаном. В центре исследовательского внимания помещаются проблемы национального и культурного наследия в Монголии и в Республике Алтай, они сравниваются друг с другом. Исследование построено вокруг политических символов и национальной идентичности. Рубеж двух достаточно разных символических пространств – тюркского и монгольского – пролегает на Алтае. Со стороны Алтая нарратив о древностях сводится к скифской археологической культуре, со стороны же Бурятии – к гуннам (хунну), которых местные археологи относят к монгольской истории. Это является наглядным примером того, что, в одном случае, мы имеем дело с цивилизационным рубежом, а в другом, – с политическим, разделяющим культурно близкие общности.

Интересно, что, например, в Бурятии, также граничащей с Монголией, граница – лишь политический рубеж, в то время как символика и исторический нарратив с той и другой стороны дополняют друг друга. В приграничном городе Кяхта в Бурятии располагается музей I Съезда Монгольской народно-революционной партии.

⁵ См.: Davis S. The Russian Far East. The last frontier. London and New York: Routledge, 2003. 155 p.

Это первое приближение, общий обзор памятей в условиях *Extremo Oriente* в тематическом разделе данного журнала заканчивается статьёй Ивана Олеговича Пешкова. Территориально проблематика его исследования локализована в Забайкалье, являющимся частью Дальневосточного федерального округа. В его статье речь пойдёт о фронтальной нелояльности и памяти в условиях забайкальского приграничья. Этот текст представляет расширенную и переработанную версию опубликованной им в 2017 г. англоязычной статьи "In the shadow of 'frontier disloyalty' at Russia–China–Mongolia border zones"⁶. В новой редакции этого текста, обращенного, прежде всего, к российскому читателю, автор пытается рассказать о культурной травме гражданской войны в условиях приграничного региона. В этих условиях память выступает как некий инструмент разделения не только прошлого, но и настоящего, воспроизводя политическое как некую онтологическую форму.

Итак, рубрика, посвящённая памяти и политике в пространстве, которое я предлагаю назвать относительно аморфной категорией *Extremo Oriente* просто потому, что единство исторической судьбы, на мой взгляд, превалирует над логикой географических границ. Это не просто пересечение сходных опытов повествования о прошлом, но и знаково-символическая система музеев, памятников, и конечно, забвения. Отсюда возникает вопрос, можно ли строить генерализации, опираясь на представленный корпус текстов? Ответ: скорее нет, чем да. Стоит повториться в заключении, что главной задачей при подготовке этого тематического номера было наметить контуры, если угодно – абрис проблемного поля *memory studies* в условиях Дальнего Востока. Вне всякого сомнения, у авторов рубрики впереди большие комплексные и узкоспециальные работы, посвящённые этой теме.

А.В. Михалев

Алексей Викторович МИХАЛЕВ, д-р полит. наук, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: mihalew80@mail.ru

Alexey V. MIKHALEV, Doctor of Political Sciences, Director of Center of Political Transformation Studies, D. Banzarov's Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: mihalew80@mail.ru

⁶ Peshkov I. In the shadow of 'frontier disloyalty' at Russia–China–Mongolia border zones // History and Anthropology. 2017. Vol. 28. № 4. P. 429–444.

Современные теории этногенеза корейцев в работах учёных РК и КНДР

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vakulenco@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются современные теории этногенеза корейцев, представленные в исследованиях южнокорейских и северокорейских учёных. Анализируя достижения и проблемы северо- и южнокорейской историографии, автор применил общепризнанную в исторической науке методологическую систему, дающую возможность объективно и научно анализировать всё разнообразие эмпирических данных. В результате проделанной работы автор пришёл к выводу о том, что в настоящее время в южнокорейской историографии ведущей является теория гетерогенного миграционного этногенеза корейцев, в то время как в КНДР этногенез корейцев представляют автохтонным процессом.

Ключевые слова: теории этногенеза, корейцы, Республика Корея, КНДР, автохтонная теория этногенеза, миграционная теория этногенеза, чуждейская теория нации

Для цитирования: Акуленко В.С. Современные теории этногенеза корейцев в работах учёных РК и КНДР // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 14–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/14-22>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/14-22>

Contemporary Theories on Korean Ethnogenesis: A Study of South and North Korean Scholars

Vadim S. AKULENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vakulenco@mail.ru

Abstract. This study offers an examination of contemporary theories regarding the ethnogenesis of Koreans, presented by South and North Korean scholars. The author uses a methodological system that is widely accepted in the realm of historical science. This methodology maintains the integrity of the research by ensuring that the evaluation of the diverse range of information remains consistent, comprehensive, and unbiased. In conclusion, the author suggests that the predominant theory within South Korean historiography proposes a heterogeneous migratory theory for the ethnogenesis of the Korean people. This theory posits that the Korean people were formed through a complex process involving migrations of various groups of people, spanning from the Bronze Age up until the establishment of the first united state. Conversely, in North Korean historiography, the ethnogenesis of Koreans is portrayed as an indigenous process. The belief here is that the Korean ethnic group developed autonomously and mostly within its current geographical boundaries.

Keywords: theories of ethnogenesis, Koreans, Republic of Korea, DPRK, autochthonous theory of ethnogenesis, migration theory of ethnogenesis, Juche theory of the nation

For citation: Akulenko V.S. Contemporary Theories on Korean Ethnogenesis: A Study of South and North Korean Scholars // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 14–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/14-22>

Введение

Уже более 70 лет Республика Корея (далее – РК) и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) существуют как два независимых государства. Неудивительно, что в таких обстоятельствах как на Юге, так и на Севере сложилось свое видение того, кем являются корейцы и когда они появились. В данной работе будут рассмотрены современные теории этногенеза, представленные в работах учёных РК и КНДР.

Изучение и сравнение этих теорий полезно не только для российских исследователей, которые сталкиваются с серьезными трудностями при работе с материалами по ранней истории Кореи, но и для самих корейцев, так как это может способствовать сближению их позиций в будущем.

Источниковой базой исследования служат исторические труды учёных РК и КНДР, которые позволяют в полной мере изучить концепции национального эт-

ногенеза в северо- и южнокорейской историографии; справочная литература – толковые словари корейского языка, опубликованные в РК и КНДР; официальные издания национальной истории (учебные и академические).

В качестве теоретической базы выступает широкий спектр отечественных и зарубежных работ по общим проблемам этногенеза, написанных такими выдающимися учёными, как С.М. Широкогоров, Д. Белл, Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Ю.В. Бромлей и другие.

Теория автохтонного этногенеза корейцев в КНДР

Конец XX в. в КНДР ознаменовался серией катастрофических событий – распадом СССР, смертью Ким Ирсена и последовавшим за ними "трудным походом" (экономическим и гуманитарным кризисом 1995–1999 гг.). В этих обстоятельствах руководство КНДР мобилизовало все возможные средства для преодоления кризиса, включая идеологические.

Одним из результатов такой мобилизации стала новая чучхейская теория нации, которую автор относит к социобиологическому направлению примордиализма из-за особого места, которое в ней отводится "кровному родству". В этой связи термин "минчжок", который обычно передаётся на русский язык словом "нация", было бы правильно переводить как "этнонация". Однако в данной работе будет использован сложившийся вариант перевода.

Создателем новой теории учёные КНДР считают непосредственно Ким Ирсена. Её суть можно коротко передать следующим образом: нация формируется на основе четырех общностей (генетической, языковой, культурной и территориальной) в любой период времени. Таким образом, процесс формирования может начаться сколь угодно рано, особенно в той его части, которая связана с появлением особого антропологического типа. Раскрытию данной концепции посвящена отдельная монография Чхе Хиёля "Исследование чучхейской теории нации", вышедшая в философской серии коллекции научных работ корейских социальных наук в 2014 г. [30]. Однако работы, использующие данную теорию, появлялись и ранее. К примеру, в 2010 г. Ке Сунму обратился к вопросу формирования корейской нации, применяя положения чучхейской теории нации [8, с. 106–128].

Практическая значимость этой теории для северокорейской исторической науки заключается в том, что она позволяет обойти ограничения старой трактовки термина "минчжок" и ложится в основу нового понимания процесса этногенеза корейцев, которое в целом начало складываться ещё в 1970–1980-е гг. в свете находок ископаемых останков древнего человека и, возможно, под влиянием исторической школы КНР.

Важным толчком к началу пересмотра вопроса этногенеза корейцев послужило "обнаружение" в 1993 г. гробницы Тангуна (уезд Кандон города Пхеньян) – мифического основателя корейской нации. Значение данного события прекрасно описано в специально изданном по этому случаю сборнике статей "Тангун – родоначальник Кореи", переведённом в том числе на русский язык [2]. Особое место в нём занимает статья "Пхеньян – место возникновения корейской нации" Чан Учжина [2, с. 151–158], крупного северокорейского специалиста по физической антропологии, который вместе с Пэк Киха с начала 1970-х гг. опубликовал несколько работ, посвящённых обоснованию преемственности между палеолитическими насельниками Корейского полуострова и современными корейцами [13, 14, 18, 19, 20, 21, 22]. Как следует из названия статьи, "обнаружение" гробницы и костяка Тангуна развеяло окончательные сомнения северокорейских учёных о том, где именно стоит искать истоки корейской нации.

Данное "открытие" дало мощный толчок для ревизии ранних этапов корейской истории, что отражено, к примеру, в новой версии "Общей истории Кореи"¹ ("

¹ Первое издание "Общей истории Кореи" увидело свет в 1956 г. Затем этот популярный исторический труд переиздавался в 1962, 1977, 1987 и 2009 гг. В большинстве случаев его содержание в значительной степени перерабатывалось в соответствии с новым подходом к трактовке истории Кореи.

조선통사") [27] – официальной версии корейской истории, издаваемой Академией социальных наук КНДР (사회과학원).

С ещё большим энтузиазмом северокорейские историки продолжили работу над изучением самых ранних страниц истории корейского народа. К уже имеющимся данным, доказывающим, по их мнению, автохтонный характер антропогенеза на Корейском полуострове, добавились новые костяки. Так, "хвэдэский" человек (Соксонни, уезд Хвэдэ, пров. Северная Хамгён) возрастом 300 тыс. лет [27, с. 18] был представлен как важное звено, доказывающее древнейший этап эволюции первобытного человека в Корее. А на примере "рёнокского" (Рёнконни, уезд Санъвон, г. Пхеньян) и "сыннисанского" человека (г. Сыннисан, уезд Токчхон, провинция Южная Пхёнан) учёные КНДР делают вывод о переходе от древнего человека к современному [27, с. 21–22]. Что касается "мандалского" человека (Мандалли, район Сынох, город Пхеньян), время жизни которого ранее определяли как верхний палеолит, то его "осовременили", чтобы заполнить имеющуюся лауну мезолита Корейского полуострова, выделение которого всегда вызывало затруднение. К этому периоду начали относить и стоянку Пупхори (СЭЗ Раджин-Сонбон, провинция Северная Хамгён) [27, с. 22].

Новая интерпретация уже имеющихся находок, как и появление ранее неизвестных, позволили учёным КНДР предположить, что антропологический тип корейцев начинает формироваться со времени появления первых представителей рода Номо. Если же рассматривать эту гипотезу в рамках новой чучхейской теории нации, то выходит, что со времён нижнего палеолита начинает постепенно формироваться одна из основ будущей корейской нации – "кровное родство". Пхеньян и его окрестности, где в результате бурного индустриального развития было обнаружено большинство из известных костных останков древних людей, превращается в центральную точку этого процесса. Данный факт последовательно доказывает в своих работах уже упомянутый Чан Учжин, опубликовавший в 2000-е гг. сразу две монографии, посвящённые данному вопросу: "Место возникновения корейцев – Пхеньян" [20] и "В поисках наших предков в глубокой древности" [19]. Выводы, представленные в данных работах, во многом повторяются в уже упомянутой новой версии "Общей истории Кореи". Кроме этого, Ко Кваннэль в своих работах сосредотачивает внимание на доказательстве автохтонности процесса формирования корейцев на основе сравнения антропологических особенностей древних корейцев и костяков, обнаруженных в других регионах Азии [5, 6, 7].

Другие важные компоненты корейской нации, по мнению северокорейских учёных, появляются намного позже и в целом связаны с так называемой тэдонганской культурой, о существовании которой впервые широко заявили 2 октября 1998 г. на специально проведённой для этого в столице КНДР научной конференции, во время которой её объявили одной из пяти великих цивилизаций древности. Современные северокорейские словари определяют её как культуру Раннего Древнего Чосона, появившуюся в XXX в. до н. э. [23]. Основные представления северокорейской науки о новой археологической культуре подробно изложены в монографии "Тэдонганская культура", написанной Чи Хвасаном и Со Гуктхэ и изданной в 2011 г. [25].

Стоит также отметить, что в феврале 1999 г. издательство Ассоциации северокорейских граждан в Японии "Хагу собан" выпустило атлас "(Самая новая) карта Кореи" с нанесёнными на карту древнего мира пятью колыбелями человеческой цивилизации, среди которых указана и долина реки Тэдонган. Там же на графиках и картах зафиксированы сложившиеся к этому моменту представления о процессе автохтонного антропогенеза на Корейском полуострове, периодизации ранней истории Кореи и Древнем Чосоне [3, с. 32]. Эта карта получила широкое распространение среди международного корееведческого сообщества.

Вопросу формирования Древнего Чосона, его территории и периодизации сразу после "обнаружения" гробницы Тангуна была посвящена целая серия статей в одном из центральных исторических журналов КНДР – "Рёкса квахак" или "Историческая наука". Тон им задал уже упомянутый сборник "Тангун – родоначальник

Кореи", в рамках которого Хо Чжонхо в статье "Корейская нация – единая нация с седой, пяти тысячелетней историей" [2, с. 139–150] ещё раз перечислил основные представления о возрасте и характере корейской нации, сформировавшейся, по его мнению, 5 тыс. лет назад и не испытавшей после этого никакого внешнего влияния. Он же спустя два года в статье "Несколько основных вопросов и их решений в исследовании Тангуна и истории Древнего Чосона" обозначил четыре главных задачи для будущих поколений северокорейских историков, среди которых оказался и вопрос формирования корейской нации. Главный вывод самого Хо Чжонхо заключается в том, что корейская нация – это единая нация с пяти тысячелетней историей, родоначальником которой является Тангун [29]. Развивая данный тезис северокорейские академики в новой редакции "Общей истории Кореи" пишут, что на финальном этапе этногенеза сформировалось этногенетическое ядро, вслед за чем последовало основание первого единого государства – Раннего Древнего Чосона, в чьих границах языковое и культурное единство, а также ощущение общего родства поднялись на качественно новый уровень, что позволило в период с конца 3 до начала 2 тыс. до н. э. превратить его население в единую корейскую нацию [24, с. 57–58].

Вопрос языкового единства подробно рассмотрел в своей работе по истории корейского языка Рю Рёль [12]. По его мнению, уже в период Древнего Чосона корейский язык в целом сложился, а языки различных протокорейских племён были не более, чем его диалектами. Более того, основываясь на данных антропологических исследований, он указывает на то, что отправным пунктом развития корейского языка стоит называть время существования "сыннисанского" человека, то есть верхний палеолит, так как антропологические особенности верхнепалеолитических жителей Корейского полуострова, а именно подбородочный выступ, уже позволяли говорить [12, с. 12–15].

Таким образом, согласно современному изложению автохтонной теории этногенеза корейцев в КНДР, корейская нация сложилась на основе четырёх постепенно формировавшихся общностей – генетической, языковой, культурной и территориальной. Временем оформления этногенетического ядра считается 3 тыс. до н.э., после чего последовало основание государства и относительно быстрое превращение протокорейцев в единую нацию уже к началу 2 тыс. до н.э. Сложившийся таким образом корейский народ, по мнению северокорейских учёных, непрерывно и неизменно существует до сих пор. Данные представления основываются на теоретических положениях чуждейской теории нации, разработанных Ким Ир-сеном, и построены на новейших достижениях северокорейской науки.

Теория гетерогенного миграционного этногенеза корейцев в РК

С 1990-х гг. в развитии теорий этногенеза в Республике Корея начинается новый этап. Благодаря успехам, достигнутым южнокорейской наукой в предыдущие десятилетия, а также применению новых естественнонаучных методов и улучшению сотрудничества с коллегами из Китая и России, в южнокорейской историографии возник новый консенсус относительно хода процесса этногенеза корейцев.

В 1990-е гг. значительный объём существующих данных о происхождении корейцев был обобщён в рамках двух наиболее заметных проектов. Первым из них является многотомник "Новая редакция Истории Кореи", изданный Комитетом по составлению национальной истории (국사편찬위원회) – правительственным учреждением, ответственным за изложение государственного взгляда на историю страны. В первом томе отдельная глава посвящена этногенезу корейцев [15, с. 89–169]. Над ней работали три автора – Чхве Моннён, Ли Гидон и Ли Сонгю. Чхве Моннён отвечал за подбор археологического материала, Ли Гидон – этнографического, а Ли Сонгю рассмотрел истоки корейской культуры на основе письменных источников. Наиболее интересными являются выводы Чхве Моннёна, который предложил рассматривать происхождение корейской культуры с позиций существования множества различных источников (다원론), подразумевая тем самым, что корейский этнос сформировался благодаря смешению сразу нескольких этнических групп.

Второй проект был реализован Академией наук Халлим (Университет Халлим). Учёные из разных областей подробно рассмотрели вопрос этногенеза корейцев в рамках двухтомника "Происхождение и формирование корейской нации" [27, 28]. В первую очередь здесь обращает на себя внимание подробный антропологический анализ, проведённый Пак Сончжу. Согласно его данным, особый антропологический тип корейцев начал формироваться в период неолита, что подтверждается на основании большой частоты долихоцефальной формы черепа у населения Корейского полуострова начиная с этого периода [27, с. 185–231]. Этнограф Ким Ёльгю в своём разделе указывает на широкие связи корейцев с народами Сибири и Дальнего Востока, отмечая при этом наличие более древних пластов, определение принадлежности которых пока является трудновыполнимой задачей [28, с. 365–369]. Ещё один этнограф, Чо Хынюн, в рамках проекта попытался ответить на вопрос о времени начала процесса этногенеза. По его мнению, его стоит связать с основанием Древнего Чосона и началом формирования корейского варианта шаманизма [28, с. 51–52]. Лингвист Сон Пэгин, в свою очередь, отметил существенные проблемы, связанные с соотношением фонем различных языков алтайской языковой семьи, на основании чего предложил учёным пересмотреть существующие представления о связях между корейским языком и алтайской языковой семьёй. Впрочем, своей оригинальной теории происхождения корейского языка Сон не предложил [28, с. 371–440]. Подробный археологический, антропологический и этнографический анализ происхождения корейцев, проведённый в рамках проекта Академией наук Халлим, ещё раз показал многослойность корейской культуры, указывающей на большое число компонентов, участвовавших в процессе этногенеза.

В 2000-е гг. концепция многокомпонентности корейского этногенеза получила своё продолжение в целом ряде работ. В первую очередь нельзя не отметить гипотезу о существовании "панъяпономорской культуры", которую впервые высказали в своих работах археологи Ким Чжэюн и Кан Инук. Ким Чжэюн видит связь между культурами стоянок Мунамни, Осанни и другими синхронными им памятниками на восточном побережье Кореи, с одной стороны, и сергеевским этапом руднинской культуры Приморья – с другой [11]. Она же выдвинула идею о том, что в периоды климатического максимума во время неолита (6,5 – 6 тыс. лет назад) и бронзы (3,4–2,9 тыс. лет назад) древнее население в обширном регионе бассейна Японского моря осуществляло активные контакты [10]. Ещё один археолог, Ким Ынён, предполагает тесные контакты носителей догребенчатой керамики с бойсманской культурой Приморья [9]. Кан Инук, в свою очередь, высказывает идею об общем культурном пространстве, протянувшемся с севера на юг через современный Приморский край и восточное побережье Кореи, отождествляя с ним такие известные современным историкам этнонимы, как Ымну (кит. илоу) и окчо (кит. воцзюй) [4].

Отдельным направлением в изучении происхождения корейцев с конца 1980-х гг. стало широкое применение естественнонаучных методов. К примеру, радиолюминесцентное исследование каменных инструментов позволило узнать о том, что древние жители Кореи использовали обсидиан, добываемый в разных регионах. К таким выводам в совместной работе приходят Ли Хончжон и Ли Хеён [16]. Однако наиболее популярными сейчас являются исследования, посвящённые анализу ДНК. Несмотря на то, что первоначально корейские исследователи использовали достижения своих зарубежных коллег, сейчас в их анализе есть и материалы, полученные местными учёными. К примеру, масштабные исследования mtDNA представителей восточных монголоидов были проведены Ким Уком. Что касается применения этих исследований к изучению происхождения корейцев, то довольно полный разбор представлен в работе Ли Хонгю. Основной его вывод заключается в том, что в генах современных корейцев присутствуют маркеры по меньшей мере четырех групп азиатских народов: северной (трансбайкальской), северо-восточной (амурской), южной (юньнаньской) и восточной (японской) [17].

Интересные выводы сделал на одонтологическом материале Пан Мингю, который сравнил одонтологические типы народов Сибири, Дальнего Востока и Кореи в разные периоды и выявил чёткую преемственность между жителями Корейского полуострова только с периода Корё (918–1392 гг.) [1].

В целом же весь комплекс полученных в 1990-е и 2000-е гг. данных о происхождении корейцев указывают на то, что процесс их этногенеза был длительным и сложным, а антропологический тип населения Корейского полуострова, начав формироваться в период неолита (или ранее), полностью сложился лишь после объединения Кореи под властью Объединённого Силла и Корё с VII по X в. При этом в течение всего этого длительного периода, занявшего не одну тысячу лет, на Корейский полуостров пришло несколько волн миграции, которые и сформировали облик современных корейцев.

В этой связи в современной исторической науке Южной Кореи, похоже, сложился новый консенсус относительно понимания процесса этногенеза корейцев, заключающийся в признании участия в нём большого числа различных компонентов. Отражение данной точки зрения можно увидеть в недавней работе хорошо известного российским коллегам археолога Кан Инука [4], который, развивая тезис Чхве Моннёна о множестве источников корейской культуры, характеризует процесс происхождения корейцев как "пёстрый", "сложный" и многокомпонентный. В этой концепции Корейский полуостров видится не замкнутым пространством, где в относительной изоляции сформировалась единая корейская нация, а зоной активнейшего контакта многочисленных культур и народов, которые постоянно смешиваясь и оказывая влияние друг на друга сформировали облик современных корейцев. Эту теорию автор данных строк предлагает называть гетерогенной миграционной теорией этногенеза, так как в самой Южной Корее отдельного её именованья пока не предложено.

Заключение

Как мы видим из всего вышеизложенного, в настоящий момент в двух корейских государствах сложилось очень разное понимание процесса этногенеза корейцев. На сегодняшний день северокаорейские учёные придерживаются теории автохтонного этногенеза, которую можно условно назвать чучхейской, так как она основывается на т.н. чучхейской теории нации, разработанной Ким Ирсеном и подразумевающей формирование нации на основе четырех общностей – генетической, языковой, культурной и территориальной – в любой период истории, что позволяет отнести её к социобиологическому направлению примордиализма.

Современная северокаорейская историография утверждает, что корейцы являются самым древним из непрерывно существующих народов, сформировавшимся автономно и без значительного влияния извне. Важным доказательством этой концепции служит выделение особой тэдонганской культуры, которая включает учёными КНДР в пятёрку самых древних цивилизаций человечества.

Не можем не отметить, что ряд положений этой теории выглядит достаточно спорно. Выделение особой тэдонганской культуры, большая часть стоянок которой ранее относилась к т.н. кунсанской культуре, кажется неубедительным, как и её периодизация. Трудно подтвердить и тезис о генетическом родстве между палеолитическими жителями Кореи, а также всерьёз говорить об автономности всего процесса антропогенеза и этногенеза на Корейском полуострове, особенно в свете последних достижений генетики и физической антропологии.

Что касается Южной Кореи, то здесь в свете новых археологических и генетических данных, полученных с использованием современных технологий, сформировалась теория, которая в этой работе названа теорией гетерогенного миграционного этногенеза. Археологические и антропологические исследования показывают активный обмен населения Корейского полуострова с соседними регионами в течение всего изучаемого периода, а генетические исследования подтверждают наличие генов, ассоциируемых как минимум с четырьмя группами древнего населения Азии.

Весь комплекс современных исследований вопроса этногенеза корейцев в Южной Корее указывает на то, что в течение длительного периода начиная с неолита Корейский полуостров был зоной активных миграций различных групп населения, которые постоянно смешивались между собой. Большинство исследователей приходит к выводу, что процесс этногенеза корейцев осуществлялся на полиэтничной основе, начался с переселения носителей культуры бронзы на Корейский полуостров в I тыс. до н.э. и завершился формированием первого объединенного государства – Объединенного Силла во второй половине VII в. Впрочем, часть исследователей указывает на то, что антропологический облик корейцев продолжил формироваться и сложился уже с образованием государства Корё (918–1392 гг.), а начаться мог и раньше – в верхнем палеолите.

Литература

1. Пан Мингю. Сравнительная характеристика одонтологического типа народов Сибири, Дальнего Востока и населения Корейского полуострова // *Корейские сибирские исследования*. 2010. Т. 14, № 2. С. 179–214.
2. Тангун – родоначальник Кореи. Сборник научно-исследовательских статей. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. 199 с.
3. (최신) 조선지도. 동경: 학우서방, 1999. 52쪽 = (Самая новая) Карта Кореи. Токио: Хагу собан, 1999. 52 с.
4. 강인옥. 우리의 기원, 단일하든 다채롭든: 상상과 과학의 경계에서 찾아가는 한민족의 흔적. 파주: 21세기 북스, 2022. 272 쪽 = Кан Инук. Наше происхождение одноставное или разнообразное: Следы корейского народа, обнаруживаемые в границах воображения и науки. Пхачжу: 21 세기 북스, 2022. 272 с.
5. 고헌렬. 씨비리엣주민들과 구별되는 신석기시대 조선옛류형사람 // *조선고고연구*. 2013. № 1. 22–27쪽 = Ко Кваннёл. Корейцы древнего типа в период неолита и их отличие от древних жителей Сибири // *Корейские археологические исследования*. 2013. № 1. С. 22–27
6. 고헌렬. 조선사회과학술집 479 고고학편:조선의 화석인류와 옛류형사람. 평양:사회과학출판사, 2014. 335쪽 = Ко Кваннёл. Коллекция научных работ корейских социальных наук № 479, серия археология: ископаемые люди Кореи и человек древнего типа. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2014. 335 с.
7. 고헌렬. 중국옛주민들과 구별되는 신석기시대 조선옛류형사람 // *조선고고연구*. 2013. № 4. 2–6쪽 = Ко Кваннёл. Корейцы древнего типа в период неолита и их отличие от древних жителей Китая // *Корейские археологические исследования*. 2013. № 4. С. 2–6.
8. 공명성. 조선사회과학술집 146 역사학편: 조선고대사연구 1 / 공명성, 계승무. 평양:사회과학출판사, 2010. 211 쪽 = Кон Мёнсон. Коллекция научных работ корейских социальных наук № 146, серия история: исследование древней истории Кореи 1 / Кон Мёнсон, Ке Сунму. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2014. 211 с.
9. 김은영. 러시아 연해주와 주변지역 신석기시대 전기 토기의 편년과 동태 // *고문화*. 2010, № 12 (76), 55–101 쪽 = Ким Ынён. Хронология и тенденции в раннеолитической керамике российского Приморья и окружающих регионов // *Древняя культура*. 2010. № 12 (76). С. 55–101.
10. 김재운. 환동해문화권 선사시대문화의 이동과 동해기온변화와의 관련성에 대한 검토 // *동북아 문화연구*. 2021. № 1(66). 21–36쪽 = Ким Чжэюн. Обсуждение связи потепления в регионе Японского (Восточного) моря и перемещения древних панъяпономорских культур // *Исследования культуры Северо-Восточной Азии*. 2021. № 1(66). С. 21–36.
11. 김재운. 환동해문화권의 전기신석기시대 교차편년 연구 // *동북아 문화 연구*. 2013. № 34. 507–527 쪽 = Ким Чжэюн. Исследование смешанной хронологии [археологической] культуры раннего неолита панъяпономорских культур // *Исследования культуры Северо-Восточной Азии*. 2013. № 34. С. 507–527.
12. 류렬. 조선말력사(고대~10세기초). 1. 평양:사회과학출판사, 1990. 408쪽 = Рю Рёль. История корейского языка (древность – начало X в.). Т. 1. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 1990. 408 с.
13. 백기하. 조선사람머리뼈의 인류학적 특징 / 백기하, 장우진 // *고고민속론문집*. 1973. № 5. 110–133쪽 = Пэк Киха. Антропологические особенности костей черепа корейца / Пэк Киха, Чан Учжин // *Сборник работ по археологии и этнографии*. 1973. № 5. С. 110–133.
14. 백기하. 조선사람인종징표의 연령적변화 // *고고민속론문집*. 1975. № 6. 59–123쪽 = Пэк Киха. Возрастные изменения антропологических особенностей корейцев // *Сборник работ по археологии и этнографии*. 1975. № 6. С. 59–123
15. 신편한국사. 제1권. 서울: 탐구당 문화사, 1997. 536쪽 = Новая редакция истории Кореи. Т. 1. Сеул: Тхамгудан мунхва, 1997. 536 с.
16. 이현종. 우리나라 후기구석기시대인의 흑요석에 대한 전략적 활용에 대한 고찰 / 이현종, 이혜연 // *지방사와 지방문화*. 2005. № 8/1. 7–34 쪽 = Ли Хончжон. Исследование стратегического использования обсидиана в позднем палеолите Кореи / Ли Хончжон, Ли Хеён // *Провинциальная история и провинциальная культура*. 2005. № 8/1. С. 7–34.
17. 이흥규. 유전자로 찾는 한민족의 뿌리 // *한국사 시민강좌*. 2003. № 32. 28–55쪽 = Ли Хонгю. Поиск кор-

ней корейцев через ДНК // Гражданские лекции по истории Кореи. 2003. № 32. С. 28–55.

18. 장우진. 조선사람의 혈청학특징에 관한 연구 / 장우진, 이애경 // 고고민속론문집. 1984. № 9. 153–179 쪽 = Чан Учжин. Исследование серологических особенностей корейцев Учжин / Чан Учжин, Ли Эгён // Сборник работ по археологии и этнографии. 1984. № 9. С. 153–179.

19. 장우진. 아득히 먼 옛날의 우리 선조들을 찾아서. 평양: 사회과학출판사, 2009. 207쪽 = Чан Учжин. В поисках наших предков в глубокой древности. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 2009. 207 с.

20. 장우진. 조선민족의 발상지 평양. 평양: 사회과학출판사, 2000. 173쪽 = Чан Учжин. Место возникновения корейцев – Пхеньян. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 2000. 173 с.

21. 장우진. 조선사람의 기원 / 장우진, 림영규. 평양: 사회과학출판사, 1989. 351쪽 = Чан Учжин. Происхождение корейцев / Чан Учжин, Лим Ёнгу. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 1989. 351 с.

22. 장우진. 조선사람이발의 인종특징에 대하여 // 고고민속론문집. 1979. № 7. 10–44쪽 = Чан Учжин. Об антропологических особенностях зубов корейцев // Сборник работ по археологии и этнографии. 1979. № 7. С. 10–44.

23. 조선말사전. 평양: 과학백사전출판사, 2004. 1726 쪽 = Словарь корейского языка. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2004. 1726 с.

24. 조선통사 (상). 평양: 사회과학출판사, 2009. 459 쪽 = Общая история Кореи. Ч. 1. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 2009. 459 с.

25. 지화산. 대동강문화 / 지화산, 서국태. 평양: 외국문출판사, 2011. 246쪽 = Чи Хвасан. Тэдонганская культура / Чи Хвасан, Со Гуктэ. Пхеньян: Вегунмун чхульпханса, 2011. 246 с.

26. 최희열. 조선사회과학학술집 500 철학편: 주체의 민족리론연구. 평양: 사회과학출판사, 2014. 360 쪽 = Чхве Хиэль. Коллекция научных работ корейских социальных наук № 500, серия философия: исследование чуждейской теории нации. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2014. 360 с.

27. 한국민족의 기원과 형성. 상. 서울: 소화, 1996. 307쪽 = Происхождение и формирование корейской нации. Т. 1. Сеул: Сохва, 1996. 307 с.

28. 한국 민족의 기원과형성. 하. 서울: 소화, 1996. 366 쪽 = Происхождение и формирование корейской нации. Т. 2. Сеул: Сохва, 1996. 366 с.

29. 허종호. 단군 및 고조선력사 연구에서의 몇가지 기본문제들과 그 해명 // 역사과학. 1996. № 2. 43–47 쪽 = Хо Чхонхо. Несколько основных вопросов и их решений в исследовании Тангуна и истории Древнего Чосона // Историческая наука. 1996. № 2. С. 43–47.

References

1. Pan Mingyu. Comparative characteristics of the odontological type of the peoples of Siberia, the Far East and the population of the Korean Peninsula // Hanguk Siberia yeongu. 2010. Vol. 14, № 2. P. 179–214. (In Russ.).

2. Tangun – the ancestor of Korea. Collection of research articles. Pyeongyang: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1994. 199 с. (In Russ.).

3. (The newest) Map of Korea. Tonggyeong: Hagu seobang, 1999. 52 p. (In Kor.).

4. Kang Inuk. Our origin is one-component or diverse: Traces of the Korean people, found within the boundaries of imagination and science. Paju: 21segi bukseu, 2022. 272 p. (In Kor.).

5. Ko Gwangnyeol. Koreans of the ancient type in the Neolithic period and their difference from the ancient inhabitants of Siberia // Joseon kogo yeongu. 2013. № 1. P. 22–27. (In Kor.).

6. Ko Gwangnyeol. Collection of scientific works of the Korean Social Sciences No. 479, Archeology series: fossil people of Korea and the man of the ancient type. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2014. 335 p. (In Kor.).

7. Ko Gwangnyeol. Koreans of the ancient type in the Neolithic period and their difference from the ancient inhabitants of China // Joseon kogo yeongu. 2013. № 4. P. 2–6. (In Kor.).

8. Kong Myeongseong. Collection of scientific works of Korean Social Sciences No.146, History series: A Study of the Ancient History of Korea 1/ Kong Myeongseong, Kye ungm. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2010. 211 p. (In Kor.).

9. Kim Eunyeong. Chronology and trends in Early Neolithic ceramics of the Russian Primorye and surrounding regions // Komunhwa. 2010, № 12 (76), P. 55–101. (In Kor.).

10. Kim Jaeyun. Investigation of the mixed chronology of the [archaeological] culture of the Early Neolithic of the Sea of Japan basin // Tongbuga munhwa yeongu. 2013. № 34. P. 507–527. (In Kor.).

11. Kim Jaeyun. Investigation of the mixed chronology of the [archaeological] culture of the Early Neolithic Pan-Japanese cultures // Tongbuga munhwa yeongu. 2013. № 34. P. 507–527. (In Kor.).

12. Ryu Ryeol. History of the Korean language (antiquity – the beginning of the X century). Vol. 1. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 1990. 408 p. (In Kor.).

13. Paek Kiha. Anthropological features of Korean skull bones / Paek Kiha, Jang Ujin // Kogo minsok nonmunjip. 1973. № 5. P. 110–133. (In Kor.).

14. Paek Kiha. Age-related changes in the anthropological characteristics of Koreans // Kogo minsok nonmunjip. 1975. № 6. P. 59–123. (In Kor.).

15. New edition of the History of Korea. Vol. 1. Seoul: Tamgudang munhwasa, 1997. 536 p. (In Kor.).

16. Yi Heonjong. A study of the strategic use of Obsidian in the Late Paleolithic of Korea / Yi Heonjong, Yi Hyeeyon // Jibangsawa jibangmunhwa. 2005. № 8/1. P. 7–34. (In Kor.).
17. Yi Honggyu. Search for the roots of Koreans through DNA // Hanguksa simin kangjiwa. 2003. № 32. P. 28–55. (In Kor.).
18. Jang Ujin. Study of serological features of Koreans / Jang Ujin, Yi Aegyeong // Kogo minsok nonmunjip. 1984. № 9. P. 153–179. (In Kor.).
19. Jang Ujin. In search of our ancestors in ancient times. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2009. 207 p. (In Kor.).
20. Jang Ujin. The place of origin of the Koreans – Pyonyang. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2000. 173 p. (In Kor.).
21. Jang Ujin. The origin of Koreans / Jang Ujin, Rim Yeonggyu. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 1989. 351 p. (In Kor.).
22. Jang Ujin. About the anthropological features of the teeth of Koreans // Kogo minsok nonmunjip. 1979. № 7. P. 10–44. (In Kor.).
23. Korean Language Dictionary. Phyeongyang: Kwahak baekkwaja sajeon chulphansa, 2004. 1726 p. (In Kor.).
24. General history of Korea. Part 1. Phyeongyang: Sahwe kwahak chulpansa, 2009. 459 p. (In Kor.).
25. Ji Hwasan. Taedonggang culture / Ji Hwasan, Seo Guktae. Pyeongyang: Wegukmun chulpansa, 2011. 246 p. (In Kor.).
26. Choe Huiyeol. Collection of scientific works of Korean Social Sciences No. 500, Philosophy series: A Study of the Juche Theory of the Nation. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2014. 360 p. (In Kor.).
27. Hanguk minjogui kiwongwa hyeongseong. Sang. Seoul: Sohwa, 1996. 307 p. (In Kor.).
28. Hanguk minjogui kiwongwa hyeongseong. Ha. Seoul: Sohwa, 1996. 366 p. (In Kor.).
29. Heo Jongho. A few basic questions and their solutions in the study of Tangu and the history of Old Joseon // Ryeoksa kwahak. 1996. № 2. P. 43–47. (In Kor.).

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО, канд. истор. наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vakulenco@mail.ru

Vadim S. AKULENKO, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vakulenco@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 05.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Научная статья
УДК 94(470)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/23-37>

"Величав Амур седой, мы храним его покой". Проблемы исторической памяти и региональной идентичности в Хабаровском крае

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, efd2015@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика политики памяти и региональной идентичности в Хабаровском крае. Пример Хабаровского края демонстрирует особенности политики памяти на уровне региона, где мнемонические взаимодействия и нарративы могут отличаться от соответствующих процессов на федеральном уровне. Рассмотрены взаимодействия ключевых мнемонических акторов, выявлены основные зоны конфликтов, связанные с различными трактовками исторического прошлого. Показано значение политического использования прошлого для формирования региональной идентичности.

Ключевые слова: политика памяти, Дальний Восток, Хабаровский край, мнемонические акторы, региональная идентичность, коммеморации

Для цитирования: Ефременко Д.В. "Величав Амур седой, мы храним его покой". Проблемы исторической памяти и региональной идентичности в Хабаровском крае // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 23–37. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/23-37>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/23-37>

"Majestic Hoary Amur, We Are Keeping His Calm". Issues of Historical Memory and Regional Identity in Khabarovsk Region

Dmitry V. EFREMENKO

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia, efd2015@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of memory politics and identity in Khabarovsk region. The case in question demonstrates the specifics of memory politics at the regional level, where mnemonic interactions and narratives may differ from the corresponding processes at the federal level. The interactions of key mnemonic actors are considered, the main zones of conflicts associated with different interpretations of the historical past are identified. The importance of the political use of the past for the formation of regional identity is demonstrated.

Keywords: politics of memory, Russian Far East, Khabarovsk region, mnemonic actors, regional identity, commemorations

For citation: Efremenko D.V. "Majestic Hoary Amur, We Are Keeping His Calm". Issues of Historical Memory and Regional Identity in Khabarovsk Region // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 23–37. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/23-37>

Введение

Современное состояние исследований политики памяти и мемориальной культуры характеризуется не только углубленными теоретико-методологическими поисками, но также экспоненциально расширяющимся пространственным охватом. Речь идет как о географии объектов анализа, так и об уровнях иерархии – от глобального (космополитическая, или транснациональная память) до локального. Базовой, безусловно, остается привязка к национальному государству и стоящему за ним макрополитическому сообществу. Однако исследователи политики памяти в полной мере осознают, что картина мнемонических взаимодействий, представленная только на макроуровне политической организации, остается заведомо неполной. В то же время стремление уйти на микроуровень памяти локальных сообществ или групп может в некоторых случаях вести к смещению аналитического фокуса, осложняя понимание механизмов производства публичных дискурсов, фреймирующих историческую память макрополитического сообщества. В этом контексте вполне адекватной видится установка на разномасштабность (multiscalarity) в исследованиях памяти [30], позволяющая сформировать комби-

© Ефременко Д.В., 2023

нированную оптику изучения широкого комплекса взаимодействий, связанных с воспоминанием и интерпретацией прошлого.

Как представляется, применительно к исследованиям политики памяти в России наименее разработанной является проблематика политики памяти в регионах. Несмотря на количественный рост научных публикаций, посвященных репрезентациям исторического прошлого в тех или иных регионах страны, на систематическом уровне данная задача пока далека от своего решения. Один из возможных подходов к картированию мнемонического ландшафта России был предложен участниками исследовательского проекта РНФ "Комплексное сравнительное изучение политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий" (2017–2021, руководитель – д.и.н. А.И. Миллер). Подход основан на сочетании анализа большого массива научных публикаций и иных информационных материалов с данными, полученными в ходе полуструктурированных интервью с экспертами (учеными, преподавателями вузов, музейными работниками, активистами общественных организаций, журналистами), представляющими соответствующий регион. Сопоставление данных нескольких экспертных интервью по каждому субъекту Федерации позволяет получить представление о региональной повестке политики памяти, основных нарративах и взаимодействиях мнемонических акторов. Следующим шагом становится сравнение между собой регионов, расположенных по соседству друг с другом или внутри более крупного территориального кластера (например, федерального округа)¹.

В настоящей статье представлен аналитический обзор основных тенденций и особенностей политики памяти в Хабаровском крае. Рассмотрение данной проблематики позволяет сделать ряд значимых выводов в отношении некоторых общих особенностей и динамики взаимодействий мнемонических акторов в азиатской части России. В то же время мнемоническое измерение является неотъемлемой частью макрорегиональной идентичности, и, таким образом, статья служит вкладом в обсуждение этой проблемы.

История и политика на берегах Амура

С чего начинается история? Речь, разумеется, в нашем случае идет о контексте политики памяти, о балансе памятования и забвения применительно к определенной территории, имеющей статус административно-территориальной единицы. Первый очевидный рубеж, демонстрирующий особенности дискурсивного пространства политики памяти на уровне российского региона, проходит через описание и восприятие его истории в эпоху, предшествовавшую установлению систематического контроля Москвы (в дальнейшем – Санкт-Петербурга). В Хабаровском крае, как и в значительной части других регионов Дальнего Востока и Сибири, внимание фокусируется на археологических памятниках доисторической эпохи и этнографически значимых артефактах, позволяющих получить более полное представление о материальной и духовной культуре автохтонного населения. Контекст политической истории практически отсутствует. Даже памятники XIII – начала XV в. у пос. Тыр в 100 км. от устья Амура рассматриваются преимущественно в археологической оптике, как свидетельства иррегулярных попыток династий Юань и Мин распространить свое влияние на исконные территории проживания нивхов (в китайской традиции их относили к диким чжурчжэням) [9]. По сути дела, в дискурсивном поле находится лишь история вхождения и пребывания этих земель в составе российского государства.

В Хабаровском крае появление землепроходцев фактически признается первой вехой исторического бытия этих регионов, но сколь-нибудь активных дискуссий в публичной сфере по этой теме до последнего времени не велось. Принципиальный вопрос – было ли проникновение русских в Восточную Сибирь и на Дальний

¹ Более полный обзор состояния исследований политики памяти в регионах дан во введении к коллективной монографии [22]. Сравнение нескольких регионов Сибири и Дальнего Востока с использованием материалов экспертных интервью представлено в IV главе данной монографии, написанной автором.

Восток преимущественно мирным освоением "незанятого" пространства или колонизацией – в основном остается за пределами дискурсивного поля. В академической среде представление о дальневосточных территориях как о "пустой земле" в ряде публикаций рассматривается в качестве мифологемы, одним из последствий утверждения которой становится отрицание прошлого региона до момента, когда, собственно, начинается освоение или покорение этих земель [25]. В оптике этой прогрессистской мифологемы осмысление феномена землепроходчества становится одномерным, а довольно спорные моменты в жизнеописаниях землепроходцев, в частности, Ерофея Хабарова, чья деятельность может по-разному оцениваться и с точки зрения взаимоотношений с приамурскими племенами, и в плане безупречного отстаивания интересов "Белого царя", чаще всего остаются на периферии обсуждений истории региона. Некоторое оживление интереса к деятельности землепроходцев в Приамурье связано в последние годы с активной историко-просветительской и литературной деятельностью хабаровского философа и социолога Л.Е. Бляхера, который предлагает рамку описания первого проникновения русских в регион как "сорокалетней войны на Амуре" [15].

Одним из наиболее ярких эпизодов истории продвижения русских к Тихому океану является оборона албазинского острога в 1685 г. и в 1686 г. Несмотря на неудачный военный исход и негативные политико-дипломатические последствия (Нерчинский договор 1689 г. почти на два столетия отсрочил установление российского контроля над Приамурьем), в символическом отношении албазинская оборона имеет большое значение для всего дальневосточного макрорегиона. Однако эффективность использования этого потенциала не очень высока из-за формально-бюрократического подхода, отягощенного к тому же фактором административно-территориального деления: албазинская тематика рассматривается как "подведомственная" Амурской области, в составе которой находится с. Албазино. Здесь важно учитывать по крайней мере два аспекта. Один связан с тем, что основным спонсором археологических раскопок на месте албазинской крепости, создания посвященных ее обороне документальных фильмов, научных и популярных изданий с 2011 г. выступает Фонд "Петропавловск", учрежденный одноименной группой золото- и горнодобывающих компаний, контролируемых бизнесменом П.А. Масловским (в 2011–2014 гг. – член Совета Федерации от Амурской области). Ее основные активы находятся в Амурской области, в том числе одно из крупных предприятий – в с. Албазино. Соответственно, Фонд "Петропавловск" наиболее плотно взаимодействует с областной администрацией, которая поддерживает ряд его инициатив, включая возможное включение изданий, посвященных Албазину, в программу школьного курса "Краеведение", а также реализует проект реконструкции строений острога в парке "Патриот", расположенном на полигоне Дальневосточного высшего общевойскового командного училища [6]. Однако в Хабаровском крае и других регионах Дальнего Востока история Албазинской обороны пока остается периферийной темой. Возможно, несколько изменить это положение поможет публикация романа Л.Е. Бляхера "Сибирская сага", главным героем которого является руководитель обороны Албазина Афанасий Бейтон [2].

Следует также принимать во внимание международно-политические коннотации темы Албазина. На фоне усилий по развитию российско-китайского стратегического партнерства контекст, связанный с периодом противостояния и территориальных споров между двумя державами, представляется не совсем "удобным". Невнятность позиции и отсутствие скоординированного подхода региональных властей на уровне Дальневосточного федерального округа контрастируют с куда более решительной позицией властей китайской провинции Хэйлунцзян, в соответствии с решением которых в 2015 г. в центре г. Хэйхэ, расположенного по

другую сторону Амура напротив Благовещенска, был установлен памятник маньчжурскому полководцу Лантаню, осаждавшему Албазинскую крепость².

Характерной особенностью постсоветской политики памяти в регионах Сибири и Дальнего Востока является поиск опорных точек (мест памяти), позволяющих подчеркнуть значение региона в истории и современности, акцентировать как его своеобразие, так и связь с "большой Россией", избегая при этом перехода публичных дискуссий о прошлом в конфликтную плоскость. На уровне персоналий интерес фокусируется на выдающихся государственных деятелях, оставивших заметный след в истории Сибири и Дальнего Востока. Большое внимание уделяется роли Н.Н. Муравьева-Амурского в окончательном закреплении России на Тихом океане. При этом в Хабаровске (особенно последовательно в период руководства краем В.И. Ишаевым) велась работа по увековечению памяти сподручников Н.Н. Муравьева-Амурского (в частности, открытие в 2008 г. памятника первостроителю Хабаровска капитану Я.В. Дьяченко) и его преемников. В целом мемориальная политика в Хабаровском крае (равно как и в Амурской области) направлена на закрепление сюжетов исторической памяти, связанных с установлением российско-цинской границы на основе Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров [20, с. 33]. Региональные власти достаточно активно работают над организацией юбилейных мероприятий, позволяющих подчеркнуть заслуги исторических деятелей, внесших заметный вклад в изучение, политико-административное, экономическое и культурное освоение региона. На это, в частности, были направлены мероприятия в ознаменование 200-летия со дня рождения мореплавателя Г.И. Невельского и 170-летия со дня рождения генерал-губернатора Приамурского края Н.Н. Гродекова. В 2013 г. с этими юбилеями и 75-летием образования Хабаровского края был сопряжен и проект региональной администрации "Край замечательных людей", когда в течение 75 дней с помощью СМИ их читателям и пользователям предлагались повествования о 75 известных людях, внёсших значительный вклад в освоение и развитие региона [29]. Фактически этот проект можно рассматривать как пример контролируемых властью усилий по догоняющему конструированию региональной идентичности, хотя для большинства из отобранных для чествования деятелей основной ареной активности был город Хабаровск, на протяжении жизни нескольких поколений выступавший административным центром территории, многократно изменявшей свои географические очертания и размеры. Исходную точку формирования самой дальневосточной идентичности вполне уместно соотносить с созданием Приамурского генерал-губернаторства (1884) [25, с. 37], учитывая при этом особенности последующих переселенческих волн и миграций населения, а также ключевые события политической и военной истории страны.

Для дореволюционной эпохи и первых послереволюционных лет наиболее очевидным претендентом на статус культурного героя Дальнего Востока можно считать В. К. Арсеньева, который не только внес весомый вклад в познание физической географии, животного мира и этнографии края, но и олицетворяет своей деятельностью паттерн взаимодействия русских с автохтонным населением Приамурья. Указом Президента РФ 2022 г. был объявлен годом празднования 150-летия Арсеньева, а самому юбилею был придан общероссийский масштаб. Впрочем, еще до юбилея фигура Арсеньева была центральной для ряда научных и культурно-просветительских программ и мероприятий в масштабе всего Дальнего Востока (в частности, ежегодных Арсеньевских и Гродековских чтений, проектов Общества изучения Амурского края, имеющего автономный статус в составе Российского географического общества (РГО)). В последние годы РГО делает упор на возрождении мощной традиции географических исследований приамурского ре-

² В связи с этим стоит обратить внимание на некоторую неоднозначность глорификации Лантаня уже с точки зрения политики памяти в Северо-Восточном Китае. Исполняя волю императора Канси по вытеснению русских из Приамурья, Лантань действовал в династических интересах маньчжуров, которые строжайшим образом препятствовали даже временному посещению ханьцами северной части Маньчжурии.

гиона, фокусируя внимание на наиболее значимых экспедициях и биографиях В.К. Арсеньева и других исследователей. Следует отметить, что в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке в целом иногда дает о себе знать и тенденция к своеобразной монополизации формирования образа В.К. Арсеньева как регионального культурного героя, в рамках которой довольно негативно оцениваются усилия ряда столичных авторов-арсеньеведов, якобы пользующихся недостоверной информацией [11, с. 101].

Революционные потрясения 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война, безусловно, занимают важное место в тематическом репертуаре политики памяти в Хабаровском крае и других регионах Дальнего Востока. С одной стороны, в этих регионах воспроизводятся общероссийские тенденции, проявляющиеся при обращении к рубежным событиям отечественной истории XX столетия. Прежде всего, это отсутствие четко артикулированной позиции федеральных властей в отношении Февральской и Октябрьской революций, подтверждением чему стали коммеморации столетия свержения самодержавия и прихода к власти большевиков. Фактически властвующая элита сделала выбор в пользу мнемонического плюрализма, допускающего полифонию нарративов о революции(ях) 1917 г., но регулирующего остроту дискуссий и ориентирующего их участников на достижение примирения и согласия [18, с. 10]. В этих условиях представители регионального сегмента вертикали власти, как правило, предпочитали воспроизводить шаблон действий федеральных властей. Попытка занять более определенную позицию могла бы создать впечатление о несогласии с линией московского руководства, но при этом также усложнить отношения с теми или иными местными мнемоническими акторами.

С другой стороны, следует принимать во внимание специфические особенности восприятия событий 1917 г., гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Макрорегион в конце 1910-х – начале 1920-х гг. едва ли можно назвать зоной благоприятствования большевистскому проекту социально-политических преобразований. Далеко не все события и попытки организации политической власти укладываются в "красно-белую" парадигму описания гражданской войны и революции. Насыщенная фактология и множественность противоборствовавших друг с другом сил затрудняют формирование целостной рамки восприятия этих событий на бытовательском уровне. Скорее, фрагментарная постпамять об этих событиях продолжает воспроизводить устоявшиеся стереотипы о революции и партизанской борьбе на Дальнем Востоке, часть из которых восходит к советскому литературному канону.

Тематика иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке является важной частью репертуара политики памяти в Хабаровском крае и других субъектах ДФО, но при этом сама череда связанных с интервенцией событий и масштаб вмешательства иностранных держав получают неодинаковое освещение. Наибольшее внимание привлекает японская интервенция, вокруг которой выстраивается неустойчивый баланс памятования / забвения. При этом, как справедливо отмечает А.В. Михалев, налицо трехуровневая картина почти полувекового российско-японского противостояния, первым этапом которой выступает неудачная российско-японская война 1904–1905 гг., вторым – японская военная интервенция на Дальнем Востоке, а третьим – разгром Квантунской армии в августе-сентябре 1945 г. [19] (сюда же можно добавить и Хабаровский процесс 1949 г.). С этой триадой связаны и особый травматический опыт, наиболее явно проявляющийся в масштабах макрорегиона, и его символические манифестации в литературе, скульптуре и изобразительном искусстве, кинематографе. В своей совокупности они являются важными компонентами дальневосточной макрорегиональной идентичности. Травматический опыт японской интервенции лишь фрагментарно воспринимается на федеральном уровне, с дистанции европейской части России. Более того, длительные попытки достичь прогресса в переговорах Москвы и Токио о заключении мирного договора побуждали не только центральные, но и региональные власти не слишком педалировать болезненную историческую про-

блематику. Вместе с тем такой сдержанный подход со стороны властей отчасти компенсировался действиями других мнемонических акторов, в числе которых, наряду с краеведами, можно обнаружить и региональные отделения КПРФ, и объединения представителей корейской диаспоры. Нельзя не отметить и японские мемориальные проекты, начавшие реализовываться уже в постсоветский период. Их задача состояла в выработке "языка примирения" на основе покаяния за преступления и трагедии периода интервенции [19]. В свете резкого усиления геополитической конфронтации в последние годы появляются основания говорить о новом "разогреве" памяти о сопротивлении интервентам, причем, помимо японской интервенции, особое внимание начинает уделяться действиям американского контингента и партизанской борьбе с ним [21].

Мифологема партизанского движения, имевшая фундаментальное значение для советской политики памяти на Дальнем Востоке и оказавшая значительное влияние на макрорегиональную идентичность, в постсоветское время оказалась в тени забвения. Но если в начале 1990-х годов это забвение объяснялось желанием уйти от советских символических и мнемонических практик, то в настоящее время появляется все больше стимулов (включая и геополитические) для нового прочтения этой мифологема. Однако позиция региональных властей остается весьма сдержанной. Есть сложности, связанные с самой темой, поскольку "правильные" партизаны, боровшиеся с колчаковцами и интервентами, в некоторых случаях действовали "неправильными" методами³, а спустя несколько лет многие из них составили основу "неправильных" отрядов антисоветских повстанцев. В более общем смысле память о партизанской борьбе может иметь коннотации, связанные с активным неприятием локальными сообществами навязываемых извне социальных и политических порядков.

Тема истории Дальневосточной республики лишь незначительно присутствует в актуальных дискуссиях об историческом прошлом, несмотря на очевидный трансрегиональный потенциал данного нарратива. Достаточно сказать, что географические контуры ДВР и Дальневосточного федерального округа (после включения в его состав Бурятии и Забайкальского края) на западе, юге и востоке в основном совпадают. Однако апелляция к опыту ДВР в рамках политической полемики чревата обвинениями в сепаратистских устремлениях. Показательным примером в данном случае может служить позитивное высказывание о ДВР в интервью "Известиям" (29.11.1995) хабаровского губернатора В.И. Ишаева. Но здесь необходимо принимать во внимание контекст жесткого торга за ресурсы и влияние между субъектами федерации и федеральным центром в преддверии президентских выборов 1996 г. Никаких практических действий по реинкарнации ДВР Ишаевым и другими лидерами дальневосточных регионов не предпринималось. В то же время в конце 1980-х – начале 1990-х годов миф о ДВР как своеобразном резервате благополучия и демократических свобод наполнялся содержанием и поддерживался в довольно узком кругу общественных активистов перестроечной волны и местной гуманитарной интеллигенции [8]. В конечном счете тема ДВР оказалась частично стигматизированной и оттесненной на весьма скромное место в ландшафте исторической памяти Хабаровского края и ряда других регионов, входящих в состав ДФО. В основном о ДВР вспоминают в связи с Волочаевской операцией и окончанием гражданской войны, а также трагическими обстоятельствами завершения японской интервенции (Николаевский инцидент). Столетие создания ДВР в 2020 г. отмечалось весьма скромно, чему, впрочем, способствовали и ограничения, связанные с пандемией COVID-19. Так, например, Государственный архив Хабаровского края представил посвященную этому событию виртуальную выставку; выставка также была организована в читинском Забайкальском краеведческом музее; в Забайкальском крае была выпущена памятная юбилейная медаль, но в других регионах Дальнего Востока эта инициатива продолжения не получила.

³ В частности, таковы, по большинству оценок, действия Я.И. Тряпицына в Николаевске-на-Амуре.

Своеобразным мнемоническим alter ego Хабаровска и других крупных центров Дальнего Востока и Восточной Сибири является русский Харбин. Сам Харбин с момента основания в 1898 г., КВЖД и ЮМЖД выступали манифестациями геополитических амбиций российской империи в эпоху Николая II, а Порт-Артур остается одним из первостепенных мест памяти российской военной истории. Однако применительно к послереволюционному периоду русский Харбин остается в исторической памяти не просто как один из важнейших центров белой эмиграции, но как воплощение той линии развития, которая могла реализоваться в Хабаровске, Владивостоке, Чите, Иркутске и т.д., но вследствие прихода к власти большевиков не была реализована⁴. Из этих городов в Харбин шел мощный переток человеческого капитала – предпринимателей, интеллигенции, военных, духовенства, казачества. Хотя тема наследия русской эмигрантской культуры может рассматриваться в том же Хабаровске как элитарная, интенсификация российско-китайского экономического и культурного приграничного взаимодействия с начала 1990-х годов привносит в связанную с этим взаимодействием мнемоническую сферу новые коннотации. Инициированное властями провинции Хэйлуцзян в 1990-е годы восстановление исторического центра Харбина осуществлялось с привлечением хабаровских архитекторов; тогда же начал реализовываться ряд совместных (на уровне приграничных регионов) проектов музейно-выставочной деятельности, посвященных историко-культурным аспектам трансграничного взаимодействия русских и китайцев. Русское культурное наследие стало туристическим брендом современного Харбина, в значительной степени ориентированным на интерес современных россиян, правда, на весьма поверхностном уровне⁵. Тема белой эмиграции в Харбине и в целом в северо-восточном Китае также отражена в постоянной экспозиции Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова.

Политические и социально-экономические преобразования, развернувшиеся на территории нынешнего Хабаровского края после окончательного утверждения там советской власти, весьма неравномерно отражаются в современных исторических нарративах. Индустриальное освоение территорий края и развитие системы ГУЛАГа теснейшим образом переплетены друг с другом. Историческая мифология советской эпохи основана на замалчивании того факта, что большинство переселенцев и строителей объектов промышленности и инфраструктуры на Дальнем Востоке делали это недобровольно. Так, только на строительстве Байкало-Амурской магистрали и связанных с ней объектов были задействованы около 50 тыс. заключенных. Однако при всей тотальной значимости для Дальнего Востока темы репрессий и ГУЛАГа, она явно далека от того, чтобы стать стержнем региональной исторической памяти, хотя несомненно ее мощное воздействие на региональную идентичность.

Происходившая после распада СССР эрозия советской исторической мифологии на Дальнем Востоке не получала практически никакой адекватной замены. Вместе с тем вполне живы ее рудименты, в частности, даты и памятные дни, связанные с вехами индустриального строительства – день города Комсомольска-на-Амуре, даты основания градообразующих предприятий, которые для исторической памяти конкретного населенного пункта или района оказываются более важными, чем даты, "привязанные" к Хабаровскому краю как субъекту федерации.

Непосредственно проблематикой памяти жертв сталинских репрессий занимался "Мемориал"⁶, периодом расцвета деятельности которого считаются 1990-е годы, когда существовали наиболее благоприятные возможности реализации задач объединения и его региональных структур с точки зрения поддержки граж-

⁴ См.: [12].

⁵ Экспозиции китайских исторических и краеведческих музеев, рассказывающие о тех или иных аспектах двусторонних отношений, иллюстрируют официальный исторический нарратив КНР и, соответственно, ориентированы на внутреннюю аудиторию, вплоть до ограничения доступа граждан России к некоторым историческим экспозициям [23].

⁶ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

данского общества, взаимодействия с федеральными, региональными и муниципальными органами власти, привлечения финансирования. По инициативе "Мемориала" на городском кладбище Хабаровска в 1990 г. была построена часовня в память о жертвах репрессий; в 2003 г. она была реконструирована с добавлением каменных пилонов, на которых выгравированы имена 4300 хабаровчан – жертв сталинских репрессий. В 2007 г. каменный крест и памятник были установлены в Николаевске-на-Амуре на месте захоронения репрессированных. После признания правозащитного центра "Мемориал" в 2013 г. решением суда иностранным агентом, условия функционирования всех структур, использующих в своем названии бренд "Мемориал", заметно ухудшились как в России в целом, так и в регионах. Достаточно остро начала проявляться проблема смены поколений активистов региональных организаций "Мемориала", поскольку участие в его деятельности уже не гарантировало благоприятную позицию в региональном сегменте гражданского общества (по контрасту с периодом 2000-х – начала 2010-х гг., когда, например, заместитель руководителя хабаровского "Мемориала" возглавляла совет при губернаторе Хабаровского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека). Несмотря на это, историко-просветительское объединение "Мемориал" продолжало реализовывать традиционные для него проекты и поддерживало новые инициативы. В числе заметных акций хабаровского "Мемориала" необходимо отметить установку в 2013 г. в порту Ванино мемориальной доски легендарному подводнику, герою Советского Союза А.И. Маринеско, который в 1950–1951 гг. отбывал наказание по сфабрикованному обвинению в Ванинском ИТЛ, присвоение имени А.И. Солженицына в 2012 г. одной из новых улиц в Индустриальном районе Хабаровска, а также издание в 2018 г. сборника "Сталинский транзит: узники Хабаровской пересылки" [27].

В качестве набирающей силы контртенденции увековечению памяти жертв репрессий выступают усилия близких к КПРФ активистов и представителей ветеранских организаций по "монументальной реабилитации" И.В. Сталина. В 2018 г. бюст Сталина был установлен в Комсомольске-на-Амуре на аллее кавалеров ордена Победы. Инициатором создания аллеи и установки бюстов кавалеров ордена Победы выступило краевое государственное бюджетное учреждение "Комсомольская-на-Амуре набережная р. Амура"; проект пользовался поддержкой Российского военно-исторического общества [5]. В 2019 г. еще один бюст Сталина был открыт в с. Сосновка на окраине Хабаровска, на территории садового участка, принадлежащего местному коммунисту.

Память о Великой Отечественной войне в Хабаровском крае и макрорегионе в целом тесным образом переплетена с событиями Второй мировой войны в Восточной Азии, предшествовавшими гитлеровскому вторжению и последовавшими после разгрома нацистской Германии. В исторической памяти Дальнего Востока и Восточной Сибири военное противостояние с Японией на оз. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-Гол в 1939 г. выступают как первые вехи, знаменующие вклад макрорегиона в будущую победу. То обстоятельство, что режим памяти и нарративы о Великой Отечественной войне на Дальнем Востоке почти не отличаются от восприятия войны в европейской части России, где разворачивались боевые действия, служит еще одним подтверждением того, что война и победа над нацистской Германией выполняют роль смыслового каркаса всей российской политики памяти, причем ощущение их экзистенциальной значимости сохраняется у всех поколенческих когорт во всех частях страны. Местные особенности проявляются, прежде всего, в понятном интересе дальневосточников к боевому пути формировавшихся к востоку от Урала воинских подразделений. Молодежные поисковые отряды ежегодно организуют экспедиции по местам сражений, занимаясь поиском и захоронением останков красноармейцев, а также выявлением среди павших уроженцев своего региона; эпизоды из сражений Великой Отечественной войны часто разыгрываются дальневосточными реконструкторами.

Роль тыла, эвакуации в рассматриваемые регионы населения и промышленных предприятий из европейской части СССР, создание новых производств и ин-

фраструктуры, критически значимых для Победы, занимают достойное место в символической политике и региональных нарративах о Великой Отечественной войне. Так, в Хабаровске в 2020 г. проведен открытый конкурс на лучший проект памятника труженикам тыла и детям войны. Учреждение в 2020 г. почетного звания РФ "Город трудовой доблести" способствовало разворачиванию негласного соревнования между властями регионов и городов, имеющих основания претендовать на его присвоение. Претенденты, помимо подготовки необходимого пакета документов, включающего и архивные материалы, инициировали информационные кампании в местных и даже федеральных СМИ. В 2021 г. звание "Город трудовой доблести" было присвоено Комсомольску-на-Амуре.

Маньчжурская и Южно-Сахалинская наступательные операции, военный разгром Японии и победоносное завершение Второй мировой войны поддерживаются в качестве важной вехи региональной исторической памяти как гражданскими, так и военными властями. В ведении последних находится ряд мемориальных объектов, военных музеев и других элементов инфраструктуры памяти. Следует принимать во внимание, что военные действия последних недель Второй мировой войны являются частью боевого пути многих подразделений Вооруженных сил РФ, дислоцированных в Хабаровском крае. В свою очередь, гражданские власти края и некоторых других регионов предпринимали шаги, направленные на изменение формата коммеморации победы над Японией на федеральном уровне. В частности, в конце 2000-х годов хабаровский губернатор В.И. Ишаев, наряду с представителями органов власти Сахалинской области, выступал за перенос отчисления дня победы во Второй мировой войне со 2 на 3 сентября, предлагая тем самым усилить акцент на военном разгроме Японии и восстановить преемственность в отношении соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Сходные коннотации обнаруживают себя и при обсуждении такой темы, как Хабаровский процесс 1949 г. над группой военнослужащих Квантунской армии, обвинявшихся в создании и испытании бактериологического оружия. Важное значение Хабаровского процесса в политике памяти вновь было подчеркнуто в сентябре 2021 г., когда с приветствиями к участникам Международного научно-практического форума "Хабаровский процесс: исторические уроки и современные вызовы" обратились президент России В.В. Путин [24] и министр иностранных дел С.В. Лавров [14]. Высокий статус этого мероприятия был призван подчеркнуть, что Хабаровский процесс рассматривается как продолжение и логическое завершение Нюрнбергского и Токийского процессов.

Как известно, в период президентства Д.А. Медведева инициатива об отчислении Дня окончания Второй мировой войны 3 сентября поддержана не была, что отчасти объяснялось опасениями Москвы осложнить переговоры с Японией по территориальному вопросу. Изменения, внесенные в 2010 г. в Федеральный закон "О днях воинской славы", фиксировали в качестве Дня окончания Второй мировой войны 2 сентября. В 2020 г., в существенно ином политическом контексте, новые изменения в Федеральном законе привели к формальному переносу Дня окончания Второй мировой войны на 3 сентября, что тем не менее отличалось от формулировки Указа 1945 г., в котором речь шла о Дне победы над Японией. При этом произошло сближение с исторической политикой Китая, где окончание Второй мировой войны отмечается именно 3 сентября. Наконец, последние изменения в Федеральном законе "О днях воинской славы и памятных датах России", вступившие в силу в конце июня 2023 г., зафиксировали формулировку "3 сентября – День Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны (1945 год)".

Весьма зависимым от актуального состояния российско-китайских отношений является участие официальных структур в мероприятиях, связанных с памятью о пограничном конфликте на о. Даманский (1969 г.). Мемориальный комплекс защитникам Даманского, включающий надгробие на братской могиле погибших советских военнослужащих, ряд отдельных надгробий, памятник и музей Славы, был торжественно открыт в г. Дальнереченск Приморского края в 2008 г. по ини-

циативе ветеранов, участвовавших в боевых действиях 1969 г. В соседнем г. Лучегорск разбит Парк Героев даманских событий с мемориальной стелой; памятный знак также установлен на одном из зданий в центре Хабаровска. Общая тенденция, однако, состоит в ограничении масштабов официальных коммеморативных мероприятий (в особенности – 50-летия конфликта) пределами Приморского края несмотря на то, что для всего Дальнего Востока как сами события на Даманском, так и в целом российско-китайское пограничное размежевание по рекам Амур и Усури остаются значимой и болезненной темой репертуара исторической памяти.

Историческая память в рассматриваемых регионах о периоде между окончанием Второй мировой войны и распадом СССР в значительной степени носит ностальгический характер. Период 1950-х – 1970-х годов многими воспринимается как своеобразная *Belle Époque* Дальнего Востока, когда макрорегион купался в лучах внимания центрального партийного руководства, делавшего ставку на индустриальное и инфраструктурное развитие и уделявшего при этом особое внимание транспортной связанности огромных территорий "от Байкала до Амура".

Промышленное и транспортное освоение макрорегиона в хрущевскую и брежневскую эпохи осуществлялось уже в значительной мере силами вольнонаемных рабочих, рассчитывавших на более высокий, чем в европейской части СССР, уровень оплаты труда. Важнейшие объекты индустриального и инфраструктурного строительства превратились и в места памяти, чему немало способствовала их героизация (иногда не только позитивная) в произведениях ведущих советских писателей, поэтов, кинематографистов, часть из которых сами обретали статус региональных культурных героев. Проявлением своеобразной ностальгии по позднесоветским временам можно считать установку мемориальных досок в память о первом секретаре Хабаровского крайкома КПСС А.К. Черном (1970–1988) и председателя крайисполкома Г.Е. Подгаеве (1970–1981) и Н. Н. Данилюке (1986–1990), а также протесты против сноса дома, в котором жил А.К. Черный (главной движущей силой этих протестов были хабаровские коммунисты) [10]. Местами памяти становятся даже руины недостроенных городов, как, например, дальневосточного центра химической промышленности – города Бонивур (название не было официально утверждено), строительство которого было начато и затем остановлено в период горбачевской перестройки [16].

В целом ностальгическое восприятие позднесоветской эпохи в историческом сознании жителей макрорегиона более тесно связано с местной идентичностью, чем об этом можно говорить применительно к россиянам, живущим к Западу от Урала. Общая социальная травма, связанная с распадом СССР и реформами 1990-х годов, на Дальнем Востоке еще более усилена фрустрацией, связанной с утратой экономических преимуществ позднесоветского времени и ощущения особой миссии макрорегиона для настоящего и будущего России. В репертуаре исторической памяти Хабаровского края пока более востребованными оказываются те эпизоды, которые подпитывают недоверие и разочарование политикой федерального центра, а также символизируют особую позицию региональных властей в отношении действий и решений центральной власти⁷. Масштаб разочарования слишком велик, чтобы его можно было быстро преодолеть новой риторикой "Поворота на Восток" и не очень последовательными практическими действиями, призванными обеспечить опережающее развитие макрорегиона. Вместе с тем предпринимаются новые попытки переломить эту тенденцию, связанные как раз с "Поворотом на Восток". К ним, в частности, относятся подготовка к 50-летию юбилею

⁷ Одним из таких символов стала часовня святого мученика-воина Виктора, построенная по инициативе хабаровского губернатора В.И. Ишаева на амурском острове Большой Усурийский в 1999 г. Часовня была возведена всего за пять недель в период наиболее активной фазы российско-китайских переговоров о демаркации границы, которая в том числе затрагивала и остров Большой Усурийский. Часовня должна была визуализировать российское присутствие на Амуре, а ее конкретное расположение должно было повлиять на процесс демаркации. Переговоры РФ и КНР в самом деле были осложнены этой инициативой, но в конечном счете линия границы пролегла в нескольких десятках метров от часовни (см.: [17]).

(2024 г.) начала строительства БАМа как коммеморации общероссийского масштаба [7].

В целом режим исторической памяти в Хабаровском крае в настоящий момент характеризуется умеренным уровнем напряженности. Однако этот показатель не связан с "бесконфликтностью" исторического пути региона, отсутствием разногласий между ведущими мнемоническими акторами или же обстоятельной проработкой с их участием сложных вопросов прошлого. Скорее, это результат тактики "сглаживания острых углов" или рефлексивного ухода региональных властей от наиболее дискуссионных тем давней или недавней истории. Определенную демпфирующую роль играет и то обстоятельство, что лишь небольшая часть современного населения края связана глубокими семейными корнями с его территорией. В составе населения доминируют переселенцы послевоенных потоков и их потомки в первом-втором поколениях; достаточно весомая часть жителей края продолжает рассматривать переезд в другую часть России или даже за ее пределы в качестве реальной жизненной перспективы для себя и / или своих детей, способствуя тем самым сохранению "проточной культуры" в регионе [1]. Но протестный потенциал Хабаровского края, избиратели которого несколько раз преподносили федеральному центру электоральные сюрпризы, сохраняется на высоком уровне. Реакция хабаровчан на кадровые решения, принимаемые в Москве, отнюдь не всегда была индифферентной, а серия уличных демонстраций 2020 г., вызванных арестом и отстранением с поста губернатора Хабаровского края С.И. Фургала, стала политическим потрясением, имевшим сильный резонанс далеко за пределами региона. В этом контексте можно понять стремление региональных властей не создавать новых точек напряжения, принимая те или иные решения в сфере политического использования прошлого, которое пока остается на периферии общественных дискуссий.

Заключение

С учетом представленного выше обзора политики памяти в Хабаровском крае хотелось бы коротко остановиться на нескольких актуальных проблемах.

Прежде всего, большое значение имеет роль политико-административного центра как очага формирования региональной идентичности и основной арены взаимодействия местных мнемонических акторов. Административный центр, локализуя властный контроль над территорией, выступает транслятором "геостратегических устремлений, конкурирующих идеологий и радикальных планов по изменению жизни каждого человека" [28, с. 14], проживающего в регионе. Но он же одновременно становится основной ареной адаптации и локальной переработки всех этих устремлений, идеологий и планов под местные условия.

С одной стороны, Хабаровск в этом плане исторически значим как опорный пункт продвижения России к Тихому океану и ее закрепления в Приамурье. С другой стороны, современный Хабаровск – город по преимуществу советский и постсоветский. Он является центром обширного, но произвольно отграниченного в административно-территориальном плане региона, созданного с целью военно-индустриального освоения этих пространств, обеспечения по преимуществу силового контроля над ними, а также проекции силы вовне, в Северо-Восточный Китай. В Хабаровске и Хабаровском крае более сильно ощущаются пространственно-временные разрывы: ограниченная связь с "большой землей", слабая – в отличие, например, от Иркутска и Иркутской области – укорененность местного населения, которое по преимуществу представляет собой второе-третье поколения переселенцев и ссыльных 1930–1950-х годов, тогда как традиция, связанная с переселенцами конца XIX-начала XX вв., в ходе Гражданской войны, крестьянских восстаний 1925–27 гг. и массовой эмиграции в Китай, практически оборвана. Это ощущение оторванности от основной России является важной составляющей краевой идентичности и питательной почвой протестных настроений. Следует принимать во внимание и такой аспект развития крупных городских центров макрорегиона (в максимальной степени она дает о себе знать в Хабаровске), как их рост за счет массовых переселений извне, при весьма незначительной связи с окружавшей их

сельской периферией [3, с. 78]. При этом локальная идентичность, связанная в первую очередь с проживанием в крупных городах – Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, – превалирует над краевой идентичностью.

Не менее важна проблематика идентичности и памяти локальных сообществ, для которых основными являются этнические и / или религиозные маркеры. Они чаще всего недостаточно "схватываются" на уровне региона (особенно в случае фокусировки на административно-территориальном делении), а в качестве мнемонических акторов такие сообщества могут проявлять себя лишь эпизодически. Сюда прежде всего относится автохтонное население, для образа жизни и идентичности которого исключительно важную роль играло расселение вдоль берегов Амура и его притоков. В эту группу попадают и старообрядцы, с которыми связаны начальные этапы освоения региона как части российского государства. Но также можно и нужно говорить об особенностях исторической памяти более многочисленных сообществ, появившихся в регионе вследствие миграционных процессов на рубеже XIX–XX вв., как, например, корейцы или украинцы. Вполне понятно, что идентичность украинцев Дальнего Востока в текущем геополитическом контексте становится "горячим вопросом", требующим тщательного и беспристрастного рассмотрения. Миф о Зеленом клине, возникший в период активного украинского переселенчества на Дальний Восток, подкрепленный в 1917 г. политическими требованиями местных "громад", а в конце Второй мировой войны получивший литературную подпитку благодаря публикации романа Ивана Багряного "Тигроловы", сегодня целенаправленно возрождается извне при помощи инструментария информационно-психологических операций. Степень его актуальности и отношение к современной дальневосточной идентичности нуждаются в углубленном и обстоятельном междисциплинарном исследовании.

Динамика исторической памяти в регионах Сибири и Дальнего Востока может существенно дополнить репертуар общероссийской политики памяти (и не только ее) в том, что касается образов историко-культурного пространства в конкретных регионах. Здесь, разумеется, есть опасность возникновения сильного диссонанса с привычным "москвоцентричным" образом историко-культурного пространства. Например, в случае Бурятии или Тувы "москвоцентричная" оптика дополняется или даже оспаривается видением республик как частей Внутренней Азии, включающей в себя и *Rax Mongolica*, и ареал распространения тибетского буддизма. Для Хабаровского края характерно обостренное ощущение миссии изолированного форпоста фронтальной модернизации, о котором центр, чьи интересы он отстаивает и защищает на другом конце континента, позволил себе забыть на несколько десятилетий. Нет сомнений, что образы историко-географического пространства относятся к еще одному направлению политики памяти, значение которого пока недооценено, но которое рано или поздно окажется в центре внимания исследователей⁸.

Здесь, разумеется, дает о себе знать и деликатная проблема выстраивания конструктивного взаимодействия между исследователями, "коренными" для данного региона, и большей частью академического сообщества, представляющего центр и другие регионы. Речь идет о поиске подхода, позволяющего преодолеть большинство издержек "централистского" нарратива, этноцентризма (особенно сильно проявляющегося в регионах, имеющих статус республик) и установок на эксклюзивность местного исследовательского сообщества, иногда доходящих "до проявлений resentment и активной промоутации идеи о невозможности понять регион, не живя в нем" [4, с. 237]. Очевидно, что в поисках подобного подхода большую часть пути предстоит пройти "столичным" исследователям; для этого также потребуются эксплицитировать такую важную и неотъемлемую функцию регионального академического сообщества, как его роль в поддержании и развитии региональной / макрорегиональной идентичности, включающей, разумеется, и вопросы политики памяти.

⁸ Постановка данной проблемы вне рамок исследований политики памяти см.: [13].

Региональная / макрорегиональная идентичность – фактор, который не только определяется географическим пространством, государственными границами и внутренним политико-административным делением, межэтническими взаимодействиями, колеей прежнего исторического пути и т.д., но и сам способен трансформировать соответствующий пространственно-временной локус. Речь идет о ментальном освоении, а иногда даже о перевоображении региона, толчком к которому могут послужить события и процессы на глобальном и / или общенациональном уровне. Сама идентичность, очевидно, также проходит через определенные этапы консолидации, начальной стадией которой становится стихийное формирование регионального самосознания и локального патриотизма, вслед за чем приходит черед осознанного достраивания (конструирования) идентичности местным интеллектуальным сообществом [26, с. 12] во взаимодействии, подчас достаточно напряженном, с интеллектуальной элитой большей страны. В этом плане будет уместным предположить, что взятые в качестве заголовка данной статьи слова из текста вальса "Амурские волны" характеризуют, скорее, видимую модальность актуальных обсуждений прошлого, настоящего и будущего Хабаровского края и Дальнего Востока в целом. Вполне вероятно, что довольно скоро динамика и насыщенность подобных дискуссий могут существенно измениться.

Литература

1. Бляхер Л.Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // *Пространственная экономика*. 2005, № 1. С. 117–132.
2. Бляхер Л. Сибирская сага. Афанасий Бейтон. Москва: Ridero, 2017. 297 с.
3. Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. Без лидеров, лозунгов и транспарантов: Борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов Востока России. На примере Хабаровска. // *Полития*. 2021, № 1 (100). С. 75–105. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-75-105>.
4. Болтунова Е.М. Региональная история России: исследовательское поле и архивная практика (1990-е – начало 2020-х годов) // *Новое литературное обозрение*. 2022. № 6 (178). С. 235–250.
5. В Комсомольске-на-Амуре открыли Аллею с бюстами кавалеров ордена Победы, среди которых Сталин // *НАКАНУНЕ.RU*: сайт. 03.12.2018. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/12/03/22526390/> (дата обращения: 01.05.2023).
6. Василий Орлов: "Албазинский острог будет центром притяжения" // Фонд "Петропавловск": сайт. 09.10.2020. URL: <http://ppfond.ru/vasilij-orlov-albazinskij-ostrog-budet-czentrom-prityazheniya/8967/> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Владимир Путин: "Мы обязательно достойно отметим 50-летие БАМа" // Информационное агентство БМК: сайт. 04.09.2021. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/375603/> (дата обращения: 16.05.2023).
8. Врабий А. Демократическая республика на Дальнем Востоке // *Тихоокеанская звезда*. 09.08.1994.
9. Головачев В.Ц. "Тырские стелы и храм "Юн Нин" в свете китайско-чжурчжэнских отношений XIV–XV вв." // *Этно-Журнал*. 2008. № 11: сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20090223115421/http://www.ethnonet.ru/ru/pub/14-11-08.html> (дата обращения: 01.05.2023).
10. "Дом Черного" как свидетельство черной неблагодарности // Дебри ДВ. Факты, комментарии, аналитика: сайт. URL: <http://debri-dv.ru/article/2102> (дата обращения: 11.05.2023).
11. Егорчев И.Н. В.К. Арсеньев, известное и неизвестное // *Записки общества изучения Амурского края*. 2012. № 1 (11). С. 98–119.
12. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
13. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Основные направления, категории, методы и модели // *Культурная и гуманитарная география*. 2012. № 1 (1). С. 11–26.
14. Лавров назвал Хабаровский процесс важнейшим дополнением Токийского процесса // ТАСС: сайт. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308489> (дата обращения: 06.05.2023).
15. Лекция Леонида Бляхера "Ерофей Хабаров: Первая кровь, или сорокалетняя война на Амуре" // ДВХАБ. Сайт Хабаровского края. 20.06.2018. URL: <https://www.dvhab.ru/afisha/khabarovsk/event/94525> (дата обращения: 06.05.2023).
16. Леонкин А.Д. Город Бонивур. Последняя великая стройка СССР. М.: Пятый Рим, 2018. 448 с.
17. Леонкин А.Д. Первая пограничная часовня Дальнего Востока // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2022. № 38. С. 213–225.
18. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических актов // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 1. С. 9–25.

19. Михалев А.В. Память о японской интервенции на Дальнем Востоке России: три постсоветских нарратива // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2020. № 36. С. 169–177.
20. Михалев А.В. Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. Актеры, институты, нарративы / Коллективная монография под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 322–335.
21. Михалев А.В. Партизан как символ Дальнего Востока // *Метаморфозы истории*. 2021. № 21. С. 75–86.
22. Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 470 с.
23. Поправко Е.А. Образ России (СССР) в экспозициях китайских музеев // *Журнал фронтальных исследований*. 2019. Вып. 4(2). С. 346–362.
24. Путин: обсуждение Хабаровского процесса важно для противодействия искажению истории // ТАСС: сайт. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308417> (дата обращения: 18.05.2023).
25. Пятак В.И. Образ Дальнего Востока России в советском дискурсе: историческая специфика и мифология // *Вестник ДВГСГА. Серия 1. Гуманитарные науки*. 2008. № 1(1). С. 35–38.
26. Ремнев А.В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // *Вестник Омского университета*. 2004. № 4. С. 6–13.
27. Сталинский транзит: узники Хабаровской пересылки. Сборник статей. Хабаровск: Издание Хабаровского краевого историко-просветительского общественного движения "Мемориал". Хабаровский государственный институт культуры, 2018. 71 с.
28. Урбански С. За степным фронтиром. История российско-китайской границы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.
29. Федосов А.В. Краю замечательных людей посвящается. О комплексном социокультурном проекте "Край замечательных людей" // *История и культура Приамурья*. 2013. № 2(14). С. 4–5.
30. Rigney A. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited // *Nations and Nationalism*. 2018. Issue 2 (24). P. 240–257. <https://doi.org/10.1111/nana.12388>.

References

1. Bliakher L.E. Regional self-identification and transboundary practices in Russia's Far East // *Space economy*. 2005, № 1. P. 117–132. (In Russ.).
2. Bliakher L. The Siberian Saga. Athanasius Beyton. Moscow: Ridero, 2017. 297 p. (In Russ.).
3. Bliakher L.E., Kovalevsky A.V. Without leaders, mottos or billboards: fight for the city and routine resistance in the private sector of cities in East Russia. Case of Khabarovsk // *Politeia*. 2021, № 1 (100). P. 75–105. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-75-105>. (In Russ.).
4. Boltunova E.M. Regional history of Russia: research field and archival practice (1990s - early 2020s) // *New Literary Review*. 2022. No. 6 (178). P. 235–250. (In Russ.).
5. A parkway with monuments of holders of the Order of Victory, including Stalin, was opened in Komsomolsk-on-Amur // *NAKANUNE.RU: web-site*. 03.12.2018. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/12/03/22526390/> (date of access: 01.05.2023). (In Russ.).
6. Vasily Orlov: "The Albazinsky fort will be the center of attraction" // "Petropavlovsk" Foundation: site. 09.10.2020. URL: <http://ppfond.ru/vasilij-orlov-albazinskij-ostrog-budet-czentrom-prityazheniya/8967/> (date of access: 06.05.2023). (In Russ.).
7. Vladimir Putin: "We will worthyly celebrate the 50th anniversary of the BAM" // Information agency BMK: web site. 04.09.2021. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/375603/> (date of access: 16.05.2023). (In Russ.).
8. Vrabjy A. Democratic Republic in the Far East // *Pacific Star*. 09.08.1994. (In Russ.).
9. Golovachev V.Ts. Tyr's stelae and temple "Yun Ning" in the light of Sino-Jurchen relations of the XIV-XV centuries // *Ethno-Journal*. 2008. No. 11: web site. URL: <https://web.archive.org/web/20090223115421/http://www.ethnonet.ru/pub/14-11-08.html> (date of access: 01.05.2023). (In Russ.).
10. "Chiorny's house" as evidence of black ingratitude // *Debri DV. Facts, comments, analytics: web site*. URL: <http://debri-dv.ru/article/2102> (date of access: 11.05.2023). (In Russ.).
11. Egorchev I.N. V. K. Arsenjev, known and unknown // *Proceedings of the Society for the Study of the Amur Region*. 2012. № 1 (11). P. 98–119. (In Russ.).
12. Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A. Russian Harbin: life-building experience in the conditions of the Far Eastern frontier / Ed. by A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Amur State university, 2015. 462 p. (In Russ.).
13. Zamyatin D.N. Humanitarian Geography: Main Directions, Categories, Methods and Models // *Cultural and Humanitarian Geography*. 2012. № 1 (1). P. 11–26. (In Russ.).
14. Lavrov called the Khabarovsk process the most important addition to the Tokyo process // ТАСС: web site. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308489> (date of access: 06.05.2023). (In Russ.).

15. Lecture by Leonid Bliakher "Erofey Khabarov: First Blood, or the Forty Years' War on the Amur"// DVKHAB: Web site 20.06.2018. URL: <https://www.dvhab.ru/afisha/khabarovsk/event/94525> (date of access: 06.05.2023). (In Russ.).
16. Leonkin A.D. City of Bonivour. The last great construction project of the USSR. M.: Pyatj Rim, 2018. 448 p. (In Russ.).
17. Leonkin A.D. The first border chapel of the Far East // Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary.2022. № 38. P. 213–225. (In Russ.).
18. Malinova O. Yu. Commemoration of the centenary of the revolution(s) of 1917 in the Russian Federation: an analysis strategies of key mnemonic Actors' // Polis. Political Studies. 2018. 1, P. 9–25. (In Russ.).
19. Mikhalyov A.V. The Memory of Japanese Intervention in the Russian Far East: Three Post-Soviet Narratives // Journal of the Altai School of Political Studies. 2020. № 36. P. 169–177. (In Russ.).
20. Mikhalyov A. V. Sentinels of the frontier: Monuments to atamans and the policy of commemoration in the conditions of the Far East borderlands, in: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg, 2020. P. 322–335. (In Russ.).
21. Mikhalyov A.V. Partisan as a symbol of the Far East // Metamorphoses of history.2021. № 21. P. 75–86. (In Russ.).
22. Politics of memory in Russia – regional dimension. Ed. by Miller A., Malinova O., Efremenko D. Moscow: Institute of Scientific Informaiton for Social Sciences, 2023. 470 p. (In Russ.).
23. Popravko E.A. The Image of Russia (USSR) in the Expositions of Chinese Museums // Journal of Frontier Studies. 2019. Issue 4(2). P. 346–362.
24. Putin: discussion of the Khabarovsk process is important to counter the distortion of history // TASS: web site. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308417> (date of access: 18.05.2023). (In Russ.).
25. Pyatak V.I. The image of the Russian Far East in Soviet discourse: historical specifics and mythology // Bulletin of DVGSGA. Series 1. Humanities. 2008. № 1(1). P. 35–38. (In Russ.).
26. Remnyov A.V. Regional narrative in the new imperial history of Russia // Bulletin of the Omsk University, 2004. № 4. P. 6–13. (In Russ.).
27. Stalin's transit: prisoners of the Khabarovsk transit prison. Collection of articles // Khabarovsk: Publication of the Khabarovsk regional historical and educational public movement "Memorial". Khabarovsk State Institute of Culture, 2018. 71 p. (In Russ.).
28. Urbanski S. Beyond the steppe frontier. History of the Russian-Chinese border. M.: New Literary Review, 2023. 480 p. (In Russ.).
29. Fedosov A.V. Dedicated to the land of great people. On the complex socio-cultural project "Land of Great People" // History and Culture of the Amur Region. 2013. № 2(14). P. 4–5. (In Russ.).
30. Rigney A. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited // Nations and Nationalism. 2018. Issue 2 (24). P. 240–257. <https://doi.org/10.1111/nana.12388>.

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО, д-р полит. наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия, e-mail: efd2015@mail.ru

Dmitry V. EFREMENKO, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia, e-mail: efd2015@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 13.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 28.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Научная статья
УДК 327:94(5-11)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/38-47>

Политика памяти стран Северо-Восточной Азии о Второй мировой войне на примере Хасанских событий

Ярослав Славикович ПАЦЕЛЯ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, patcelia.ias@dvvu.ru

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozlov.le@dvvu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается применение концепта "политики памяти" для анализа символического пространства международных отношений стран Северо-Восточной Азии, в рамках конструктивистского подхода. Результатом политик памяти разных государств может стать дискурсивное и медийное столкновение разных версий исторического прошлого. Государства данного региона имеют множество противоречий в понимании общего прошлого. В качестве основного примера сравнительного анализа политик памяти в данном исследовании используются Хасанские события как часть нарратива коллективной памяти о Второй мировой войне. Делается вывод о высокой степени поляризованности в понимании данного исторического события в рамках "просоветского" (РФ и КНР) и "прояпонского" (Япония и Республика Корея) нарративов, которые акцентируют внимание на разных аспектах произошедшего, а также отсылают к различным историческим контекстам и процессам, что может служить маркером, отражающим сложность построения единого идейного базиса для региональной интеграции стран Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: политика памяти, международные отношения, историческая память, северо-восточная Азия, хасанские события

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии".

Для цитирования: Пацеля Я.С., Козлов Л.Е. Политика памяти стран Северо-Восточной Азии о Второй мировой войне на примере Хасанских событий // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 38–47. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/38-47>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/38-47>

Memory politics of the countries of Northeast Asia about the Second World War on the example of the Khasan events

Yaroslav S. PATSELIA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, patcelia.ias@dvvu.ru

Leonid E. KOZLOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozlov.le@dvvu.ru

Abstract. This article discusses the application of the concept of "memory politics" for the analysis of the symbolic space of international relations of the countries of Northeast Asia, within the constructivist approach. The result of the memory politics in different states may be a discursive and media clash of different versions of the historical past. The states of this region have many contradictions in understanding the common past. As a key example of a comparative analysis of memory politics, this study uses the Hassan events as part of the narrative of collective memory of World War II. It is concluded that there is a high degree of polarization in the understanding of this historical event within the framework of the "pro-Soviet" (Russia and China) and "pro-Japanese" (Japan and Republic of Korea) narratives, which focus on different aspects of what happened, and also refer to different historical contexts and processes, which can serve as a marker reflecting the complexity of building a single ideological basis for the regional integration of the countries of Northeast Asia.

Keywords: Memory politics, international relations, historical memory, Northeast Asia, Battle of Lake Khasan

This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), project number 20-511-93005.

For citation: Patselia Ya.S., Kozlov L.E. Memory politics of the countries of Northeast Asia about the Second World War on the example of the Khasan events // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 38–47. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/38-47>

Историческая память – важнейшая часть любой групповой идентичности как на национальном, так и на региональном уровне. Сегодня, в условиях развития интернет-технологии, увеличения влияния новых средств массовой коммуникации, в особенности цифровых, усиливается значение исторической памяти как мировой арены, на которой разворачивается политическое противоборство. Разное понимание и интерпретация исторических событий в современных международных отношениях приобретают все более проблемный характер. Государства предпринимают меры по защите собственных версий прошлого и моделей исторической памяти. Противостояние стран, связанное с исторической памятью, приобретает системный и интенсивный характер, концептуализируется через понятие "войны памяти" [17]. Примером радикального противостояния, разворачивающегося как в дискурсивном, так и в символическом пространстве (демонтаж памятников, проведение коммеморативных мероприятий и другое) могут служить отношения стран бывшего Советского Союза, прежде всего между Россией и странами Балтии.

Целью данной статьи является сравнение подходов в политике памяти стран СВА и России относительно Хасанских событий, изучение точек соприкосновения и противоречащих элементов нарративов, а также оценка роли данного события в общем дискурсе политики памяти. Источниковой базой данного исследования являются публикации СМИ стран региона, историческая и политическая публицистика, учебная и научная литература, исторические интернет-блоги по тематике Хасанских событий.

Хасанские события (или Хасанские бои) – это приграничные боестолкновения между вооруженными силами СССР и Японской империи в 1938 г. в районе реки Туманная. Согласно европоцентричному пониманию истории, данное событие не входит в границы Второй мировой войны, но с точки зрения причинно-следственных связей дальнейших событий включено в череду последующих событий: продолжение экспансии Японии в Китае, рост напряженности активности на Тихом океане, японская атака на Пёрл-Харбор и т.д. Данное историческое событие, как и общий нарратив о Второй Мировой войне, отражается не только в коллективной памяти стран региона Северо-Восточной Азии, но и других государств мира: стран Европы, Северной Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, где нарратив имеет особые идеологические и иногда националистические акценты.

Для описания средств, применяемых государством в рамках регулирования и конструирования исторической памяти, мы используем концепт "политика памяти" в определении О.Ю. Малиновой, а именно: деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования [10]. Если акцентировать внимание на применение концепта не только в условиях внутренней политики, но и в контексте международных отношений, то в рамках данного исследования политику памяти можно определить как борьбу различных интерпретаций событий прошлого, созданных политическими акторами как для внешней, так и для внутренней аудитории. С.С. Лифанов указывает на важность политики памяти в формировании общей идентичности [9]. Отметим, что идентичность может формироваться на разных уровнях: локальном, национальном, региональном.

В рамках конструктивистского подхода к региональной интеграции акцентируется внимание на роли коллективных убеждений, общественных условностей и поведенческих практик, возникающих в ходе регионального строительства, отмечает К.А. Ефремова [5]. Соответственно, понимание истории, нарративы общего прошлого могут рассматриваться как элемент символического пространства международных отношений, в контексте которых они могут использоваться и как инструмент внешней политики, и как идеологическая или символическая площадка для выстраивания отношений между странами. Исследователи данной тематики часто указывают на дискурсивный характер политики памяти [1; 11; 13; 14]. В рамках данного исследования объект политики памяти можно опре-

делить как дискурс, создающийся относительно фактов и событий истории, как способ, которым прошлое воспринимается и осознается в коллективной памяти, общественном сознании. Кроме того, исторические нарративы в рамках дискурса могут пересекаться, отсылать друг к другу, связываться в общий идейный комплекс. В политике памяти важно не только передача некоторых фактов прошлого нынешнему поколению, но также интерпретация и акцентирование внимания на определенных идеях. Коллективные представления о прошлом находят отражение и формируются прежде всего в политическом дискурсе и средствах массовой информации, а также в нарративах, создаваемых в рамках института образования. В этом отношении также применима теория "изобретения традиций" Эрика Хобсбаума, согласно которой традиции часто считаются древними и непреложными, однако они могут быть созданы или поддерживаться для достижения определенных целей в конкретном периоде истории. Хобсбаум утверждает, что политические или социальные элиты и институты часто сочиняют и стандартизируют традиции, чтобы укрепить свое влияние и поддерживать стабильность в обществе [21]. Создание такого рода традиций через символы, ритуалы, образы позволяет укрепить идентичность и сплоченность общества, причем эмоциональное наполнение традиций может иметь как положительные (триумфальные), так и негативные (травмирующие) компоненты.

Сегодня Российская Федерация декларирует развитие Дальнего Востока и укрепление отношений со странами Северо-Восточной Азии в рамках "поворота на Восток" как приоритеты своей национальной политики. Эти цели напрямую взаимосвязаны: именно страны СВА могут стать дополнительным источником инвестиций и технологий для развития российского Дальнего Востока. Необходимость углубления региональной интеграции и расширения двусторонних отношений со странами СВА обуславливается для России также усилением конфронтации со странами Запада.

По историческим меркам, интеграция России в макрорегион СВА началась недавно, но здесь уже накопился ряд проблем в согласовании аспектов и сюжетов исторической памяти. Традиционно страны СВА воспринимали выход России к Тихому океану как часть европейской империалистической экспансии в Азию. Этот негативный образ тормозит включение Российской Федерации в текущие процессы региональной интеграции, ухудшает имидж страны и понижает уровень доверия на современном этапе. В имидж России в СВА также традиционно стараются добавить черных красок страны Запада, особенно при усилении напряженности между Россией и Западом. В данных условиях российской тактикой символического взаимодействия вынужденно становится понимание сложившихся противоречий и демонстрация желания сгладить их.

Северо-Восточная Азия является сложным в смысле политического доверия регионом, его характеризует низкая степень региональной интеграции, слабость и ограниченность региональных институтов (Туманганская инициатива, трехсторонний саммит КНР – Япония – Южная Корея и др.). Интеграционные процессы протекают в большей степени на неправительственном уровне, в рамках экономического сотрудничества, и преимущественно в формате двусторонних отношений [8]. Существуют значительные политические, территориальные, экономические противоречия, обусловленные как влиянием внешних по отношению к региону акторов (прежде всего, США), так и накопившимися историческими претензиями. Конфликты по поводу понимания истории касаются и древности (например, вопросы этногенеза и влияния китайской цивилизации на появление предшественников современных государств), и средних веков (последствия монгольского завоевания), и нового времени (русская колонизация Дальнего Востока, опиумные войны), и новейшего времени (японская колонизация Кореи и Китая, Корейская война и другие).

Одним из ключевых исторических процессов, по поводу интерпретации которого страны СВА имеют противоречащие друг другу позиции, – это Вторая миро-

вая война. Разница в ее понимании начинается уже с хронологических рамок, которые для стран региона смещаются в сторону увеличения (например, предлагается вести отсчет войны с 1937 г.). По нашему мнению, именно последствия Второй мировой войны оказывают ключевое влияние как на систему международных отношений стран региона, так и на коллективную память народов, проживающих на его территории. Вторая мировая война как единый нарратив разбивается на несколько составляющих событий и процессов, память о которых является основой для противоречий: японская оккупация Китая и Кореи, пограничные конфликты, Нанкинская резня, деятельность "Отряда 731", "дома утешения", занижение роли СССР в освобождении Китая и Кореи, результаты войны, осуждение военных преступлений и международные судебные процессы и др. Хасанские бои 1938 г., равно как и логически связанные с ними бои на Халхин-Голе 1939 г. (или Номонханский инцидент, как его называют в Японии и Корее), не относятся к самым острым пунктам противоречий России и стран СВА относительно Второй мировой войны, но их образ в каждой из стран имеет свою достаточно выраженную специфику.

В Китае Хасанские события известны как Чжангуфэнский инцидент (張鼓峰事件)¹. В китайском дискурсе этого эпизода истории можно выделить особые положения и смысловые связи. Так, подчеркивается недооценка значения Китая, его крупных человеческих и экономических потерь, вклада в победу во Второй мировой войне, а также недостаточная артикулированность извинений со стороны Японии за совершенные на территории Китая преступления; отмечается как важность помощи СССР, так и ключевая роль Коммунистической партии Китая в борьбе с "японским милитаризмом"; общее понимание прошлого концептуализируется как фундамент для построения общего мирного будущего [7; 18; 25]. Кроме того, транслируется версия происхождения известной советской военной песни "Катюша" в связи с Хасанскими событиями, а также природными особенностями северо-востока Маньчжурии, вдохновившими М.В. Исаковского на создание текста [24].

В рамках российского дискурса Хасанские события входят в общую память о наследии Второй мировой войны, которая, в свою очередь, является важным аспектом секьюритизации памяти в современной Российской Федерации [13]. Фиксируется реализация различных инструментов политики памяти, значительная часть которых берет свое начало еще со времен СССР. Например, в топонимике: названия административных единиц (Пожарский и Хасанский районы Приморского края), улиц (Владивосток, Пермь, Воронеж и другие); памятники и музеи (город Владивосток, пгт Краскино и другие) [12]; коммеморативные мероприятия: праздничные даты, автопробеги, публичные возложения цветов, просветительские занятия в рамках патриотического воспитания [4; 6; 19]. Кроме того, на уровне гражданского общества существуют общественные организации ("Авиапоиск", "Боевое братство"), активно занимающиеся коммеморацией и популяризацией знаний о данном историческом событии [3; 15; 16]. Так как наибольшая активность политики памяти проявляется именно на территории, непосредственно связанной с данным историческим событием, в Приморском крае Российской Федерации, то можно сделать вывод о том, что память о Хасанских событиях становится частью региональной и локальной идентичности. Российский дискурс скорее акцентирует внимание на триумфальной составляющей данного исторического события, как и общего нарратива Второй мировой войны, а травматический аспект уходит на второй план.

В рамках сравнения представлений относительно данного исторического события в китайском и российском дискурсе можно найти много общих точек соприкосновения:

¹ В Японии и Корее та же иероглифика произносится в соответствии с национальной фонетикой.

- возложение ответственности за агрессию именно на Японию как государство с империалистическими амбициями; акцент на несостоятельности Маньчжоу-Го как суверенного государства;
- подчеркивание героизма ВС СССР, победы советской стороны в конфликте;
- роль Хасанских событий, а также конфликта на реке Халхин-Гол как возможности опробовать силы и подготовиться к дальнейшим событиям Второй мировой войны;
- незыблемость итогов второй войны, положений Токийского и Хабаровского процессов; признание огромной роли советского и китайского народов в победе во Второй мировой войне.

Кроме того, на территории КНР существует Мемориальный зал Чжангуфэнского инцидента (张鼓峰事件纪念馆) в населенном пункте Фанчуань. В данном музее представлена экспозиция, рассказывающая о данном историческом событии. Музей является частной инициативой Лю Чунчжи (劉叢志), имеющего награды Российской Федерации [23]. На базе музея проходят совместные с российской стороной мероприятия. Так, например, в мероприятиях, приуроченных к 80-летию Хасанских событий, участие принимали представители МИД России, Генерального консульства России в Шэньяне, Посольства России в Китае и представительства Минобороны России по организации и ведению военно-мемориальной работы в КНР, делегация Приморского края, Амурской области, члены поискового отряда "Авиапоиск" [2]; в 2019 году в рамках дружеской миссии, посвященной 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и КНР, группа членов российской молодежной организации "Юнармия" вместе с представителями регионального парламента посетили данный мемориальный комплекс [20]. Сближает российские и китайские нарративы преемственность современной Российской Федерацией советского наследия политики памяти, так и современное состояние двусторонних отношений. Хотя можно сделать вывод о том, что политика памяти в КНР имеет более централизованный характер и имеет националистические элементы, в отличие от России, где уровень централизации политики памяти ниже, и ярко выражены скорее идеологические компоненты. В китайском дискурсе подчеркивается общий контекст борьбы за национальное освобождение, которая, в свою очередь, породила современную Китайскую Народную Республику [22]. В китайской версии, в отличие от российской, явно прослеживаются элементы травматического опыта, отсылающего к японской оккупации и вообще к концепции "Ста лет унижения". Научный интерес к Хасанским событиям в Китае достаточно высокий: в китайской научной базе CNKI находится 11 исследовательских статей в академических журналах, содержащих в своем названии "Чжангуфэнский инцидент", помимо прочих публикаций, начиная с 1991 г.

В рамках японского дискурса Хасанские события (Тё:кохо: дзикэн) находятся на втором плане в сравнении с конфликтом на Халхин-Голе. Причины конфликта интерпретируются в контексте защиты интересов союзника (Маньчжоу-го) в условиях неточного прохождения государственной границы; отмечается преимущество советских войск в численности, технике и тактическом расположении, при этом большие потери советских сил, слабость командования и перебежничество с другой стороны; происходит увязывание данных событий с критикой захватнической политики Российской империи и СССР на Дальнем Востоке, с последующим в 1945 г. нарушением Москвой договора о ненападении, а также с современной проблематикой так называемых "Северных территорий" [26, 27, 28]. В Японском дискурсе смешиваются триумфальные элементы недооценки побед и заслуг Японии с травматическим опытом последствий Второй мировой войны. Научный интерес к Хасанским событиям в Японии крайне мал: в японской научной базе J-STAGE статьи, напрямую посвященные этому эпизоду истории, нами не обнаружены.

В Республике Корея Хасанские события (장고봉 사건 – Чангобонский инцидент, или 하산 호 전투 – Битва у озера Хасан) зачастую связываются с негативной ролью СССР в последующей Корейской войне, депортацией корейцев в конце 1930-х, обстрелов советской стороной корейских населенных пунктов во время

конфликта, а общая характеристика инцидента преимущественно пересекается с японской трактовкой [30; 32; 33]. В южнокорейской научной базе KCI имеется три статьи, где Хасанские события упоминаются среди ключевых слов. Одна из них – "Чангобон, граница Кореи, Маньчжоу-Го и Советского Союза: военный и дипломатический анализ Чангобонского инцидента" – предметно рассматривает данный сюжет. Автор Ким Ёнсук, сотрудник Фонда истории Северо-Восточной Азии, созданного властями РК в 2006 г., чтобы формировать официальную картину национальной истории, обращает внимание на то, что вообще-то бои велись на территории, исторически заселенной корейцами, и что корейское население в приграничной полосе существенно пострадало в ходе боевых действий, поэтому при анализе данных событий нельзя ограничиваться интересами только СССР и Японии. На протяжении всей статьи автор называет японский контингент в районе боестолкновений его официальным именем периода японской колонизации: "Чосонская армия" [29]. В другой статье сотрудник регионального Хангёнского университета Юн Хвитахк, анализируя пограничные инциденты между СССР и Японией, в заключение говорит о том, что несколько победных кампаний против Японии сподвигли СССР вторгнуться на Корейский полуостров и в дальнейшем довести ситуацию до раздела Кореи на север и юг [31]. В третьей статье сотрудник конфуцианского сеульского университета Сонгюнгван Хон Унхо довольно комплиментарно для России трактует Хасан и Халхин-Гол как логичный ответ на агрессивную милитаристскую политику Японии [34]. В целом южнокорейский дискурс акцентирует внимание на травматическом опыте японского и советского правления на Корейском полуострове.

Мы оставили без рассмотрения кейс КНДР в связи с труднодоступностью информации, но предполагаем, что официальная историческая наука КНДР не имеет интереса к локальному сюжету на территории Корейского полуострова, где не участвовали первый лидер КНДР Ким Ир Сен и его соратники по партизанскому движению.

В интерпретациях Хасанских событий среди стран региона можно выделить два основных блока нарративов: "прояпонский" (Япония и Республика Корея) и "просоветский" (Россия, КНР). В рамках первого блока подчеркиваются следующие акценты: незаконность действий СССР на границе и вынужденность действий Японии, наличие у СССР имперских амбиций, значительные внутренние проблемы, которые привели к большим потерям советской армии, страдания корейского населения. Во втором блоке подчеркивается захватнический и агрессивный характер действий японской стороны, безоговорочность победы советских войск, а также позитивные последствия конфликта (реорганизация системы управления, открытие возможности для помощи китайским и корейским партизанам и т.п.).

В России наблюдается наиболее активное "изобретение традиций" и развитие практик коммеморации применительно к Хасанским событиям, а также наблюдается наиболее сильный триумфальный элемент. Китайская и южнокорейская версии нарративов акцентируют внимание прежде всего на образе коллективной травмы – увязывают с большим количеством жертв в ходе японской оккупации и Второй мировой войны в целом. Хотя китайский дискурс также имеет триумфальный элемент в виде отсылок к борьбе китайского народа за независимость. Японский же дискурс смешивает триумфальные и травматические элементы и представляется наиболее сложным с точки зрения выявления основных аспектов коллективной памяти.

Таким образом, память о Хасанских боях как звена в цепочке событий перед Второй мировой войной в Восточной Азии может служить маркером для сравнительного анализа политик памяти, а также возможности построения единой идентичности стран СВА в рамках региональной интеграции. Страны региона во многом наследуют нарративы XX века, что скорее создает помехи, чем способствует созданию институционализированного и стабильного регионального пространства.

Литература

1. Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 3–11.
2. В Китае прошли памятные мероприятия, приуроченные к 80-летию боев у озера Хасан // Министерство обороны РФ. 10.08.2018. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12190404@egNews (дата обращения: 10.04.2023).
3. В Приморье почтили память павших при озере Хасан воинов // Боевое братство. 12.08.2021. URL: <https://bbratstvo.com/2021/08/12/v-primore-pochtili-pamyat-pavshikh-pri-khasane-voinov> (дата обращения: 10.04.2023).
4. В Хасанском районе началась подготовка к празднованию 80-летия Хасанских событий // Администрация Хасанского муниципального района. 12.05.2016. URL: <http://prim-hasan.ru/index.php?id=666> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 5–19.
6. Кабанков А. 80-я годовщина боёв на Хасане: козни Запада и бездействие властей // Комсомольская правда. 07.08.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26864/3907225/> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Китайский ученый: совместные мероприятия памяти победы советского и китайского народов во Второй мировой войне разбудят стремление к миру и помогут избежать пересмотра истории // Жэньминь жибао. 20.04.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0420/c31519-8880398.html> (дата обращения: 10.04.2023).
8. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 7. С. 28–39.
9. Лифанов С.С. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. 2021. № 4. С. 78–93.
10. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
11. Малинова О.Ю. Региональный аспект политики памяти в России / О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, К.А. Пахалюк // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 112–136.
12. Мемориальные комплексы Краскинского городского поселения // Администрация Краскинского городского поселения. URL: <http://kraskinskoeposelenie.ru/dostoprimechatelnosti> (дата обращения: 10.04.2023).
13. Миллер А.И. Вторая мировая война в "войнах памяти" // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 222–231.
14. Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. 2015. № 3. С. 210–235.
15. Поисковики рассказали владивостокцам о хасанских боях // Боевое братство. 22.03.2021. URL: <https://bbratstvo.com/2021/03/22/vladivostokcam-rasskazali-o-khasanskikh-srazheniyakh-pokazali-kino> (дата обращения: 10.04.2023).
16. Приморские поисковики сняли фильм "Помнить будут самураи бой у озера Хасан" // Боевое братство. 25.12.2020. URL: <https://bbratstvo.com/2020/12/25/vyshel-film-pomnit-budut-samurai-boy-u-ozera-khasan> (дата обращения: 10.04.2023).
17. Токарева Е.А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 2. Часть 2. С. 288–300.
18. Трофимчук Г. Война в Азии – неизвестная война? // Жэньминь жибао. 01.09.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0901/c95181-8944508.html> (дата обращения: 10.04.2023).
19. Юбилей победы у озера Хасан отметит все Приморье // РИА Новости. 25.06.2013. URL: <https://ria.ru/20130625/945512674.html> (дата обращения: 10.04.2023).
20. Юнармейцы из с. Нежино побывали с визитом дружбы в китайской провинции Цзилинь // Законодательное собрание Приморского края. 14.11.2019. URL: <http://www.zspk.gov.ru/press-service/press-relizy/291861/> (дата обращения: 10.04.2023).
21. Hobsbawm, E. Introduction: Inventing Traditions // The invention of tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–14.
22. 王春良, 李蓉. 简论1945–1956年日本与苏联的关系 // 山东师范大学学报 (人文社会科学版). 2005年第50卷, 第1期. 91–95页. = Ван Чуньян, Ли Жон. Краткий обзор отношений между Японией и Советским Союзом в 1945–1956 гг. // Журнал Шандунского педагогического университета (Серия: Гуманитарные и социальные науки). 2005. Том 50, № 1. С. 91–95.
23. 苏日张鼓峰战场的守望者 // 人民日报. 10.05.2015 = Наблюдатель за полем Чжангуфэнской битвы // Жэньминь жибао. 10.05.2015. URL: <http://military.people.com.cn/n/2015/0510/c172467-26976500.html> (дата обращения: 10.04.2023).
24. 舒健, 张昭. 苏联经典歌曲《喀秋莎》诞生地探究. 10.06.2019 = Шу Цзянь, Чжан Чжао. Исследование места рождения советской классической песни "Катюша" // Жэньминь жибао. 10.06.2019. URL: <http://>

culture.people.com.cn/n1/2019/0610/c1013-31126624.html (дата обращения: 10.04.2023).

25. 夏燕月. 中国抗日战争对世界反法西斯战争的伟大贡献 // 人民日报. 30.09.2020 = Ся Яньюэ. Большой вклад антияпонской войны Китая в мировую войну против фашизма // Жэньминь жибао. 30.09.2020. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2020/0930/c85037-31881154.html> (дата обращения: 10.04.2023).

26. 国境を巡るソ連との衝突「ノモンハン事件」を元塾講師が分かりやすく5分でわかりやすく解説 = Бывший преподаватель средней школы объясняет конфликт с Советским Союзом из-за пограничного "Номонханского инцидента" за 5 минут в доступной форме // Study-z.net. URL: <https://study-z.net/1000463572> (дата обращения: 10.04.2023).

27. 張鼓峰事件 (読み) ちょうこほうじけん = Инцидент Тё:кохо: // Kotobank. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%BC%B5%E9%BC%93%E5%B3%B0%E4%BA%8B%E4%BB%B6-97826> (дата обращения: 10.04.2023).

28. 満ソ国境紛争 = Маньчжурско-советский пограничный спор // Web.archive.org. URL: <https://web.archive.org/web/20090903141736/http://yokohama.cool.ne.jp/esearch/kindai/kindai-kokkyo12.html> (дата обращения: 10.04.2023).

29. 김영숙. 조선-만주국·소련의 접경, 장고봉- 장고봉사건의 군사 외교적 고찰 // 사림. 2022. 80호. 241-270 페이지 = Ким Ёнсу. Чангобон, граница Кореи, Маньчжоу-Го и Советского Союза: военный и дипломатический анализ Чангобонского инцидента // САРИМ (Исторический журнал). 2022. № 80. С. 241-270.

30. 노론한 전투의 서전, 장고봉 사건 = Прелюдия к Номоханской битве – Чангобонский инцидент // Blog.naver.com. 28.11.2012. URL: <http://blog.naver.com/atena02/100172713352> (дата обращения: 10.04.2023).

31. 윤취탁. 만주국의 국경분쟁과 對蘇聯 인식 - 식민지 조선의 신문 보도를 중심으로 // 역사학연구. 2021. 82호. 141-188페이지 = Юн Хвитах. Пограничный спор Маньчжоу-Го и восприятие Советского Союза: на материале газетных публикаций в колониальной Корее // Исторические исследования. 2021. № 82. С. 141-188.

32. 장고봉 사건 = Чангобонский инцидент // Blog.naver.com. 13.11.2008. URL: <https://blog.naver.com/mirejet/110037534970> (дата обращения: 10.04.2023).

33. 하산 호 전투 = Битва у озера Хасан // Namu.wiki. <https://namu.wiki/w/%ED%95%98%EC%82%B0%20%ED%98%B8%20%EC%A0%84%ED%88%AC> (дата обращения: 10.04.2023).

34. 홍웅호. 1930년대말 소련의 동아시아정책 // 사림. 2005. 23호. 117-141페이지. = Хон Унхо. Восточно-азиатская политика Советского Союза в конце 1930-х гг. // САРИМ (Исторический журнал). 2005. № 23. С. 117-141.

References

1. Bubnov A.Y. Historical politics and the struggle of interpretations of the collective past in the public sphere // Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences. 2017. No. 4. P. 3-11. (In Russ.).
2. China hosted commemorative events dedicated to the 80th anniversary of the fighting near Lake Khasan // Ministry of Defense of the Russian Federation. 08/10/2018. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12190404@egNews (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
3. In Primorye, the memory of the soldiers who fell at Lake Khasan was honored // Boevoe Bratstvo. 08/12/2021. URL: <https://bbratstvo.com/2021/08/12/v-primore-pochtili-pamyat-pavshikh-pri-khasane-voinov> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
4. Preparations for the celebration of the 80th anniversary of the Khasan events began in the Khasan district // Administration of the Khasan municipal district. May 12, 2016. URL: <http://prim-hasan.ru/index.php?id=666> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
5. Efremova K.A. Comparative analysis of theoretical approaches to the definition of the regional complex // Comparative Politics. 2019. № 2. P. 5-19. (In Russ.).
6. Kabankov A. 80th anniversary of the battles on Khasan: the intrigues of the West and the inaction of the authorities // Komsomolskaya Pravda. 08/07/2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26864/3907225/> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
7. Chinese scholar: joint activities to commemorate the victory of the Soviet and Chinese peoples in World War II will awaken the desire for peace and help avoid revision of history // People's Daily. 04/20/2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n1/2015/0420/c31519-8880398.html> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
8. Kostyunina G.M. Integration processes in Northeast Asia // Russian Foreign Economic Bulletin. 2016. No. 7. P. 28-39. (In Russ.).
9. Lifanov S.S. Historical Memory and Supranational Identity in Western European States // Discourse-Pi. 2021. № 4. P. 78-93. (In Russ.).
10. Malinova O.Y. The politics of memory as an area of symbolic politics // METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines. 2019. No. 9. P. 285-312. (In Russ.).
11. Malinova O.Y., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. Regional Aspects of Memory Politics in Russia // Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 2. P. 112-136. (In Russ.).
12. Memorial complexes of the Kraskinsky urban settlement // Administration of the Kraskinsky urban settlement. URL: <http://kraskinkoeposelenie.ru/dostoprimechatelnosti> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
13. Miller A.I. World War II in the "wars of memory" // New Past / The New Past. 2020. № 4. P. 222-231.

(In Russ.).

14. Miller A.I. The politics of memory in Russia: the role of expert communities // *Symbolic Politics*. 2015. № 3. P. 210–235. (In Russ.).

15. The search engines told Vladivostok residents about the Khasan battles // *Boevoe Bratstvo*. 03/22/2021. URL: <https://bbratstvo.com/2021/03/22/vladivostokcam-rasskazali-o-khasanskikh-srazheniyakh-i-pokazali-kino> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

16. Primorsky search engines filmed the film "The samurai will remember the battle near Lake Khasan" // *Boevoe Bratstvo*. 12/25/2020. URL: <https://bbratstvo.com/2020/12/25/vyshel-film-pomnit-budut-samurai-boy-u-ozera-khasan> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

17. Tokareva E.A. Modern wars of memory, or approaches to the interpretation of historical events in history, politics and education // *Lecturer XXI century*. 2021. No. 2. Part 2. P. 288–300. (In Russ.).

18. Trofimchuk G. War in Asia - an unknown war? // *People's Daily*. 09/01/2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0901/c95181-8944508.html> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

19. The anniversary of the victory at Lake Khasan will be celebrated by all of Primorye // *RIA Novosti*. 06/25/2013. URL: <https://ria.ru/20130625/945512674.html> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

20. Members of the Yunarmiya from the village of Nezhino paid a friendship visit to the Chinese province of Jilin // *Legislative Assembly of Primorsky Krai*. 11/14/2019. URL: <http://www.zspk.gov.ru/press-service/press-relizy/291861/> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

21. Hobsbawm, E. Introduction: Inventing Traditions // *The invention of tradition* / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–14.

22. Wang Chunliang, Li Rong. Briefly on the Relationship between Japan and the Former Soviet Union from 1945 through 1956 // *Journal of Shandong Normal University (Humanities and Social Sciences)*. 2005. Vol. 50, No. 1. P. 91–95. (In Chin.).

23. The Watcher of the Zhanggufeng Battlefield // *People's Daily*. 10.05.2015. URL: <http://military.people.com.cn/n/2015/0510/c172467-26976500.html> (accessed 10.04.2023). (In Chin.).

24. Shu Jian, Zhang Zhao. Research on the Birthplace of the Classic Soviet Song "Katyusha" // *People's Daily*. 10.06.2019. URL: <http://culture.people.com.cn/n1/2019/0610/c1013-31126624.html> (accessed 10.04.2023). (In Chin.).

25. Xia Yanyue. The Great Contribution of the Chinese Anti-Japanese War to the World Anti-Fascist War // *People's Daily*. 30.09.2020. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2020/0930/c85037-31881154.html> (accessed 10.04.2023). (In Chin.).

26. A former cram school lecturer explains the conflict with the Soviet Union over the border "Nomonhan Incident" in an easy-to-understand manner in 5 minutes // *Study-z.net*. URL: <https://study-z.net/100046357/2> (accessed 10.04.2023). (In Jap.).

27. Zhanggufeng Incident // *Kotobank*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%BC%B5%E9%BC%93%E5%B3%B0%E4%BA%8B%E4%BB%B6-97826> (accessed 10.04.2023). (In Jap.).

28. Manchurian-Soviet border dispute // *Web.archive.org*. URL: <https://web.archive.org/web/20090903141736/http://yokohama.cool.ne.jp/eseach/kindai/kindai-kokkyo12.html> (accessed 10.04.2023). (In Jap.).

29. Kim Youngsuk. Zhanggobong Peak (Zhanggufeng), the border between Joseon, Manchuria, and the Soviet Union – Battle of Lake Khasan from a Military and Diplomatic Perspective // *SARIM, The Historical Journal*. 2022. No. 80. P. 241–270. (In Kor.).

30. The Prelude to the Battle of Nomonhan, the Janggobong Incident // *Blog.naver.com*. 28.11.2012. URL: <http://blog.naver.com/atena02/100172713352> (accessed 10.04.2023). (In Kor.).

31. Yoon Hwy Tak. The Border Disputes and Perceptions of the Soviet Union in Manchukuo // *Chonnam Historical Review*. 2021. No. 82. P. 141–188. (In Kor.).

32. Janggobong Incident // *Blog.naver.com*. 13.11.2008. URL: <https://blog.naver.com/mirejet/110037534970> (accessed 10.04.2023). (In Kor.).

33. Battle of Lake Hassan // *Namu.wiki*. <https://namu.wiki/w/%ED%95%98%EC%82%B0%20%ED%98%B8%20%EC%A0%84%ED%88%AC> (accessed 10.04.2023). (In Kor.).

34. Hong Woong Ho. East-Asian Policy in late 1930's in Russia // *SARIM, The Historical Journal*. 2005. No. 23. P. 117–141. (In Kor.).

Ярослав Славикович ПАЦЕЛЯ, ассистент кафедры политологии, аспирант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: patcelia.ias@dvfu.ru

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Yaroslav S. PATSELIA, Assistant, Department of Political Science, Postgraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: patcelia.ias@dvfu.ru

Leonid E. KOZLOV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.05.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 10.08.2023

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2023

Национальное и культурное наследие в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии

Наталья Владимировна ДЬЯЧЕНКО

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, natalia-dyachenko79@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию особенностей использования исторического прошлого для конструирования национальных идентичностей и туристического брендинга в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии. Определено, что неотъемлемой частью исторической памяти этих регионов является археологическое наследие пазырыкской культуры, сакрализованные памятники кочевой культуры. Формой сохранения традиций, имеющих общий исторический нарратив, остаются национальные праздники: Чагаа-Байрам и Цаган-сар, а также Эл-Ойын и Наадам. Символический ряд советского периода актуализирован событиями военной истории, знаковыми фигурами регионов являются Чингисхан и Г.И. Гуркин.

Ключевые слова: Монголия, Республика Алтай, политика памяти, национальная идентичность, религиозная идентичность

Для цитирования: Дьяченко Н.В. Национальное и культурное наследие в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 48–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59>

National and cultural heritage in the context of memory politics in the Republic of Altai and Mongolia

Natalia V. DYACHENKO

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, natalia-dyachenko79@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the comparative study of the use of the historical past for the construction of national identities and tourist branding in the context of memory politics in the Republic of Altai and Mongolia. It is determined that an integral part of the historical memory of these regions is the archeological heritage of the Pazyryk culture and sacralized monuments of nomadic culture. National holidays: Chagaa Bayram and Tsagan-sar, as well as El Oyn and Naadam remain a form of preserving traditions with a common historical narrative. The symbolic series of the Soviet period is actualized by the events of military history, the iconic figures of the regions are Genghis Khan and G.I. Gurkin.

Keywords: Mongolia, Republic of Altai, politics of memory, national identity, religious identity

For citation: Dyachenko N.V. National and cultural heritage in the context of memory politics in the Republic of Altai and Mongolia // Oriental Institute Journal. 2023. No. 3. P. 48–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59>

Особую историческую и культурно-цивилизационную роль в развитии евразийского пространства играет тюрко-монгольский мир, включающий Большой Алтай – макрорегион, охватывающий территории крупнейших государств: России, Монголии, Казахстана и Китая. Большой Алтай как колыбель народов алтайской языковой семьи, исторический центр тюрко-монгольского мира, прародина тюркских народов, является исторически важным регионом для понимания сложных процессов, связанных с историей Центральной и Внутренней Азии. Изучение и сохранение культурно-исторического единства тюркских и монгольских народов на многонациональной территории включает конструирование национальных идентичностей и интерпретацию локального исторического прошлого. Нарративное осмысление исторического прошлого "Большого Алтая" имеет не только географическую составляющую, но и историко-этнографическую, поскольку этим понятием обозначается место культурно-цивилизационной интеграции народов Большой Евразии.

Настоящее сравнительное исследование политик памяти в Республике Алтай и Монголии не претендует на полноту освещения вопроса и выводов. Мы видим свою задачу в том, чтобы на основе изучения научной литературы и отчасти соб-

ственных полевых наблюдений выделить особенности использования исторического прошлого для конструирования национальных идентичностей и туристического брендинга. В выборку вошли преимущественно регионы, относящиеся к Северной и Восточной части Большого Алтая, что позволило рассмотреть, как общие исторические процессы, по-разному проходя на обширных территориях, отражались в локальной исторической памяти. Особенностью конструирования национальных идентичностей является традиция сопоставления с соседями, что обусловило применение сравнительного подхода для получения возможности увидеть общие и специфические тенденции в формировании политики памяти.

Республика Алтай и Монголия – перекресток древних и современных культур кочевой ойкумены Внутренней Азии. Неотъемлемой частью исторической памяти и мифопоэтического сознания народов этого региона Большого Алтая является археологическое наследие. На высоте около 2500 метров над уровнем моря у пересечения государственных границ России, Казахстана, Китая и Монголии на плато Укок, а также в урочище Пазырык (Республика Алтай) и на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай) археологами обнаружены замёрзшие погребальные комплексы, относящиеся к пазырыкской культуре скифского времени (IV-III вв. до н.э.) [8, с. 12]. Оставленное пазырыкцами культурное наследие настолько притягательно и неповторимо, что до сих пор является частью живой культуры современных тюркских и монгольских народов, видящих в её представителях своих предков [12, с. 44]. Археологические источники являются обязательной частью экспозиционного материала региональных и столичных музеев Монголии, в частности, Музея Ховдского аймака, экспозиций музея Гоби-Алтайского аймака в г. Алтай, Монгольского национального исторического музея в г. Улан-Батор.

Важное значение для актуализации в национальной идентичности пазырыкской культуры имеет сохранность материального наследия. В Национальном музее Республики Алтай имени А. В. Анохина в специальном помещении, в соответствии с профессиональными и этическими нормами с учетом интересов и верований коренного населения Республики Алтай, размещен биологический объект – мумия женщины пазырыкской культуры, получившей в народе имя "Укокской принцессы". Экспонирование мумии проводится по определенному графику. На сайте музея директор поясняет причины ограничений: "Следуя традициям и обычаям алтайского народа, музей составил график экспонирования мумии женщины Пазырыкской культуры VI-II вв. до н.э., получившей в народе имя Укокской "принцессы". В традиционной культуре алтайцев, сложившейся в процессе длительной этнической и культурной истории, повседневное поведение человека в окружающем мире определяется с учетом лунных фаз, времени суток и сторон света. Единицей измерения месяца у алтайцев служило время между двумя новолуниями. Месяц делился на два периода: айдын янгызы (новая луна) и айдын эскизи (старая луна). Дни новой луны от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для проведения различных общественных, семейных мероприятий и религиозно-культурных обрядов, важных начинаний. Дни, когда луна на ущербе, считаются неблагоприятными, особенно последние – "дни черной луны". Считается, что это время активности темных сил, злых духов" [19].

Плато Укок относится к археологическим местам исторической памяти алтайцев. После проведения археологических работ в 1993 г. и транспортировки мумии в музей Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) на республиканском уровне инициировались дискуссии по поводу правомерности проведения археологических раскопок, в том числе против исследований на плато Укок в Кош-Агачском районе, в результате был введен мораторий на проведение археологических работ на юге Республики Алтай. В ходе реинтерпретации археологических артефактов в республиканской прессе появились различные трактовки феномена "принцессы Укока". Согласно одной из версий, знаменитая археологическая находка – это Очы Бала, легендарная богатырша – защитница алтайского народа. С образом "принцессы" на Алтае связывают апокалиптические сюжеты. Среди местного населения бытует мнение, что археологические раскоп-

ки, в результате которых была потревожена "принцесса Укок", привели к катаклизмам экономического и природного характера. Причиной очередного всплеска интереса к "эпической героине" стало землетрясение 2003 г., произошедшее в Кош-Агачском районе. По инициативе местных властей Укок имеет статус особо охраняемой территории, включающей природные, историко-культурные комплексы и объекты, имеющие высокую рекреационную, эстетическую ценность: "в территорию парка входит высокогорное плоскогорье Укок, а также части окаймляющие его северные макросклоны горных хребтов Южного Алтая, Сайлюгема и массива Тавын-Богда-Ола, в котором расположена высочайшая точка Юго-Восточного Алтая – г. Намрайдал (41117 м. над уровнем моря)" [11]. Природный парк "Зона покоя Укок" был создан постановлением Правительства Республики Алтай от 23 мая 2005 г. для сохранения одноименного объекта Всемирного Природного Наследия ЮНЕСКО "Золотые горы Алтая".

Актуализация древнего прошлого включена в туристическое брендинг региона. Древние образы в настоящее время активно используются в оформлении туристических объектов и в сувенирной продукции. Мотивы рисунка татуировок, покрывавших мумифицированные тела, стали популярны при изготовлении сувенирной продукции, например, изображения фантастических животных: копытных с клювом грифона, стилизованные рога козерога и оленя, головки грифонов. Подобными рисунками было украшено левое плечо "принцессы Укока". Мумия Принцессы Укока – одна из главных туристических достопримечательностей Республики Алтай. Туристические компании включают древние образы в программу проводимых мероприятий. Ежегодно в разгар туристического сезона на Алтае, с 1 июля по 24 августа, в популярном туркомплексе "Царская охота" в с. Барангол проводится Фестиваль кукол – международная выставка-продажа авторской художественной куклы, принцесса Укока является центральной фигурой экспозиции. По данным экспертного опроса, проведенного в 2021 г. учеными Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Принцесса Укока ("Алтайская принцесса") – один из символов Республики Алтай. В качестве "мест памяти" ее выделили 18% и плато Укок 6% респондентов из Республики и Алтайского края [2, с. 28]. К объективным факторам воспроизводства этнического самосознания, влияющим на формирование *национальной идентичности*, относятся природно-климатические условия и "природный потенциал" региона, традиционные механизмы воспроизводства способов жизнедеятельности: воспитание в семье и формирование исторической памяти. В Республике Алтай и Монголии суровость условий заключается в резко континентальном климате при суточных перепадах температур от 0 до + 40 С; низкой влажности, с очень жарким летом и холодной, малоснежной зимой. Характеризуя природно-климатические условия Западной Монголии Д.В. Ушаков отмечает: "Практически отсутствует гумусный слой плодородной почвы, малое количество деревьев и скудная растительность в условиях высокогорья обуславливает недостаток кислорода, а весной нередко сильные ветра и пыльные бури. Традиционными занятиями сегодня, как и в древности, остается кочевое и отгонное пастбищное животноводство как достаточно рациональный способ природопользования и выживания для людей в данных условиях" [16, с. 165].

У кочевников передача большинства традиций от поколения к поколению происходит в семье, а традиционный жизненный уклад во многом диктуется необходимостью адаптации общества к суровым природно-климатическим условиям территории проживания. Логика сопряжения прошлого с национальным нарративом имеет немало общего в культурно-историческом пространстве номадов. Горно-Алтайский государственный университет и новосибирский Институт философии и права СО РАН в 2007–2009 гг. начали проведение этносоциологических исследований "Роль семьи в формировании межэтнической толерантности у народов Алтае-Саянского региона (на примере Республики Алтай и Республики Монголия)". В ходе массовых социологических опросов были получены данные о значительном преобладании позитивных межэтнических установок монгольской

молодежи в отношении к русским, алтайцам и казахам [14, с. 69]. В 2011 г. и повторно в 2014 г. с применением той же методики были опрошены молодежь и взрослое население столицы Улан-Батора, в 2012 г. – жители Увс аймака, в 2013 г. – Западной Монголии (Баян-Улгийского, Ховдского и Увс аймаков). Вновь полученные данные с незначительными изменениями подтверждали результаты первого исследования. На основе социологических опросов и данных переписи населения учеными отмечается высокая степень актуализации этнической идентичности среди монголов и алтайцев, несмотря на процессы глобализации. При этом население Западной Монголии выразило антипатию к китайцам и немцам, что обусловлено исторической памятью о войнах, приверженность этой традиции сохраняется как среди взрослого населения, так и среди молодёжи [15, с. 203].

Среди алтайцев рост этнического самосознания субэтнических групп и их мобилизация вокруг идеи национально-культурного возрождения происходили в 1990-е гг. параллельно научному осмыслению и пересмотру устоявшихся концепций структуры алтайского этноса в самом алтайском сообществе [17, с. 220]. Итогом этих процессов стало включение кумандинцев, тубаларов, челканцев, телеутов и теленгитов в 2000 г. в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Указанный список этнических категорий был употреблен и в ходе переписи 2010 г., однако с той разницей, что руководство республики добилось включения теленгитов, тубаларов и челканцев в состав алтайцев по принципу "группа – подгруппа", и тем самым сумело снять проблему с однозначной этнической идентификацией. Кумандинцы и телеуты были учтены как отдельные народы. Этническая самоидентификация населения Республики Алтай осуществляется в русле моноэтнической идентификации. Она имеет высокий уровень национального самосознания, позитивный этнический статус. Вместе с тем, по данным социологов, респонденты алтайцы и казахи демонстрируют несколько более высокую степень субъективной актуальности этнической идентичности в сравнении с респондентами-русскими [6, с. 295].

Воспроизводство национальной идентичности весьма тесно сопрягается с религиозным компонентом, берущим начало от традиционных верований. В социалистический период, несмотря на всю сложность социально-политических процессов, религиозные общины Монголии и Ойротской/Горно-Алтайской автономной области (1932–1990 гг.) смогли сохранить основы своей *религиозной идентичности*. Для Монголии и Республики Алтай остается актуальным сохранение сакрализованных памятников кочевой культуры – языческих сооружений на местах отправления общественных культов. Обоо – конусовидная груда камней, наиболее распространенный тип маркировки сакрального объекта у кочевников Внутренней Азии. Сакрализация обоо в Монголии закреплена национальной властью на законодательном уровне. В 2004 г. президент Монголии Нацагийн Багабанди издал специальный указ "О государственном культе божеств гор и обоо". Первыми в списке обоо, имеющих общемонгольское значение, стали древние святыни горы Богд-хан, Алтан Хохий, Бурхан Халдун, Отгон-тэнгэр, Алтан-обоо. Возле главной горы Монголии Оттонтэнгэр, господствующей над священным для монголов горным хребтом Хангай, каждые четыре года обряд поклонения совершает сам президент Монголии вместе с членами правительства. Государственный обряд сакрализации совершался и относительно целого ряда вершин на территории Западной Монголии, таких, например, как гора Сутай и гора Алтын-хухий-уул [5, с. 133].

Сохранение экологического равновесия и биоразнообразия в природе для монгольских и тюркских народов Большого Алтая остается неотъемлемой частью культурного наследия. Кочевая культура была ориентирована на максимально неконфликтное сосуществование с природой, а хозяйственная деятельность носила характер безотходного производства с циклом полной утилизации. Главные элементы картины мира монголов и алтайцев – культ неба, гор, водных источников, дерева. Культ обоо это жертвоприношение, совершенное небу на священной горе. Сохраняющие свое значение разнообразные ритуалы, связанные с почитанием священных гор, воспроизводимые в религиозных практиках монголов

и алтайцев, свидетельствуют о высокой значимости традиционных верований, которые актуальны, несмотря на влияние буддизма в Монголии и бурханизма в Республике Алтай. Горы – главный элемент алтайского ландшафта, а сама Белуха как высшая точка Алтайских гор издавна считается сакральным местом, "трехглавым символом" Республики Алтай. Ключевым актором, инициирующим развитие культурной инфраструктуры, остаются республиканские власти. Постановлением Республики Алтай от 31 декабря 2015 г. был учрежден первый в России геопарк "Алтай". Геопарк "Алтай" расположен на территории Кош-Агачского, Онгудайского и Усть-Коксинского районов, на площади в 14,5 тыс. кв. км. Чуйский кластер геопарка Алтай (территория бассейна реки Чуя) характеризуется наибольшим географическим разнообразием и ландшафтной дифференциальностью, это единая горная страна Монгольского Алтая, разделенная государственной российско-монгольской границей, связанная общей геологической историей, природно-климатическими и физико-географическими особенностями, а также региональным историческим нарративом.

К механизмам актуализации древнего прошлого активно используемым гидами, сопровождающими туристические группы, относятся ленты, подвязанные на деревьях. Для монголов и алтайцев актуально сохранение архаичной традиции подвязывания цветных лент на деревьях в качестве подношений. С распространением буддизма в Монголии вместо ленточек стали подвешивать шелковые или полотняные флажки (дарцоги) с изображениями магических рисунков и заклинаний, а иногда и с именем дарителя. Алтайцы совершают обряд подвязывания лент (кыйра, более древнее название – дьалама) для того, чтобы выразить почтение духам той или иной местности. К таким местам относятся: целебные источники, верхние точки перевалов, священные природные места. Иногда на дорогах Алтая можно наблюдать кучу камней, в которую воткнута палка или небольшое срубленное деревце. Именно на них вяжутся в этом случае ленточки. Так делается в Кош-Агачском районе, где деревьев почти нет, поэтому используется их имитация. Также среди алтайцев сохранились мифологические представления, которые связаны с тем, что священные места находятся под особым покровительством духов гор – туу ээзи, рек – суу ээзи, озер – көл ээзи, перевалов – ажу ээзи, отдельных урочищ – жер ээзи, целебных источников – аржан ээзи. К мнемоническим ландшафтам и сакральным территориям у алтайцев и монголов, являющимся наглядными природно-символическими носителями и выразителями общих устоев традиционного мировоззрения евразийских народов, можно отнести российское плоскогорье Укок и западно-монгольскую долину Эрдэнэбурэн.

Одной из форм сохранения культурных традиций остаются национальные праздники. У народов Внутренней Азии, ориентированных на буддизм (алтайцев, монголов, тувинцев, бурят, калмыков и др.), национальный обряд встречи Нового года связан с календарной традицией празднования: Чагаа-Байрам (Белый праздник, алт.), Цаган-сар (монг.), Шага (тув.), Сагаалган (бур.). Алтайский Чагаа-Байрам празднуется по лунному календарю, в период новолуния, и приходится на конец января – начало февраля. Точной фиксированной даты нет, имеется смещение до марта, как, например, у монгольских народов [10, с. 157]. В основе обряда, исполняемого во время празднования, лежит традиционный ритуал кормления огня и духов (санг салар). Дата проведения Чагаа-Байрам определяется ежегодно указом Главы Республики Алтай на основании Закона Республики Алтай от 24 апреля 2003 г. "О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай" в один из трех первых четных дней новолуния и является нерабочим праздничным днем. В этот день во всех муниципальных образованиях проходят народные гуляния, праздничные концерты и спортивные состязания. В Монголии Цаган-сар также официальный праздничный выходной день. Основным отличием празднования от алтайцев является посещение буддийских монастырей в предпраздничные и праздничные дни. На схожесть проведения национальных праздников оказала влияние не только традиционная культура, но и общий исторический нарратив. На официальном сайте Республики Алтай отмечено, что "историю возникновения

праздника Чагаа-Байрам относят к правлению Хубилая, внука Чингис-хана, первого императора династии Юань к 1267 году, когда по его велению начало года начали отмечать с месяца чаган (цагансар)" [7].

Летний межрегиональный праздник алтайского народа "Эл-Ойын", название которого переводится как "всенародные игры, всенародный праздник", проводится по инициативе как властей, так и туристических организаций. В ходе праздника организуются театрализованные представления, выступления сказителей эпоса и мастеров горлового пения, конкурс-смотр национальных стилизованных костюмов и др. Спортивная часть праздника включает национальные виды спорта: борьбу куреш, набивание жестка (тебек), стрельбу из лука (карчагасайны), поднятие камня (кодургеташ) и другие соревнования. Захватывающим зрелищем всегда становятся конные скачки и обездка лошадей. В советский период праздник не проводился, а был возрожден только в годы перестройки. Официальный сайт Республики отмечает, что "первый раз "Эл-Ойын" отметили в Онгудайском районе в 1988 году в с. Ело. Здесь в 1756 году 12 алтайских глав родов составили письмо императрице Елизавете с просьбой принять в подданство Российской империи малочисленный алтайский народ, которому грозило полное уничтожение со стороны Китая" [7].

Подобный монгольский праздник "Наадам" – праздник скотовода, отмечаемый в середине лета, – берет свое начало еще со времен империи Чингисхана. Его название означает "игры". Наадам празднуется каждый год по всей Монголии, во время праздника проводятся традиционные скачки, борьба и стрельба из лука. Все национальные праздники сопровождаются семейными застольями.

Наиболее актуальными для сравнения региональных политик памяти Республики Алтай и Монголии остаются события и фигуры социалистического периода. Нарративное осмысление социалистического прошлого включает памятники эпохи как символы советской идеологии. Значительным элементом национальной мнемонической повестки указанных регионов является *коммеморация жертв политических репрессий*. Нарратив о репрессиях в Западной Монголии и Республике Алтай имеет региональную специфику, обусловленную началом коллективизации. Память о коллективизации связана не только с созданием колхозов, но и усилением налогового нажима и антирелигиозной кампанией, которые стали основными причинами восстаний в марте 1930 г. в Западной Монголии и Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области [3, с. 88]. С этого времени в Монголии и Ойротии начались политические репрессии. Будучи, как и везде, остро дискуссионной, тема массовых политических репрессий занимает важное место в повестках политик памяти этих территорий. Ежегодно 30 октября в России и 11 сентября в Монголии отмечается как День памяти политических репрессированных. В Улан-Баторе у подножия горы Сонгино-Хайрхан расположен Мемориальный Музей жертв политических репрессий, открывшийся в 2015 г. Памятник жертвам политических репрессий в Горно-Алтайске был установлен в 1994 году в районе гардинно-тюлевой фабрики, на месте, где в январе 1989 г. было обнаружено захоронение расстрелянных в 1930-е гг. Памятный знак жертвам политических репрессий – "Расколотый крест". Площадка у памятника, на которой происходят траурные церемонии, была благоустроена городской администрацией. На местном уровне жертвы политических репрессий выступают в общем коммеморативном ряду с жертвами Великой Отечественной войны и локальных войн. Примером может выступать парк памяти жертв политических репрессий – мемориальный комплекс в с. Майма (пригород г. Горно-Алтайска). Мемориал открыт 29 октября 2005 г. на месте старого кладбища, существовавшего с 1810 по 1962 гг. В мемориальный комплекс входят памятник жертвам политических репрессий (на гранитных стелах – имена майминцев из Книг Памяти), памятник майминцам, погибшим в локальных войнах. Траурные церемонии проходят, как правило, 30 октября, иногда – 22 июня. Памятник казахам, репрессированным в 1930-е гг. в Кош-Агачском аймаке, был открыт 1999 г. в с. Жана-Аул.

Символический ряд советского периода в большей степени актуализирован событиями военной истории. Центральными пунктами коммеморативной повестки выступают совместные действия советских и монгольских войск на Халхин-голе и Великая Отечественная война. С 1979 г. музей маршала Г.К. Жукова в Улан-Баторе тесно связан с почитанием этого легендарного русского полководца. Рядом с музеем находится мемориальный парк с памятником Георгию Константиновичу, на небольшой площади перед самим музеем выставлены два артиллерийских орудия. Саму битву Халхин-Гол представляет карта с фотографиями разных героев этих боев. В 2019 г. в районе боев на Халхин-Голе совместно с Россией создан масштабный мемориальный комплекс, включающий в себя памятник монгольским воинам и образцы бронетехники, установленные на постамент. Советское наследие в Монголии также тесно связано с идеей защиты от притязаний КНР в 1970-е гг. В ноябре 2019 г. была закончена реконструкция мемориального комплекса в городе Чойр, за которым в СМИ закрепилось название "Слава русскому солдату", где в период с 1969 по 1989 г. дислоцировалась 41-я Особая мотострелковая дивизия Советской армии [9, с. 136].

Мемориальный комплекс "Парк Победы" (бывший мемориал боевой Славы) памяти воинов, погибших в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны, расположен в Горно-Алтайске. В остальных населенных пунктах республики память о войне представлена мемориальными объектами с фамилиями погибших воинов. Местом памяти водителей СовАвтоБийска, погибших на крутых бомах Чуйского тракта при перевозке грузов по труднопроходимой транспортной артерии международного значения в годы Великой Отечественной войны, стал скромный мемориал, созданный по инициативе шоферов в конце 1970-х гг. на сложном участке 744 км Чуйского тракта, в Онгудайском районе Республики Алтай. В народе мемориал получил название "Памятник Кольке Снегирёву". В 2012 г. по инициативе главы Республики Алтай А.В. Бердникова, на месте прежнего памятника была создана специальная площадка с постаментами, установлена памятная доска, автомобили военных лет – ГАЗ-АА и Форд. Мемориальный комплекс получил название "Памятник водителям Чуйского тракта". Подтверждением того, что порой жертвы политических репрессий выступают в общем коммеморативном ряду с жертвами Великой Отечественной войны, служит фрагмент текста на мемориальной доске: "Чуйский тракт – это память о многих людях, которые были репрессированы и трудились в тяжелейших условиях на строительстве этой дороги", в память о заключенных 7-го отделения Сиблага.

С падением социалистического режима в Монголии и России происходит трансформация символического пространства. Политика памяти в Монголии на первом этапе нациестроительства (1991–1996 гг.), использует следующие коммеморации: Монгольская империя, личность Чингисхана, веревочное письмо, концепция "Монгол хун – баатар" (монголы – это богатыри), победа над японцами при Халхин-Голе. Второй этап: с 1996 по настоящее время смена внешнеполитического курса на сближение с Россией и восстановление исторических связей. В этот период монгольское правительство разрешает восстанавливать памятники советской эпохи, активно сотрудничает с российским правительством, министрами и системой образования. Ключевыми акторами, участвующими в борьбе за символическое пространство современной Монголии, являются российские и монгольские государственные структуры, монгольские политические партии, монгольские демократические и правозащитные НПО, Русская православная церковь, российские военно-патриотические организации [9, с. 129]. В системе политической символики все большее значение стали приобретать буддистские символы, в частности Соёмбо, с 1924 г. изображавшийся на флаге страны. Большое распространение приобрел буддийский символ Гаруда (например, на гербе Улан-Батора) – покровителя священной горы Богд-хаан-уул. Символ Гаруды в современной Монголии почти механически заменил изображение пятиконечных звезд на воротах ведомственных учреждений. Белый грифон Кан-Кереде (Гаруда) с головой и золотисты-

ми крыльями птицы и туловищем льва также расположен в центре герба Республики Алтай.

В феврале 1990 г. был демонтирован памятник Сталину, стоявший напротив Национальной библиотеки в Улан-Баторе, после начали сносить памятники В. Ленину, разрушили Музей комсомола. В СМИ стали распространяться статьи и работы о репрессиях 1937 г. при участии СССР и МНРП. Актом, призванным продемонстрировать окончательное вытеснение социалистических символов власти символами власти новой, стал снос с центральной площади Улан-Батора в 2005 г. мавзолея с останками лидеров социалистического периода Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана и установка 40-ка метровой статуи Чингисхана в 2008 г. Последний памятник Ленину был снят в 2012 г. В тоже время, после президентского указа о реабилитации и возвращении наград и званий Ю. Цэдэнбалу, в 2006 г. были созданы памятники и его жене А.И. Цэдэнбал-Филатовой, продолжает работу музей им. Ю. Цэдэнбала в Улангоме.

В Республике Алтай политика памяти сочетает коммеморацию личностей советского периода с национальными знаковыми фигурами. Так, памятник В.И. Ленину, установленный в 1958 г. на центральной площади г. Горно-Алтайска, соседствует с памятником художнику и общественному деятелю Г.И. Чорос-Гуркину, открытым в 2006 г.

История и историко-культурные символы и образы в целом для политической элиты постсоциалистических стран выступают важным источником легитимации демократического режима. Главным маркером, подчеркивающим центральное положение Монголии в рамках "монгольского мира", является "знаковая" фигура Чингисхана. В современной Монголии сложился нарратив, призванный провести прямую связь между великим ханом-основателем империи и современной монгольской государственностью. Изображения или имя Чингисхана можно увидеть на государственных символах, национальной валюте, названиях центральных улиц и площадей, популярных товарах и местах массового отдыха. Попытки даже частичной "приватизации" Чингисхана другими этносами или государствами встречают яростное сопротивление и критику со стороны общественности Монголии.

Многие ученые и политические деятели обращаются к истории как к объясняющему фактору. Одни склонны рассматривать империю Чингисхана в качестве важнейшего объяснительного материала для постсоциалистической демократизации. Данная мысль нашла свое выражение и в словах президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, который в своем послании участникам международной научной конференции по изучению Чингисхана в 2012 г. заявил, что "демократический выбор был основой Великой Монгольской империи" [13, с. 58]. Чингисхан был поставлен в центр постсоциалистической национальной идеологии Монголии, а его образ начал рассматриваться с позиций текущих политических задач и интересов. В национальном нарративе личность Чингисхана должна была разрушить междуплеменные барьеры и объединить монгольский народ [18, с. 61]. Сформированная система парламентской демократии легитимизировалась через отсылки к Великому Курултаю 1206 г., провозгласившему Тэмуджина Чингисханом и сформировавшему Их Монгол Улс. За короткий период в стране появились аэропорт "Чингисхан", площадь Чингисхана, мемориалы Чингисхана, его портрет отпечатан на национальной валюте. Личность Чингисхана включена в экспозицию многих музеев Монголии, а в 2019 по решению премьер-министра У. Хурэлсуха был создан национальный музей Чингисхана в столице.

Знаковой фигурой Республики Алтай в региональном масштабе сопоставимой по символическому значению с Чингисханом в Монголии является Григорий Иванович Гуркин (псевдоним – Чорос-Гуркин). 72% экспертов из республики Алтай и Алтайского края отметили Г.И. Гуркина в качестве наиболее значимой исторической личности при конструировании коммеморативных практик [2, с. 28]. Основными акторами коммеморации выдающегося представителя национальной культуры Республики Алтай Г.И. Чорос-Гуркина (1870–1937 гг.) являются обще-

ственные и государственные структуры, деятели культуры. Символическое содержание образа Гуркина включает не только творчество художника, но и факт его активного участия в националистическом движении, попытке объединения русского, монгольского и китайского Алтая в республику с центром в Улале [1, с. 293]. Возрождение памяти о Гуркине началось в 1996 г. Постановлением Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай дом-усадыба художника Г. И. Чорос-Гуркина в с. Анос Чемальского района была отнесена в перечень особо ценных памятников истории и культуры. Музей основоположника национального изобразительного искусства, ученика И.И. Шишкина и политического деятеля был открыт 12 января в 2006 г. в день его рождения. Усадьба, в которой жил и творил до 1937 г. Гуркин, обвиненный в "контрреволюционной повстанческой деятельности" в пользу Японии – филиал Национального музея имени А. В. Анохина. Акторами коммеморации выдающегося представителя национальной культуры выступают и общественные организации. Общественная премия имени Чорос-Гуркина с 1991 г. присуждается ежегодно фондом "Оностогы курее" и редакцией республиканской газеты "Алтайдын Чолмоны" за достижения в области литературы и искусства, в спорте, в социальной сфере, за вклад в развитие республики. Ее торжественное вручение проводится в день рождения художника. Государственная премия Республики Алтай имени Г. И. Чорос-Гуркина в области литературы и искусства присуждается с 2005 г. за создание особо значимых произведений литературы и искусства, реализацию творческих и исследовательских работ, внесших выдающийся вклад в развитие культуры Республики Алтай.

Имя Гуркина закреплено в топонимике столицы республики, в январе 1995 г. появилась одноименная центральная улица города. 5 июля 2006 г. в рамках празднования вхождения Горного Алтая в состав России в центре Горно-Алтайска был открыт памятник Г.И. Гуркину, его именем назван Колледж культуры и искусства. Ежегодно 12 января в г. Горно-Алтайске у памятника Чорос-Гуркину проводятся мероприятия, посвященные дню его рождения. В приветственных речах представителей власти отмечается, что Григорий Иванович всегда выступал за право алтайского народа быть равным и свободным в составе великих народов, за сохранение его национальной культуры, языка и быта. Завершает мероприятие возложение цветов к памятнику. Имя Чорос-Гуркина (с 1937 г.), как и упоминание Чингисхана, в период социализма было табуировано. Британский монголовед Кристофер Каплонски обращает внимание на то, что почти в любой книге социалистической эпохи есть раздел о Чингисхане, а статьи о нём и его времени появлялись в научных изданиях и даже поощрялись, т.е. нельзя говорить о полном его изгнании из общественного дискурса и памяти [20, с. 151]. Но на волне национально-демократической революции 1989–1990 гг. произошло "возвращение Чингисхана", определившее становление новой посткоммунистической монгольской идентичности [9, с. 130]. Как Чингисхан, ставший символом, объединяющим в единую нацию многочисленные монгольские племена, так и фигура алтайского художника остается объединяющим фактором в современных процессах формирования национальной, территориальной и религиозной идентичности Республики Алтай. В.П. Алексеев отмечает, что "образ Чорос-Гуркина значительно вышел за пределы художественного дискурса и впервые в своей истории получил право эксклюзивной символической репрезентации всего Алтая, а не только его отдельных географических объектов" [1, с. 303].

К общему культурному наследию выделенных регионов относится Центрально-Азиатская экспедиция 1923–1928 гг., проведенная Николаем, Юрием и Еленой Рерих. Маршрут экспедиции проходил в том числе через Гималаи, Тибет, Северо-Западный Китай, Алтай и Монголию. С 7 по 19 августа 1926 г. экспедиция останавливалась на территории усадьбы В.С. Атаманова, в старообрядческом селе Верх-Уймон (ныне Усть-Коксинский район Республики Алтай). Из Верх-Уймона совершались радиальные выходы для изучения культурных объектов Горного Алтая, традиций и верований народов, проживающих на его территории [4, с. 79]. Помимо общения с местными жителями, случались и встречи с сибирскими уче-

ными, творческой интеллигенцией, приходившими в селе Верх-Уймон. Здесь же были написаны многие главы из книги Учения Живой Этики "Община". С сентября 1926 г. по март 1927 г. Рерихи жили в Улан-Баторе.

Роль мнемонических акторов в сохранении памяти о пребывании Рерихов во Внутренней Азии выполняют общественные организации – Монгольское и Сибирское Рериховские общества, а также деятели науки и культуры. В 2001 г. на усадьбе В.С. Атаманова был открыт мемориальный Дом-музей имени Н.К. Рериха. Также в честь великого художника названы пик и перевал на Алтае. 6 июля 2009 г. был открыт дом-музей семьи Рерихов в Улан-Баторе. В музее размещаются репродукции рериховских картин и творческие работы. Дома-музеи Рерихов выступают координаторами в организации коммеморативных мероприятий. В Санкт-Петербургском государственном Музее-институте семьи Рерихов в 2021–2022 гг. проходила выставка "Чаша неотпитая. Монголия", приуроченная к 100-летию установления дипломатических отношений между Монголией и Россией. Соорганизаторы выставки – Государственный музей Востока (Москва) и Дом-музей семьи Рерихов (Улан-Батор).

Ресурсы культурно-исторического наследия важны при формировании национальной идентичности нового поколения представителей народа, который создаёт артефакты культуры в процессе своей жизнедеятельности. Хранителями культурных образцов человеческой деятельности, материальных артефактов, несущих информацию, содержащую историческую память народа, выступают музеи, мемориальные объекты, национальные праздники, "знаковые" фигуры. В то же время мнемонические акторы предполагают информационную трансляцию компонентов культуры как внутри выработавших её народов, так и представителям других народов, носителям иных культурных ценностей. Использование сравнительного подхода в изучении национального и культурного наследия в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии дает возможность увидеть общие и специфические тенденции, помогает понять многослойность политики памяти.

Литература

1. Алексеев П. В. Г. И. Чорос-Гуркин как *genius loci* в современных дискурсах национальной и региональной идентичности (случай с наименованием аэропорта в Республике Алтай) // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 291–304.
2. Дерендяева А. Д. Региональная идентичность в контексте политики исторической памяти: опыт Алтайского края и Республики Алтай / А. Д. Дерендяева, Ю. Г. Чернышов // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 6 (122). С. 24–31. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)6-03).
3. Дьяченко Н. В. Восстания в Западной Монголии и Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области РСФСР в 1930 г. как последствия коллективизации и антирелигиозной борьбы // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (44). С. 83–88.
4. Забровская М. В. "Замечательные сердца": Н.К. Рерих и творческая интеллигенция в Сибири 20-х гг. XX в. / М. В. Забровская, Е. Ю. Широкова // Г. И. Чорос-Гуркин и современность. Горно-Алтайск: БНУ РА "Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2020. С. 77–84.
5. Иванов А. В. Священные земли монгольского и российского Алтая и отношение к ним местного населения // Монгольский мир: между Востоком и Западом. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 132–143.
6. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Горно-Алтайск: Научно-исследовательский ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. 335 с.
7. Культура / Общая информация // Республика Алтай: сайт. URL: <https://altai-republic.ru/culture/general-information/> (дата обращения: 26.05.2023).
8. Молодин В. И. Замёрзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай) / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Д. Цэвээндорж. М.: ИД "Триумф принт", 2012. 566 с.
9. Михалев А. В. Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии // Политическая наука. 2020. № 2. С. 126–142. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.06>
10. Ойноткинова Н. Р. Календарные обряды и праздники алтайцев и телеутов: классификация и общая характеристика // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 153–165. <https://doi.org/10.17223/18137083/80/13>
11. Особо охраняемые природные территории Республики Алтай // Республика Алтай: сайт. URL:

<https://altai-republic.ru/about-the-region/prirodnye-territorii/> (дата обращения: 28.05.2023).

12. Полосьмак Н. В. Пазырыкская культура в XXI веке: открытия и гипотезы / Н. В. Полосьмак, Т.А. Чикисева, Д.В. Поздняков. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 35–46. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2022-108-01-35-46>

13. Родионов В. А. Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2018. 340 с.

14. Ушаков Д. В. Республика Алтай как евразийский форпост российско-монгольского сотрудничества // Алтай - Россия: через века в будущее. Т. 1. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 66–70.

15. Ушаков Д. В. Этническая самоидентификация и межэтнические установки населения Северо-Западной Монголии // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Вып. 16. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2015. С. 198–204.

16. Ушаков Д. В. Этносоциальные процессы у народов Западной Монголии в современных геополитических условиях // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Материалы XII международной научной конференции. 2015. С. 163–170.

17. Чемчиева А. П. Феномен множественной этнической идентичности у современных алтайцев // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 217–221.

18. Щербанова Е. Е. Политика памяти в постсоциалистических странах: формирование национальной идентичности в Монголии (1989–2019 гг.) / Е. Е. Щербанова, Н. В. Дьяченко // Педагогическое образование на Алтае. 2022. № 1. С. 59–63.

19. Экспонирование мумии // Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина: сайт. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/afisha/item/403-eksponirovanie-mumii> (дата обращения: 28.05.2023).

20. Kaplonski C. The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering // *Ab imperio*. 2005. № 4. P. 147–173. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0166>.

References

1. Alekseev P. V. G. I. Choros-Gurkin as "genius loci" in modern discourses of national and regional identity (the case of the airport name in the Altai Republic) // *Dialogue of Cultures: Poetics of Local Text*. Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiisk State University, 2018. P. 291–304. (In Russ.).

2. Derendyaeva A. D. Regional identity in the context of historical memory policy: the experience of Altai Krai and the Republic of Altai / A. D. Derendyaeva, Y. G. Chernyshov // *Proceedings of Altai State University. Historical Sciences and Archaeology*. 2021. № 6 (122). P. 24–31. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)6-03). (In Russ.).

3. Dyachenko N. V. Rebellions in Western Mongolia and Kosh-Agach aimak of Oirot Autonomous Region of the RSFSR in 1930 as a consequence of collectivization and anti-religious struggle // *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*. 2020. № 3 (44). P. 83–88. (In Russ.).

4. Zabrovskaya M. B. "Remarkable hearts": N.K. Roerich and the creative intelligentsia in Siberia in the 20s of XX century / M. V. Zabrovskaya, E. Y. Shirokova // G.I. Choros-Gurkin and contemporaneity. Gorno-Altaiisk: BNU RA "Scientific-Research Institute of Altaism of S. S. Surazakov, 2020. P. 77–84. (In Russ.).

5. Ivanov A. V. Sacred lands of the Mongolian and Russian Altai and the attitude of the local population to them // *The Mongolian world: between East and West*. Novosibirsk: Autograph, 2014. P. 132–143. (In Russ.).

6. The Construction of All-Russian, Regional, and Ethnic Identity in the Altai Republic (Late XX - Early XXI Centuries). Gorno-Altaiisk: Scientific-Research Institute of Altai Studies of S. S. Surazakov, 2018. P. 335. (In Russ.).

7. Culture / General information // Republic of Altai: website. URL: <https://altai-republic.ru/culture/general-information/> (accessed 26.05.2023). (In Russ.).

8. Molodin V.I. Frozen burial complexes of the Pazyryk culture on the southern slopes of Sailugem (Mongolian Altai) / V.I. Molodin, G. Parzinger, D. Tsevendorzh. Moscow: Triumph Print Publishing House, 2012. P. 566. (In Russ.).

9. Mikhalev A.V. Symbols of Soviet Presence in Postsocialist Mongolia // *Political Science*. 2020. № 2. P. 126–142. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.06> (In Russ.).

10. Oinotkinova N.R. Calendar rites and holidays of the Altai and Teleuts: classification and general characteristics // *Siberian Philological Journal*. 2022. № 3. P. 153–165. <https://doi.org/10.17223/18137083/80/13> (In Russ.).

11. Specially protected natural territories of the Altai Republic // Altai Republic: website. URL: <https://altai-republic.ru/about-the-region/prirodnye-territorii/> (accessed 28.05.2023). (In Russ.).

12. Polosmak N.V. Pazyryk culture in the XXI century: discoveries and hypotheses / N.V. Polosmak, T.A. Chikisheva, D. V. Pozdnyakov. // *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. 2022. № 1 P. 35–46. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2022-108-01-35-46> (In Russ.).

13. Rodionov V. A. The Political Process in Mongolia in the Conditions of Post-Socialist Transformation.

Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat State University, 2018. P. 340. (In Russ.).

14. Ushakov D. V. The Republic of Altai as a Eurasian outpost of Russian-Mongolian cooperation // *Altai - Russia: through centuries into the future*. Vol. 1. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University, 2016. P. 66–70. (In Russ.).

15. Ushakov D. V. The ethnic self-identification and interethnic attitudes of the population of North-Western Mongolia // *Social Processes in Modern Western Siberia*. ISS. 16. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University, 2015. P. 198–204. (In Russ.).

16. Ushakov D. V. Ethnosocial processes among the peoples of Western Mongolia in modern geopolitical conditions // *Natural environments, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions. Materials of the XII International Scientific Conference*. 2015. P. 163–170. (In Russ.).

17. Chemchieva A. P. The phenomenon of multiple ethnic identity in modern Altai // *The Turkic-Mongolian world of the Greater Altai: Historical and cultural heritage and the present*. Barnaul: Publishing house of Alt. un-ta, 2021. P. 217–221. (In Russ.).

18. Shcherbanova E. E. Politics of Memory in Post-Socialist Countries: National Identity Formation in Mongolia (1989–2019) / E. E. Scherbanova, N. V. Dyachenko // *Pedagogical Education in Altai*. 2022. № 1. P. 59–63. (In Russ.).

19. Exposure of the mummy // Anokhin Museum: website. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/afisha/item/403-eksponirovanie-mumii> (accessed 28.05.2023). (In Russ.).

20. Kaplonski C. The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering // *Ab imperio*. 2005. № 4. P. 147–173. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0166>.

Наталья Владимировна ДЬЯЧЕНКО, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: natalia-dyachenko79@yandex.ru

Natalia V. DYACHENKO, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail: natalia-dyachenko79@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 05.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 22.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Семантика фронтальной нелояльности в приграничных районах Внутренней Азии

Иван Олегович ПЕШКОВ

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия, ivanpeshkov2007@ya.ru

Аннотация. В исследованиях политической лояльности принято рассматривать проекции и манифестации лояльности как динамический процесс, открытый альтернативам и подчиненный текущей культурной и социальной ситуации. Лояльность видится как трудный выбор субъекта среди многих культурных и конфессиональных альтернатив, во многом первичный по отношению к классическим понятиям "идентичности" и "этничности". В перспективе фронтальной опасности, представленной в статье, драма нелояльности состоит не в трудности выбора, а в невозможности соответствовать заданному уровню политической и культурной лояльности. Приведенные примеры представляют проблему несмываемой вины людей, исключенных из воображаемого сообщества лояльных граждан и заключенных в территориальную ловушку политически опасной территории, непосредственно связанную с дискурсами фронтальной нелояльности. В этой перспективе проблема нелояльности нерешаема, так как каждое новое решение порождает новые подозрения.

Ключевые слова: Забайкалье, забайкальские казаки, гражданская война, граница, лояльность, память

Для цитирования: Пешков И.О. Семантика фронтальной нелояльности в приграничных районах Внутренней Азии // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 60–74. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/60-74>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/60-74>

Semantics of frontier disloyalty in the border regions of Inner Asia

Ivan O. PESHKOV

Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia, ivanpeshkov2007@ya.ru

Abstract. In research on political loyalty, projections and manifestations of loyalty are considered as a dynamic process open to alternatives and subordinated to the current cultural and social situation. Loyalty is seen as a difficult choice of a subject among many cultural and confessional alternatives, largely primary in relation to the classical concepts of "identity" and "ethnicity". In the perspective of frontier danger presented in the article, the drama of disloyalty is not in danger of choice, but in the impossibility of meeting a given level of political and cultural loyalty. The examples shown represent the problem of indelible guilt of people excluded from the imaginary community of loyal citizens and imprisoned in the territorial trap of a politically dangerous territory directly related to the discourses of frontier disloyalty. In this perspective, the problem of disloyalty is not solvable, since each new decision generates new suspicions.

Keywords: Transbaikalia, Transbaikal Cossacks, Civil War, Border, loyalty, memory

For citation: Peshkov I.O. Semantics of frontier disloyalty in the border regions of Inner Asia" // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 60–74. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/60-74>

Связь проекций нелояльности с воображаемой географией советского фронта долгое время была на периферии интересов исследователей. Статья предлагает восполнить этот пробел, рассматривая связь проекций фронтальной нелояльности с идеей приграничного пространства Внутренней Азии как анти-места полного опасности и неожиданных встреч. Представляя выбор на шкале лояльность/нелояльность как проблему дискурсивного освоения приграничного пространства, эта перспектива дает возможность показать прямую связь проекций и манифестаций фронтальной не-лояльности с представлениями советских граждан о границах этнической солидарности, мира по ту сторону границы и критериев примирения после долгой гражданской войны. Главной темой статьи будут представления жителей Забайкалья и советского контингента в МНР о специфике

Первая версия статьи была опубликована под заголовком "In the Shadow of "Frontier Disloyalty" at Russia-China-Mongolia Border Zone" в журнале "History and Anthropology" (2017. Vol. 28. No. 4. P. 429–444).

© Пешков И.О., 2023

политической нелояльности сообществ, связанных с антикоммунистическим восстанием Атамана Г.М. Семенова. На первый взгляд ситуация выглядит достаточно просто: после победы коммунистов значительная часть забайкальских казаков в Забайкалье, Монголии и Внутренней Монголии негативно восприняла политику расказачивания в регионе и, как писали в сталинское время, "затаила обиду" на новую власть. Опираясь на забайкальских казаков, баргутов и харчин-монголов Хулун-Буира, Г.М. Семенов свергает просоветское правительство и одновременно пытается реализовать две модели политической власти: временной военной диктатуры с декларацией возвращения к республиканской форме власти и панмонголистского теократического государства, направленного на объединение всех монгольских народов Китая и России. После поражения белой государственности в Забайкалье, наиболее политически активная часть эмиграции продолжала попытки переходить границу и бороться на территории СССР при большей или меньшей поддержке китайских и японских военных. После разгрома Квантунской армии все места компактного проживания эмиграции попадают под контроль красной армии и НКВД, после чего политическая активность казачьей эмиграции практически прекращается. Забайкальские казаки в СССР и за рубежом полностью деполитизируются, постепенно вливаясь в советскую жизнь или превращаясь в новое эмигрантское сообщество (казаки из Трехречья), ориентированное на мирное сосуществование с советской властью. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. Стерилизация приграничных районов Забайкалья и Монголии, смертная казнь Г.М. Семенова (1946) и массовые репрессии в Трехречье (1945-1947) стали не концом, а началом новой истории символического присутствия семеновцев в Советском Забайкалье, МНР и Китае. После смерти Сталина рассказы об Атамане и его последователях принимают характер коллективной ретро-галлюцинации о присутствии в регионе трансграничной сети антикоммунистического сопротивления, угрожающей каждому советскому человеку. Советские специалисты в МНР, солдаты Забайкальского военного округа и советского контингента МНР, мигранты в Забайкалье из других частей СССР и даже офицеры КГБ настолько захвачены полуофициальной легендой присутствия семеновцев, что начинают распознавать семеновцев в маргинальных группах русских старожилов Внутренней Азии, слабо или вообще не связанных с казаками мятежного атамана. Следует заметить, что это распознавание, являясь несомненно дискриминационной практикой, все-таки было формой символического исключения, практически не поддержанной репрессивным аппаратом советского государства. Парадоксально, это только увеличивало силу легенды, превращая ее в полуофициальное знание, как по-настоящему выглядят дела в приграничных районах.

Используя известное противопоставление Розы Брайдотти [16, с.14] между метафорой и социальным местоположением, можно поставить вопрос о процессе превращения метафорического описания приграничного пространства (как места манифестации политической нелояльности) в реальные социальные местоположения членов воображаемого не-сообщества (the imagined noncommunity) [26]. Почему пустые и стерильные приграничные пространства становятся местом воображения уходящих за кордон сетей политического (антикоммунистического) насилия? Почему эти легенды создают эффект присутствия и отличаются дееспособностью: определенные группы не только распознаются в категориях мифологического словаря, но и сами начинают видеть и вести себя согласно предложенным схемам? Ответы на эти вопросы требуют не столько внимания к позднесоветским практикам подозрения, сколько к специфике советских представлений о приграничных районах, оживляющих чувства опасности и недоверия. Нелояльность в этом контексте становится отличительным признаком не только воображенного не-сообщества, но и воображенной территории, скрывающей врага и неотделимой от него. Как будет показано, проекции фронтальной опасности могут порождать подозрения в нелояльности приграничных жителей независимо от радикальных изменений в идеологии страны или отношения местных жителей к предложенным моделям описания.

Генеалогия не-сообщества: от лояльного сословия к хищникам фронта

В советской картине мира граница воспринималась как источник опасности и пространство столкновения с враждебным миром. Соседство с политическими оппонентами легитимизировало милитаризацию приграничных регионов и продлеvalo до бесконечности атмосферу гражданской войны на этом участке территории. Противоречие между политической стерильностью населения и эмоциональной включенностью в защиту рубежей решалось при помощи воспроизведения конфронтационных мифологем, перформативная сила которых состояла в способности смешивать темпоральные режимы и ставить под сомнение фронтальную лояльность местного населения [21].

Рассказывая о травматическом опыте экспансии советских моделей жизни, эти легенды одновременно были способом переживания культурных иерархий, страхов и полусознанной внутренней потребности в материальном существовании врага. Их приграничная локализация включала их в перспективу советской границы как контакта с неведомым и враждебным. Поэтому в отличие от *классических* врагов советского человека фронтальные *выображенные не-сообщества* были сообществами люминальных существ, сотканными из противоречий советской картины мира. В этой перспективе послесталинское советское общество не столько настроено на уничтожение врагов, сколько на создание и использования их для переживания сложных темпоральных режимов и воплощения культурных иерархий советского ориентализма.

Историческим прототипом воображаемого не-сообщества семеновцев во Внутренней Азии была часть сообщества Забайкальских Казаков, поддерживавшая белую государственность в Забайкалье и продолжавшая с разной интенсивностью борьбу с советской властью до конца Второй мировой войны. Судьба казаков Восточного Забайкалья напрямую связана с приграничным статусом территории. Роль режима управления границей является здесь ключевой: с одной стороны, сообщество создается вместе с границей и для ее защиты, с другой – смена приграничного режима после победы большевиков стала основным фактором уничтожения казачьего Забайкалья. Следует заметить, что определенные сомнения в их способности выполнять роль защитников границы появляются задолго до революции, причем как со стороны правительства, так и революционно настроенной интеллигенции. С этим были связаны как культурные факторы, так и появление новых подходов к модернизации приграничного контроля отсылающих к европейским биополитическим практикам того времени [17]. А. Ремнев так описал отношение к азиатским казакам в последние десятилетия империи:

"Таким образом, если над казачеством еще не нависла реальная угроза, то задолго до революции стали вызревать подозрения в его экономической и социокультурной неэффективности. Инициаторами были переселенческие чиновники и этнографы, среди которых было немало политических ссыльных народников. Народнический дискурс, с его трепетным отношением к русскому крестьянину (особенно к бедствовавшему переселенцу) и угнетаемому инородцу, обреченному на "вымирание", захвативший широкие слои российской интеллигенции (не исключая и части чиновников), не мог не отразить сложного отношения к казакам, которые с трудом вписывались в представления о замученном царизмом народе. Сословная замкнутость казаков и территориальная "чересполосность" с крестьянскими и инородческими поселениями создавали дополнительные трудности для миграционной политики и проведения преобразований в управлении и судопроизводстве, что рассматривалось важной частью процесса модернизации" [12, с. 103].

Кроме этого, сомнения касались способности казаков азиатской России быть проводниками цивилизационной миссии, их расовой частоты и опасной дружбы с казахами, монголами и китайцами. В эпоху позднего имперского национализма смешанная культура казаков воспринималась не только как предательство цивилизационной миссии и расовая деградация, но и как опасность перерастания сословной обособленности в попытки сепаратизма. В случае Забайкальских

и непосредственно с ними связанных Амурских и Уссурийских казаков сильное биологическое и культурное влияние монголов и налаженные экономические отношения с китайцами ставили сообщество в опасной близости от все более популярного мифа желтой опасности [21]. Эти представления возродятся с новой силой во время гражданской войны, когда стереотип управляемых японцами азиатских орд Семенова и Унгерна будет популярен у красных и белых.

Необратимые перемены в жизни казачьего Забайкалья, приносит Первая мировая война. Трудные экономические условия и отсутствие мужчин рушат патриархальный уклад казацкой жизни в регионе: казацки массово вовлекаются в трансграничную торговлю опиумом, немобилизованная молодежь открывает для себя левые идеи, наиболее экономически слабые группы пытаются покинуть сословие и избежать мобилизации. Отречение Николая Второго от престола радикально изменило статус и ситуацию забайкальских казаков, превращая их из защитников монархического государства в граждан новой республики. В случае Забайкальских казаков их преданность царю была переоценена как властью, так и интеллигенцией: основная масса казаков одобрила смену государственного строя и не поддерживала идей реставрации монархии [7, с. 7]. Более того, в первые месяцы республики Забайкальское казачье войско становится первым и единственным добровольно самораспустившимся из всех казачьих войск России. 16 апреля 1917 года на 1-ом Областном съезде Забайкальского казачьего войска (16.04.1917) была принята резолюция об уничтожении казачьего сословия "как пережитка старины и следствие существования постоянных армий" [7, с. 14]. Решения съезда о самороспуске вызывали протест как со стороны более консервативных станиц, так и воинских частей на фронте. Эти противоречия обострились после свержения большевиками Временного правительства, окончательно разделившего казаков на два непримиримых лагеря.

С этого момента важной политической фигурой региона становится есаул 1 нерчинского полка Григорий Семенов, прошедший за два с половиной года путь от командира казачьей сотни до генерал-лейтенанта-командующего всеми вооруженными силами Российской Восточной Краины [13, с. 29]. Успех молодого казака, практически лишённого политического опыта, опирался на союз с японской армией, широкое привлечение монголов и китайцев, а также контроль над западной частью полосы отчуждения КВЖД. Рожденный в селе Куранжа станицы Дурлуговская Григорий Семенов был типичным представителем русско-китайского фронта. Потомственный казак русско-бурятского происхождения, знающий монгольский язык и хорошо ориентирующийся в монгольских делах, Семенов с самого начала согласовывает свои планы со сложной архитектурой российско-китайского фронта: ростом китайского влияния на Халха-Монголию, внутримонгольским конфликтом в Барге и институционализацией бурятского национального движения. Сформированный на границе с Китаем Особый Маньчжурский Отряд объединил баргутов и монголов из Хулун-Буира с казаками и офицерами русской армии и стал одним из первых белогвардейских формирований России. После падения советской власти в Сибири Семенов становится наиболее влиятельным лидером белого движения в регионе. Продолжая решительные, но малоэффективные попытки контролировать огромную территорию, правительство Семенова пытается упорядочить реквизиции, институционализировать террор против коммунистов и борется с красными партизанами. Попытки сохранения автономии от правительства А. Колчака привели к затяжному конфликту на линии Омск-Чита и обвинениям в сепаратизме, усиленными слухами о панмонголистских идеях Атамана. Слухи были вполне обоснованными, Семенов всегда рассматривал монгольский вопрос как один из главных приоритетов своей политики [15]. Леонид Курас так описывает поворот к идее общего монгольского государства:

"В процессе укрепления собственной власти в Забайкальской области атаман Г.М. Семенов перестает признавать Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и приступает к реализации идеи о создании панмонгольского государства. Реализация этой идеи совпала по времени с успехами бурятского национального

движения. Его действия находят понимание и поддержку у лидеров бурятского национального движения, у которых в годы гражданской войны был свой взгляд на проблему панмонголизма. Это было обусловлено тем, что надеждам получить автономию для бурят у Сибирского правительства А.В. Колчака не суждено было сбыться. Более того, к самой идее автономии для бурят колчаковская администрация отнеслась крайне отрицательно, усмотрев в ней попытку разрушить унитарное государство" [8, с.168].

При поддержке атамана Семенова и майора Сузуки в 25 февраля 1919 года съезд панмонголистов в Чите объявляет о создании Монгольского Федеративного государства под предводительством Ничи Тойн Богдо Мэндбаяра из Чжалайта [4, с. 29]. Государство со столицей в Хайларе должно было объединить Забайкалье, Баргу и Внутреннюю Монголию. Правительство нового государства составляло сложную сеть людей с абсолютно разным политическим и социальным опытом: бурятских ученых, монгольских и казачьих полевых командиров, лам и монгольских князей. Переоценка поддержки Японии, бойкот со стороны европейских государств и США, а самое главное равнодушное отношение Урги не давали шансов на реализацию этого плана: провозглашённое государство просуществовало только семь месяцев (февраль–сентябрь 1919 г.). Кроме этого, огромную роль сыграли межплеменные противоречия: если для российских бурят главным было избежать вовлечения в противостояния красных и белых, то для монголов приоритетом было сохранение хрупкой автономии Барги. Смерть Нэйсэ-гэгэна от рук китайского правительства стало символом окончательного политического поражения идеи объединения монголов при поддержке Семенова.

Не смотря на скромные успехи панмонголистского проекта, сама попытка перечеркнуть имперские границы была воспринята крайне враждебно как красными, так и белыми. Обеими сторонами гражданского противостояния Семенов представляется не просто как мятежный атаман, но как опасный сепаратист, представляющий угрозу не только политическим противникам, но и целостности России. После вывода японских войск семеновцы уходят из Забайкалья в Китай и Монголию. Для активной и политизированной части забайкальских казаков Монголия становится транзитной страной на юго-запад или на восток. Основная часть казаков уходит в район Трехречья в Северном Китае, который становится местом массовой, в основном организованной миграции казаков. В отличие от экономически незащищенных и рассеянных городских русских диаспор, аграрное сообщество Трехречья прекрасно вписалось в экономику Хулунбуира [3]. Казаки сохраняли собственные модели социальной организации, религию и сильную экономическую позицию [20]. Несмотря на это, жизнь на новом месте была достаточно сложной. Существование "советского Забайкалья" и "семеновского Трехречья" не могло быть мирным. В восприятии советских людей Трехречье становится символом реакции, агрессии приграничного бандитизма. Одновременно само Трехречье становится местом проведения карательных акций красных партизан и НКВД. Создание Маньчжоу-Го привело, с одной стороны, к приостановке советских карательных акций, с другой – к полупринудительному участию эмигрантов в защите границы. Это во многом окончательно демонизировало сообщество в глазах советского общества. Фактор реальной и мифической коллаборации во многом определил судьбу сообщества после 1945 года. После разгрома Квантунской армии начинается постепенное перемещение трехреченских казаков в СССР сначала в форме принудительного вывоза в советские лагеря [2], а после смерти Сталина полупринудительной репатриации с ограничением поселения до Северного Казахстана и Урала. Только в 1994 году 15 семей вернулось в Забайкалье в поселок Сенькина Падь рядом с Приаргунском [22]. Следует заметить, что существовало еще одно направление эмиграции. Опасаясь репрессий, значительная часть казаков эмигрировала через Шанхай в США, Канаду, Австралию и Филиппины, создавая собственные поселения и занимаясь сельским хозяйством. Можно отметить, что неизбежная демилитаризация сообщества происходила одновременно с ростом его символической роли в культурной политике советского Забайкалья. "Власть

Атамана" становится воплощением абсолютного зла и политического садизма, абсолютно не поддающегося рациональному объяснению. Как в научной, так и популярной литературе начинается инфляция количества жертв семеновского террора и распространение апокалиптических описаний семеновских застенков [13]. Правление Семенова становится главной официальной травмой Забайкалья, все региональные места памяти подчинены комеморации жертв семеновского правления. Реальные и вымышленные преступления семеновцев становятся важным элементом идентичности советского Забайкалья, создавая образ абсурдного царства террора до сегодняшнего дня, определяющий восприятие прошлого региона¹.

Атаман и его последователи были демонизированы не только большевиками, но и Омским правительством Колчака (за несубординацию и сепаратизм) и частью американского контингента (как союзники японцев). Следует заметить, что существует как минимум несколько независимых традиций демонизации Семенова, слабо или вообще несвязанных между собой. Этот негативный консенсус во многом до сих пор определяет способы описания власти Атамана в категориях гуманитарной катастрофы. Попытка удержания политической автономии, коллаборация с японцами, слом имперской географии для панмонголистского проекта и "неудержимая казачья вольница", с точки зрения советских и постсоветских историков, определяли и определяют однозначно негативную оценку атамана и его людей. Если в советской историографии доминировали кровавые подробности репрессий против коммунистов, то в постсоветский период главным обвинением является несубординация правительству Колчака, "панмонголистская авантюра" и *продажа Родины* японцам. Достаточно типичной является негативная оценка дальневосточного историка С.Н. Савченко:

"Вместе с тем Семенов, продолжая проводить политику неподчинения правительству адмирала Колчака, с согласия и при поддержке японского командования в феврале 1919 г. решил создать так называемую "Великую Монголию" с центром на ст. Даурия. В новоявленном государстве Семенов видел себя главнокомандующим войсками. В его состав должна была войти и часть территории русского Забайкалья, населенная бурятами. Это являлось актом сепаратизма (**и даже своеобразным актом измены России**) со стороны Семенова" [14, с. 30].

Можно предположить, что причины негативной оценки атамана и его последователей в Забайкалье прежде всего касаются неразрешимого конфликта между разными перспективами локальности в регионе. Используя описанную К. Хамфри [18] ключевую для советского сознания дихотомию порядок/ беспорядок, можно предположить, что власть Семенова была представлена как ориентализированный (в смысле Э. Саида) кровавый беспорядок. В этой перспективе лишенная поддержки культурных центров страны и опирающаяся на полу-азиатах и азиатах власть Семенова видится как нелегитимный восточный произвол на фоне легитимной власти А. Колчака и сурового порядка советской власти. Демонический образ Семенова и его последователей – это единственная форма восприятия автономии в условиях национального консенсуса о нерушимости границ, установленных культурных иерархий и отношений центр-периферия. Нелояльность сообщества в этой перспективе является производной не столько от имени антигероя, сколько от невозможности представить новые формы мышления о регионе и формах его культурной и политической автономии. Как проводники невозможного Семенов и его последователи представляются хищниками: вне морали, вне политических сомнений и вне стабильной системы координат. Именно в этом контексте реальные и вымышленные преступления атамана становятся исключительными, они нелегитимны даже не в правовой, только в цивилизационной и моральной оценках. Представляя атаманину как голую волю нелегитимной власти, существующий

¹ Одна из моих читинских респонденток сообщила мне, что по ее воспоминаниям семеновский террор был страшнее и унизительнее сталинского.

консенсус исключает саму возможность независимого действия региональных акторов на основе собственных культурных и цивилизационных предпочтений.

"Не-место" для не-сообщества: отдавая приграничную территорию врагу

Советская модель границы-бастиона в азиатской части страны во многом продолжала позднеимперские попытки стерилизации приграничных территорий, контроля китайской и корейской миграции, полупринудительной седентаризации лояльных и выталкивания нелояльных кочевников в Турцию, Персию, Афганистан и Китай. Сочетание описанных Джеймсом Скоттом [23] глобальных процессов государственного переописания периферии с советской политикой агрессивной секуритизации проблемных территорий привело к трансформации приграничных территорий Внутренней Азии в относительно стерильную политическую зону, полностью подчиненную советским моделям культурной политики. Полувоенный режим советских приграничных территорий привел не только к массовому переселению на правый берег Аргуни эвенков, казаков и агинских бурят, но и систематическим перемещениям оставшихся жителей в рамках расказачивания, раскулачивания и укрепления границы [21]. Новая модель милитаризации границы привела к радикальным переменам в этнической и культурной структуре региона, усиленными массовой миграцией в Читинскую область жителей западной части СССР. Эмиграция, репрессии и массовая миграция полностью меняют облик региона и создают новую региональную культуру, полностью ориентированную на российские культурные центры и потерявшую связи с приграничными регионами Монголии и Китая. В период 1949–1986 гг. происходит синхронизация политики фронтального социализма в СССР и КНР, что окончательно маргинализирует гибридную культуру приграничных регионов и резко удлиняет культурную дистанцию между российской и китайской сторонами границы [25]. Вопрос, почему стерильные и милитаризованные приграничные районы были описаны в негативных категориях политического разнообразия, не может ставиться в простых категориях фактического несоответствия. Можно предположить, что мы имеем дело с более сложными и общими структурами массовых представлений об опасном политическом разнообразии приграничных районов СССР с их островами нетронутой советской модернизацией жизни. Пространственные представления о мире по ту сторону границы сочетались с темпоральными, создавая возможность встречи со сложным революционным прошлым с его бескомпромиссным императивом политического определения. Растиражированные в фильмах и театральных постановках образы гражданской войны, усиленные политикой коммеморации погибших от рук белых революционных героев, создавали коммуникативные декорации драмы встречи с революционным прошлым. В воспоминаниях советских солдат в Забайкалье и советского контингента в Монголии монгольская и забайкальская периферии давали возможность встречи с закрытыми для советских граждан деревнями казаков атамана Семенова. Валентин, бывший советский инженер в Монголии, вспоминал историю случившиеся с его другом в середине 80-х: *"У нас заканчивался бензин, и мы решили захватить в ближайшую деревню, по дороге встретили русскую женщину, которая сказала ехать к монголам, так как наши не любят советских и скорее всего нам не поздоровится. Мы навались на семеновскую деревню, и, слава богу, нам удалось уехать"*. Очень похожий сюжет о случайном попадании в несоветскую деревню часто встречается в воспоминаниях бывших солдат Забайкальского Военного Округа. Один из моих респондентов Максим так запомнил эту встречу: *"Мы шли через деревню и попросили воды у стариков в казачьей форме. Один из них согласился и пошел домой. Вышел с винтовкой и сказал: Проваливайте, красная сволочь! Поубиваю всех!"*

Эти рассказы отражают не только подсознательную готовность распознавания врага, но и своеобразную воображаемую географию фронта. Постоянно повторяющийся нарратив о выталкивании семеновцами советских из собственного пространства, не тронутого советизацией, фиксирует виртуальное семеновское пространство как рубеж между современной жизнью и навсегда утраченным прошлым, призывая которое легенда в своеобразный способ смешивает понятные

всем декорации гражданской войны и эмоциональную потребность в возможности не-советских моделей жизни. Колониальная идея опасности и враждебности пространства и населения приграничных районов интересна тем, что в метафорической форме представляет границу между советским порядком и не-советским хаосом. Главным производителем солдатской мифологии были учебные части Забайкалья, откуда они часто переносились солдатами в Монголию, создавая эффект реализма и глобальности феномена. Мои респонденты называли Семенова вездесущим, показывая постоянное и всеохватывающее присутствие легенды в солдатской жизни. Солдаты распознавали семеновцев даже в русских и бурятских детях из соседних деревень. Неофициальная солдатская песня хорошо иллюстрирует дискурсивное окружение советской части недружественным пространством и его людьми из прошлого:

В Песчанке горы из песка
-Крутом жара, пески, тоска...
-И нет друзей и нет подруг...
-Одни Семёновцы кругом, с обрезаем ждут вас за углом!²

Советские офицеры использовали легенды более инструментально: фронтальная опасность должна была предостеречь солдат от самовольного покидания воинской части. Алексей, служивший на границе с Китаем в конце 70-х, вспоминал: *"Офицеры часто говорили нам об опасности набега перешедших границу семеновских банд на нашу ракетную часть. В этих рассказах они приезжали на конях и садистически убивали советских солдат"*. Несмотря на абсурдность появления антикоммунистических партизан со стороны маоистского Китая, респонденты не помнили, чтобы эти истории воспринимались как абсолютно вымышленные. Именно приграничная локализация порождает фантазии о неправдоподобных возможностях полуминальных существ: появляясь и исчезая, они как бы существуют параллельно советскому приграничному режиму [9]. Ответ на вопрос, зачем тотальному государству люди без государства, непосредственно связан со сложной географией советского фронта. Парадоксально, возможность увидеть острова несоветского в стерильной зоне приграничных районов была связана с согласием восприятия приграничной территории как проходимой и частично не контролируемой. Восприятие границы как места, где государство перестает картографировать социальную и политическую реальность, создавало возможность предчувствия о местах, не только отдаленных от советской жизни, но и враждебных ей. Приграничная территория в этой перспективе – это сеть советских и не-советских мест, контролируемых разными временными режимами. Только символически теряя контроль над воображаемой территорией, можно увидеть и почувствовать врага везде. Виртуальная утрата контроля над приграничной территорией (описание стерильных районов в терминах неминуемой политической опасности) приводила к реальным усилиям бесконечной секуритизации приграничных районов. В этой перспективе враждебность пространства сливается с проекцией нелояльности приграничного населения: опасность анти-места становится отражением присутствия Атамана и его людей, которые, в свою очередь, могут быть распознаны только благодаря воображаемой географии советского фронта.

Нелояльность как дискурсивный выбор: "люди из прошлого" в советском и постсоветском настоящем

Какие группы должны были быть признаны наследниками сомнительной славы атамана. Прежде всего это жители бывших казачьих сел Забайкалья, местнорусские в Монголии и русские жители (бывшие и настоящие) Трехречья в Китае. Забайкальские колхозники из бывших казачьих (русских и бурятских) деревень, были обычными советскими людьми, единственно отличие которых состояло в сохранении неофициальной памяти о событиях гражданской войны в регионе. Местнорусские в Монголии – это смешанное сообщество потомков русских кре-

² Популярность этой песни фиксируют сайты бывших солдат Забайкальского военного округа. Ср. URL: http://zabvo.ru/e107_plugins/forum/forum_viewtopic.php?158276.30

Сообщество	Казаки из Трехречья	Китайские русские	Забайкальские казаки в СССР и их потомки	Монгольские русские
Базовая травма	красный террор	культурная революция	красный террор	голод 1928 г.
Внутреннее восприятие прошлого	расказачивание; счастливая жизнь в довоенном Трехречье; опыт "взрослого" наблюдения в СССР	японская оккупация; счастливая жизнь в послевоенном Трехречье; культурная революция	расказачивание; война; опыт символического врага в СССР	голод; опыт дискриминации
Внешнее (российское) восприятие	семеновцы; "настоящие" казаки; настоящие китайские русские	семеновцы; "настоящие" крестьяне; метисы/ "окитаенные" русские; китайцы	семеновцы	семеновцы; метисы/ "окитаенные" / омонголенные русские

Табл. 1. Восприятие прошлого фронтальных сообществ.

Источник: [21].

Table 2. Perceptions of the past of frontier communities.

Source: [21].

стьян, западных бурят, казаков и китайцев, бежавших от голода и коллективизации, и распознанное в словаре фронтальной нелояльности. Фантазия советских людей демонизировала эту группу, вписывая в этот миф нормальные черты периферийной и аграрной группы региона: метисацию, агрессию и билингвизм. "Семеновец" становится символом: агрессивного к советским жителям метиса, потомка врагов советской власти и человека, потерявшего связь с современной русской культурой. С другой стороны, сами местнорусские принимают это название как собственное, часто не до конца понимая его суть. В исторической перспективе существует как минимум два разных сообщества, систематически отождествляемые с именем русские из Трехречья. Одно из них – сообщество эмигрантов с доминированием в нем до 1950-х годов забайкальских казаков. Другое – группа, состоящая главным образом из потомков смешанных китайско-русско-монгольских семей православного вероисповедания и русской культурной ориентации, живущих в регионе сегодня [5]. Сочетание внутреннего и внешнего восприятия прошлого распознанных сообществ можно представить в табл. 1.

Все перечисленные группы объединяет укорененность в приграничной зоне, метисация и большее или меньшее влияние восточных культур (монгольской или китайской). Следует заметить, что все они не только существенно различались между собой, но часто не знали о существовании друг друга. Если, с точки зрения советских людей, восприятие этих сообществ полностью политизировалось, практически исключая дискурс этнической солидарности, то в случае фронтальных сообществ (за исключением забайкальцев) можно говорить о противоположном процессе: деполитизации прошлого и акцентах на этническую солидарность с жителями России. К сожалению, эти стратегии трудно назвать успешными. Сочетание проекций политической нелояльности со своеобразной формой географического плена приводит к отрицанию как советского, так и эмиграционного опыта стигматизируемых сообществ. Возможность семеновца стать лояльным гражданином абсолютна чужда легенде: семеновцы и советские живут в разных порядках и не влияют друг на друга. Люди из прошлого возбуждают разные чувства: страх, уважение, презрение, ненависть, – но только не сострадание и симпатию. Их чувства и намерения непонятны, они полностью в тени навязанной роли анти-

коммунистического хищника, что делает невозможным ни реальное отождествление, ни даже интерес к их внутренним дилеммам. Жалобы на глухоту советских со стороны монгольских русских и репатриантов из Трехречья показывают только асимметрический характер фантома: распознанный семеновец не может выйти из своей роли. Одна из моих респонденток описала полную противоречий жизнь в двух перспективах: нормального школьника советской школы в Монголии и распознанного члена сообщества врагов: *"Мы так до конца и не поняли, за что советские нас так ненавидели. Мы искренне хотели и практически были как они, но нас никто не слышал и не воспринимал всерьез. Мы должны были быть врагами, предателями, потомками белогвардейцев"*.

Каким образом советский колхозник, монгольский или китайский крестьянин русского происхождения или житель приграничного советского города могут быть распознаны в категориях фронтальной опасности. Можно предположить, что сила фронтальных мифологем – в их способности смешивать не только временные режимы, но и превращать сочетания географической локализации, антропологических черт и маргинального статуса в основу негативного политического обобщения. Алексей Михалев так описал связь между гражданским статусом русских в Монголии, историческим опытом фронтального бандитизма и инструментального использования сообщества как дисциплинарного инструмента:

"(.....) местнорусских определили как белогвардейцев и врагов. Сформированная модель объяснения происхождения местнорусских стигматизировала это общество и ставила перед ними задачу "искупить вину перед Родиной". Комплекс вины формировался посредством социальной эксклюзии – отсутствия доступа к политическим правам, к престижной работе, различия в уровне потребления, социальной дистанции" [10, с. 110].

Отказ от коммунистической идеологии в начале 90-х не был в состоянии радикально изменить ситуацию "распознанных субъектов". Все они продолжали восприниматься в категориях определенной нечистоты и тревоги со стороны доминирующего большинства. После 1991 г. местнорусские в Монголии перестали быть семеновцами, но так и не стали своими. Теперь их проблемой становится забайкальская аккумуляция, проявляющаяся в неканонических православных практиках и посещении шаманов и лам. Наиболее сложная ситуация у русских сообществ Китая. Казаки-репатрианты и их потомки до сих пор воспринимаются в свете советской версии гражданской войны, что приводит к абсолютно фиктивной политизации сообщества и заменой их реальной истории на адаптированные до новых условий старых советских клише (бывшие шпионы, бандиты, враги). Китайские русские подвергаются новому подозрению в неспособности быть русским при достигнутом уровне окитаевания [22]. Профессор А.Г. Янков так подытожил этнический статус сообщества:

"Официально там проживает около 1700 человек, считающих себя русскими. В основном это люди преклонного возраста, но много и 40-50-летних. Правда они в большинстве своем уже метисы" [6].

В этой перспективе "неправильное" православие местнорусских в Монголии, драма "окитаевания" китайских русских и "неправильное" (в перспективе новой исторической политики, связывающей Россию и СССР) поведение казаков в Трехречье до 1945 года во многом показывают силу политической географии советского фронта. Фактически по отношению к сообществам не преодолена перспектива фронтальной нелояльности: жизнь за границей приводит с точки зрения постсоветского общества либо к политической, либо к этно-расовой измене.

Советизация антисоветского: проблемы с нелояльностью и попытки их решения

Существует ли выход из замкнутого круга фронтальной нелояльности. Кроме описанных в предыдущей главе неудачных попыток де-политизации прошлого можно выделить две радикально разные стратегии освоения легенды: распознания себя как члена не-сообщества и аффирмативная ре-политизация жителей фронта как лояльных советских граждан, с риском для жизни помогавших со-

ветской разведке. Парадоксом советского периода истории региона является захват дискурсивного поля семеновской легенды жителями Восточного Забайкалья и создание компенсаторного дискурса на базе советских мифологем. Распознавая себя в кривом зеркале семеновского мифа, они становились частью великой драмы революции, своеобразно принимая как советскую темпоральность, так и советскую философию истории: теперь уже зверства семеновцев являются мудрой (дальновидной) попыткой атамана защитить казаков перед будущими страданиями, а сами герои легенды становятся притягательными благодаря силе антикоммунистического террора [21]. Причиной такого глубокого резонанса, казалось бы, абсолютно негативной проекции было сочетание локальности главных антигероев и парадоксально советский характер образа Семенова: решительного и безжалостного вождя готового на все для реализации своих целей. Локальность главного героя приводит к появлению многочисленных историй о дружбе с семьей Семенова, трансформируя образы бесчеловечных преступлений семеновцев в местную драму, вписанную в систему родственных и дружеских связей. Так, одна из моих родственниц сообщила мне в конце 80-х: *"Мама атамана Семенова была очень хорошим человеком. Все к ней хорошо относились. Наша семья продавали им продукты, и мы жили очень дружно"*. Не смотря на очевидные географические и исторические несоответствия, этот тип рассказов отражает попытки освоения трагических событий гражданской войны как локальной правды, несовместимой с советскими версиями истории региона. Кроме этого, Семенов становится символом поступка немыслимого для советского человека: смертельного вызова советской власти. Аффирмативное прочтение мифа противопоставило советскому обществу не столько автономную память о травме рассказывания, сколько активизирующее почтение травмы как результата достойного поражения в неравной борьбе. В этой перспективе страхи противника (советского общества) перед их (сообщества) испепеляющей мощью не только проясняют их жизненную ситуацию, но и позволяет спокойно и даже с гордостью принимать практики дискриминации. Эта форма распознавания врага в себе могла существовать только на основе советской пропаганды и в рамках закрытой границы. Остановка машин советской пропаганды, возвращение политически амбивалентных репатриантов и открытие отсутствия белогвардейского гнезда в Трехречье не только существенно снизило драматизм этой формы проживания прошлого, но и показало ее зависимость от советской культурной политики.

Противоположной стратегией аффирмативной политизации сообщества является выход из тени историй о судьбах сотрудников советской разведки в приграничных районах Китая. В исторической прозе, воспоминаниях и рассказах респондентов из Китая российскому сообществу предлагается рассказ о трагической судьбе русских эмигрантов, преданных советскому государству [1]. От бывших офицеров Семенова до простых крестьян невидимые советские патриоты символически смыывают общие обвинения в нелояльности и дают более разнообразный образ Трехречья как пространства трудного выбора, в котором выбор Родины (СССР) трагичен, но единственно возможен [11]. Новые герои сообщества гораздо понятнее старых (атаманов, сотрудничавших с японской армией). Их выбор СССР (России) показывает не только разнообразие судеб эмиграции, но и создает образ сообщества, преданного Родине в тяжелых условиях эмиграции и силой втянутого в конфронтацию. Этот новый вид героев (жертв) является очень интересной попыткой выйти за пределы конфронтации, включить жителей региона в постсоветский нарратив и показать фронтально-геополитическую лояльность группы. Трагедия лояльности наперекор собственному опыту, окружению и семье создает образ жертвы, искупающей первородный грех эмиграции из СССР и сотрудничества с его врагами. Кроме этого, смерть от рук японской контрразведки или несправедливое отношение к "патриотам" со стороны НКВД включает сообщество в трагический советский опыт страданий за страну и неза заслуженного наказания со стороны сталинской машины репрессий [19]. Дискурс о новых героях имеет ярко выраженную риторическую направленность: показывая кровь, пролитую за СССР,

или "неблагодарность" со стороны НКВД, он перечеркивает тем самым вину гражданской войны и создает новую историю группы, приемлемую и понятную для постсоветской России. Новые герои включают регион в советское прошлое, основное для памяти и точек отсчета постсоветской России. Несмотря на определенную моральную неоднозначность (репрессии 1945 года против жителей региона во многом опирались на агентурные данные), эта перспектива идеально подходит к современному российскому восприятию истории, в котором при распространенных симпатиях к белой гвардии считается, что после окончания гражданской войны истина была на стороне СССР. Дискурс тайной фронтальной лояльности показывает единственные эффективные механизмы преодоления социальной смерти и политической стигматизации. Дорога в современную Россию для фронтальных сообществ ведет через примирение с СССР. Российское общество не готово к конфронтации с альтернативными моделями политической идентичности и с антисоветским русским патриотизмом, не говоря уже о коллаборации с Квантунской армией.

Дискурс невидимой фронтальной лояльности является отражением асимметричного применения в России. Советизация памяти и не всегда последовательные попытки примирения сторон гражданской войны приводят к появлению имперской перспективы восприятия советского периода истории России. На наших глазах фактически создается механизм возвращения и легитимизации советского прошлого как целостного имперского проекта и победы над леворадикальным безумием революции и гражданской войны. Это объясняет и перенос общественного внимания с Ленина на Сталина как и одновременную героизацию белой и красной армии. Конечно, примирение не отменяет определенного неравенства: условием реабилитации героев белой борьбы является или своевременная смерть во время гражданской войны (А. В. Колчак), или решительный отказ от борьбы с красной армией после ее окончания (А. И. Деникин). Эти попытки имперского прочтения истории СССР во многом отвечают ожиданиям общества и воспроизводят элементы советской ментальной географии, сохранившиеся в массовом сознании. Следует заметить, что эта форма оправдания очень обманчива, так как вместо примирения предлагает усиление конфронтации. Если признать, что СССР был немного экзотической формой Российской Империи, то враги имперского проекта становятся врагами России. Вводя понятие единственно возможного выбора, она перечеркивает большинство биографий жителей Трехречья как предателей и коллаборантов. В отличие от коллективной вины фантомной нелояльности, новая перспектива не только создает видимость индивидуализации ответственности, но и новые формы нелояльности, подчиненные имперскому прочтению советской истории. Эти две радикально отличающиеся формы освоения негативного описания региона парадоксально взаимосвязаны. Триумфальное возвращение монументальных версий советского прошлого актуализирует попытки разобраться с семеновским прошлым региона.

В исследованиях над политической лояльностью принято рассматривать проекции и манифестации лояльности как динамический процесс, открытый альтернативам и подчиненный текущей культурной и социальной ситуации. Лояльность видится как трудный выбор субъекта среди многих культурных и профессиональных альтернатив, во многом первичный по отношению к классическим понятиям "идентичности" и "этничности". В представленной в статье перспективе фронтальной опасности драма нелояльности не в опасности выбора, а в невозможности соответствовать заданному уровню политической и культурной лояльности. Показанные примеры представляют непосредственно связанную с дискурсами фронтальной нелояльностью проблему несмыслимой вины людей, исключенных из воображаемого сообщества лояльных граждан и заключенных в территориальной ловушке политически опасной территории. В этой перспективе проблема нелояльности нерешаема, так как каждое новое решение порождает новые подорождения.

Заключение

Отношения кочевых культур с современным государством отличает поверхностное противоречие между создаваемыми официальными нарративами образами "угрозы" со стороны кочевников и реальными практиками ограничения автономии номадических или пост-номадических сообществ [24]. Тотальная секуритизация приграничных районов привела не только к принудительной седентаризации приграничного монгольского и эвенкийского населения, но к символическому распознаванию "угрозы" со стороны агро-номадического сообщества казаков, описанного в терминах фронтального бандитизма и неконтролируемой мобильности в периферийных приграничных зонах. Статья рассматривает на примере приграничных районов Внутренней Азии специфику советских мифологем фронтальной нелояльности, фиксирующих приграничное пространство в перспективе неизбежной политической нечистоты. В этой перспективе захваченное воображенными врагами приграничное пространство символически представляет действие приграничного режима: постоянную борьбу советского порядка с несоветским беспорядком. Грамматика и аксиология фронтальной мифологии сыграла большую роль в постсоветский период, определяя дискурсивные и эмоциональные аспекты попыток возвращения в полузапрещенное прошлое. Культурно близкие и политически далекие, находящиеся вне и внутри страны, опасные и жалкие, сильные и слабые эти воображаемые не-сообщества не исчезли вместе с СССР и его агрессивным граничным режимом. Советские мифологемы фронтальной нелояльности продолжают жить, принимая новые формы и выполняя новые функции в уже постсоветской ситуации. Это показывает не только сложное восприятие российско-китайских приграничных районов как пространства возможного обострения, но и трудности восприятия несоветского опыта и альтернативных советским политическим и культурным идентичностей современным российским обществом. Можно предположить, что советский опыт границы-бастиона сохраняется в латентной форме в массовом сознании и проявляется не только в проблемах с восприятием российских приграничных сообществ, но и в настороженном отношении ко всему, что приходит из-за невидимых советских рубежей.

Литература

1. Апрельков В. Батюшка Забайкал. М.: Граница, 2009. 152 с.
2. Аблажей Н.И. С Востока на Восток. Российская эмиграция в Китае, Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007. 300 с.
3. Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР, Владивосток, 2006. № 4. С. 121–134.
4. Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан Уде: БНЦ СО РАН, 2003. 67 с.
5. Башаров И.П. Русские Внутренней Монголии краткая характеристика группы // Азиатская Россия: миграция, регионы и регионализм в исторической динамике / отв. ред. Б.В. Базаров Иркутск: Оттиск, 2010. С. 301–307.
6. В китайском Трехречье насчитали 1700 русских. URL: <https://zab.ru/amp/news/28927> (дата обращения: 01.02.2023).
7. Василевский В.И. Забайкальское казачье войско в годы революции и Гражданской войны. Чита: Ред.-изд. центр пресс-службы Управления судебного департамента Чит. обл., 2007. 172 с.
8. Курас Л.В. Атаман Г.М. Семенов и барон Р.Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. // Вестник Бурятского Госуниверситета. 2011. № 8. С. 167–172.
9. Михалев А. "Русский квартал" Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 6–28.
10. Михалев А. Создавая врага: словарь семеновщины в Монгольской народной республике // Обозреватель-Observer. 2015. № 9. С. 105–119.
11. Перминов В.В. Наказание без преступления, Чита: Пресс-служба управления Судебного Департамента в Читинской области, 2008. 96 с.
12. Ремнев А.В. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX веков // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. С. 87–104.
13. Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с.
14. Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1920) // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 25–40.

15. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904 – 1921. М.: Центрполиграф, 2007. 304 с.
16. Braidotti R. *Nomadic Theory. The Portable Rosi Braidotti*, New York: Columbia University Press, 2011. 416 p.
17. Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. by R. G. Suny and T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.
18. Humphrey C. Traders, "disorder," and citizenship regimes in provincial Russia// *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World.* / Ed. by M. Burawoy and K. Verdery. New York: Rowman and Littlefield, 1999. P. 19–52.
19. Humphrey C. Stalin and the Blue Elephant: Paranoia and Complicity in Postcommunist Metahistories // *Diogenes*. 2002. № 49 (194). P. 26–34.
20. Lindgren E. J. An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria // *American Anthropologist*. 1938. № 40(4). P. 605–621.
21. Peshkov I. Politization of Quasi-Indigenes on the Russo-Chinese Frontier// *Frontier Encounters: Knowledge and Practices at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Ed. by F. Bille, G. Delaplace and C. Humphrey. Cambridge: Open Book Publisher, 2012. P. 165–183.
22. Peshkov I. Usable Past for a Transbaikalian Borderline Town. "Disarmament" of Memory and Geographical Imagination in Priargunsk // *Inner Asia*. 2014. № 16. P. 95–115.
23. Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale: Yale University Press, 1998. 445 p.
24. Scott J. *The Art of Not Being Governed: an Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 2009. 464 p.
25. Urbansky S.A. Very Orderly Friendship: The Sino-Soviet Border under the Alliance Regime, 1950–1960 // *Eurasia Border Review. Special Issue on China's Post-Revolutionary Borders, 1940s-1960s*. 2012. Vol. 3. P. 35–53.
26. Zahra T. Imagined non-communities: national indifference as a category of analysis // *Slavic Review*. 2010. № 69. P. 93–119.

References

1. Aprelkov V. *Father Zabaikal*. M.: Granitsa, 2009. 152 p. (In Russ.).
2. Ablazhei N. I. *From East to East. Russian emigration to China*. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2007. 300 p. (In Russ.).
3. Argudiaeva Ju.V. Russian population in the Three Rivers Delta // *Russia and the Asia-Pacific region*. 2006. № 4. P.121–134. (In Russ.).
4. Bazarov B.V. Unknown from the history of Panmongolism. Ulan Ude: IMBIT SO RAN, 2003. 67 p. (In Russ.).
5. Basharov I.P. Russians of Inner Mongolia brief description of the group // *Asian Russia: migrations, regions and regionalism in historical dynamics* / Ed. by B.V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2010. P. 301–307. (In Russ.).
6. In the Chinese Three Rivers, 1,700 Russians were counted. URL: <https://zab.ru/amp/news/28927> (accessed 01.02.2023) (In Russ.).
7. Vasilevskiy V.I. *The Trans-Baikal Cossack army during the revolution and the Civil War*, Chita: Center of the press service of the Judicial Department of the Chita Region, 2007. 172 p. (In Russ.).
8. Kuras L.V. Ataman G.M. Semenov and Baron R.F. Ungern in the Mongolian revolution of 1921 // *Bulletin of the Buryat State University*. 2011. № 8. P. 167–172. (In Russ.).
9. Mihalev A. "Russian 'quarter'" in Ulaanbaatar: collective memory and classification practices // *Bulletin of Eurasia*. 2008. № 2. P. 6–28. (In Russ.).
10. Mihalev A. *Creating an Enemy: A Dictionary of Semyonovshina in the Mongolian People's Republic* // *Observer-Observer*, 2015. № 9. P. 105–119. (In Russ.).
11. Perminov V.V. Punishment without a crime. Chita: Press service of the Judicial Department in the Chita region, 2008. 96 p.
12. Remnev A.V. Cossacks in the colonization processes of the Late Nightieth and early Twentieth centuries // *The East of Russia: migration and diasporas in the resettlement society*. *Frontiers of Centuries* / Ed. by V. Dyatlov. Irkutsk: Ottisk, 2011. P. 87–104. (In Russ.).
13. Romanov A.M. *Special Manchurian detachment of Ataman Semenov*. Irkutsk: Ottisk, 2013. 308 p. (In Russ.).
14. Savchenko S.N. *Far Eastern Cossack Separatism during the Civil War (1918–1920)* // *Russia and the Asia-Pacific Region* 2007. № 4. Pp. 25–40. (In Russ.).
15. Semenov G. M. *About me. Memories, thoughts and conclusions. 1904–1921*. М.: Centrpoligrafm, 2007. 304 p. (In Russ.).
16. Braidotti R. *Nomadic Theory. The Portable Rosi Braidotti*, New York: Columbia University Press, 2011.

416 p.

17. Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. by R. G. Suny and T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.

18. Humphrey C. Traders, "disorder," and citizenship regimes in provincial Russia // *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postcolonial World.* / Ed. by M. Burawoy and K. Verdery. New York: Rowman and Littlefield, 1999. P. 19–52.

19. Humphrey C. Stalin and the Blue Elephant: Paranoia and Complicity in Postcommunist Metahistories // *Diogenes.* 2002. № 49 (194). P. 26–34.,

20. Lindgren E. J. An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria // *American Anthropologist.* 1938. № 40(4). P. 605–621.

21. Peshkov I. Politization of Quasi-Indigeness on the Russo-Chinese Frontier // *Frontier Encounters: Knowledge and Practices at the Russian, Chinese and Mongolian Border.* Ed. by F. Bille, G. Delaplace and C. Humphrey. Cambridge: Open Book Publisher, 2012. P. 165–183.

22. Peshkov I. Usable Past for a Transbaikalian Borderline Town. "Disarmament" of Memory and Geographical Imagination in Priargunsk // *Inner Asia.* 2014. № 16. P. 95–115.

23. Scott J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Yale: Yale University Press, 1998. 445 p.

24. Scott J. The Art of Not Being Governed: an Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 464 p.

25. Urbansky S.A. Very Orderly Friendship: The Sino-Soviet Border under the Alliance Regime, 1950–1960 // *Eurasia Border Review. Special Issue on China's Post-Revolutionary Borders, 1940s-1960s.* 2012. Vol. 3. P. 35–53.

26. Zahra T. Imagined non-communities: national indifference as a category of analysis // *Slavic Review.* 2010. № 69. P. 93–119.

Иван Олегович ПЕШКОВ, канд. экон. наук, доцент кафедры истории Московской высшей школы социальных и экономических наук, г. Москва, Россия, e-mail: ivanpeshkov2007@ya.ru

Ivan O. PESHKOV, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of History, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia, e-mail: ivanpeshkov2007@ya.ru

Поступила в редакцию
(Received) 27.07.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 30.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Научная статья
УДК 398.42
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/75-82>

Некоторые подходы к проблеме изучения духов и оборотней ёкай в Японии

Алина Владиславовна ХИТРАЯ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, khitraia.av@students.dvfu.ru

Аннотация. В данной статье проводится анализ теорий японцев ёкаеведов о том, что стоит за термином ёкай. Рассматривается влияние частоты стихийных бедствий и исторических событий на создание большого количества образов страха, а также веры в них. Приводятся в пример теории, которые объясняют существования множества ёкай со стороны генетики и психоанализа. Японцы, судя по исследованиям в этих областях, подвержены тревоге больше, чем другие нации. Многие использованные в работе исследования были написаны в XXI веке, и поэтому в оборот были введены новые сведения по теме.

Ключевые слова: Япония, культура, ёкай, ёкаеведение, нихонджинрон, тревожность

Для цитирования: Хитрая А.В. Некоторые подходы к проблеме изучения духов и оборотней ёкай в Японии // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 75–82. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/75-82>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/75-82>

About some approaches to the problem of studying spirits and werewolves of yokai in Japan

Alina V. KHITRAIA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, khitraia.av@students.dvfu.ru

Abstract. This paper analyzes the theories of Japanese yokai scholars about what is the meaning behind the term yokai. Examines the influence of the frequency of natural disasters and historical events on the creation of a large number of images of horror, as well as faith in them. Theories are given as an example that explains the existence of many yokai from genetic and psychoanalytical point of view. The Japanese, judging by researches, are more prone to anxiety than other nations. Many of the studies used in the work were written in the 21st century and therefore new information on the topic was introduced.

Keywords: Japan, culture, yokai, yokaiology, Nihonjinron, anxiety

For citation: Khitraia A.V. About some approaches to the problem of studying spirits and werewolves of yokai in Japan // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 75–82. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/75-82>

Различные толкования термина "ёкай" рассматривали в своих работах многие японоведы и ёкаеведы. Объяснений тому, что скрывается за термином, несчетное количество, потому что не только исследователи, но и обычные люди дают слову ёкай разные объяснения. Иероглифическое написание термина "ёкай" (妖怪) японцы заимствовали из Китая. Термин "яогуаи" обозначает духов, оборотней, чудовищ, следовательно, в этом стоит отметить влияние китайской цивилизации. Но в этой работе рассматриваются различные подходы к изучению "ёкай", как феномена японской культуры, поэтому основной фокус направлен на анализ природы страхов японцев и использована литература по данной теме. Ученые уже несколько веков пытаются выяснить, что подразумевают японцы под термином "ёкай" и почему в Японии так много образов страха. При исследовании данной темы возникает множество вопросов. Например: можно ли говорить о японской нации в целом как о "пугливой", и насколько сильно влияют на развитие образов страха исторические события, географическое положение страны и культурный код. В статье ставится цель дать краткое введение в проблему изучения "ёкай" в Японии.

В конце XIX века в Японии началась эпоха Мейдзи (1868–1912) – эпоха просвещения. В этот исторический период происходили такие значимые процессы, как

вестернизация и модернизация японского общества, реформирование системы высшего образования, внедрение технологий, развитие науки, что повлекло за собой подъем уровня образования в целом, что, в свою очередь, привело к повышению уровня грамотности местного населения [2, с. 10]. Попытка рационализировать существование ёкай была предпринята японским исследователем Иноуэ Энрё (1858–1919). Он родился в семье буддистов, не отрицал "сверхъестественное" и с раннего возраста любил истории о ёкай. Также он писал, что сам несколько раз слышал звуки, похожие на ёкай, и чувствовал, будто за ним кто-то наблюдает в доме. Будучи заинтересованным ёкай с детства, Иноуэ захотел начать их полномасштабное изучение во время своего обучения в Токийском университете. Для этого он изучал философию, а также такие предметы, как логика, психология, этика и "чистая, без примесей" философия.

Изучая психологию, Иноуэ пришел к мысли, что страхи, которые люди прикрывают страхом перед ёкай "в 9 из 10 случаев связаны с психологическими проблемами" [15]. Помимо этого, он узнал о британской организации под названием ОПИ (Общество психических исследований), которое занималось изучением паранормальных явлений и человеческих способностей [8]. Иноуэ предлагал создать в Токийском университете организацию наподобие ОПИ и в 1886 году он основал "общество исследования загадочного". Правда, его деятельность продлилась недолго. Прежде всего, он выступал за рационализацию такого явления, как ёкай, потому что стремился к просвещению и модернизации общества, и применению достижений таких наук, как психология и физика на практике для объяснения паранормальных явлений. Исследователь поставил перед собой цель развеять суеверия и отделить их от "истинных тайн", которые касаются ёкай. Именно поэтому Иноуэ поделил ёкай на несколько категорий, главными из которых являлись "истинные" и "ложные" [15]. "Ложные" также делились на 2 части: первая – "придуманные намеренно", а вторая – "ошибочные". Во второй категории идет речь о таких случаях, когда в темноте куст или камень был по ошибке принят за ёкай. "Истинных" внутри также разделяли на 2 части: первая – "временные" – получили свое название по причине того, что раньше существование ёкай этой категории можно было обосновать необразованностью или недостатком научных открытий, но с развитием науки и ростом уровня образования верить в их реальность стало нелогично. Вторая – "истинно сверхъестественные" – те ёкай, существование которых люди объяснить не в силах, "глубокая тайна", к постижению которой нужно стремиться.

Из этого следует, что, несмотря на рациональный подход и использование научного метода в своих исследованиях, Иноуэ Энрё не отрицал того, что ёкай действительно могли существовать. Тем не менее он считал, что в большинстве своем ёкай, как явление, должно быть рационализировано, ко всему должен быть применен метод причины и следствия, а предрассудки, которые существовали в обществе в то время, должны быть объяснены с точки зрения науки ради лучшего будущего.

Климатические причины, специфика региона и географическое положение страны тоже немаловажны. Об этом говорится в теории Нихондзинрон (日本人論) – теория об уникальности японцев, которая была особенно популярна в Японии после Второй мировой войны и была развенчана в прошлом столетии, хотя до сих пор является одной из дискуссионных тем для японоведов. Муссонный климат упоминался в ней как один из важных факторов влияния формирования народа, но хотелось бы сделать акцент не на климате, а на частоте происходящих на этой территории природных катаклизмов, таких как тайфуны или землетрясения. Например, причиной того, что в Японии так часто происходят землетрясения, является наличие вокруг страны границ Североамериканской, Тихоокеанской, Филиппинской и Евразийской тектонических плит. Они движутся и сталкиваются друг с другом, и из-за этого происходят колебания земной поверхности. Японцы научились прогнозировать землетрясения, но психологически человек не может быть подготовлен к чрезвычайной ситуации в любой момент. Именно тревогу

и страхи неизвестного японцы "оборачивают" в образ ёкай – он заменяет нечто, чего люди боятся на самом деле. Это способствует выбросу адреналина, что позволяет на какой-то период сбросить часть повседневной тревоги, стресса и напряжения. Также способность психики человека испытывать стресс всегда являлась эволюционным фактором, способствующим выживанию. Те, кто не был способен испытывать стресс, не чувствовал опасности и погибал. Психика японцев много веков была перегружена тревогой, страхом перед неизвестным настолько, что эти эмоции стали неотъемлемой частью бытия, и к ним сформировалась потребность.

Существует еще одна теория, которая связана с тревожными состояниями японцев. Она основана на типах темперамента по конституционному подходу (типы конституции психики). Об этом писал еще в 1976 году профессор университета Нихон Мияги Отоя в своей книге "Американцы и японцы". Он отнес японцев как нацию к циклотимическому и шизотимическому типу (с преобладанием шизотимического). Следующие комментарии по этой книге дает в своей статье "Основные характеристики личности японца" Шажинбатын Ариунаа, кандидат философских наук, докторант сектора истории антропологических учений Института философии РАН: "Тип личности с шизотимическими чертами (далекий от реальности, необщительный, склонный к неврозам и в то же время отличающийся известным равнодушием и некоторой тупостью) появился на Японских островах давно. Этот темперамент и сегодня составляет основу японского темперамента. Во-первых, японцы, как и шизотимики, очень нервны, чувствительны, эмоциональны, легко возбудимы. Именно "шизотимической" сущностью японского характера объясняет Мияги Отоя выявленную во время всемирного обследования сознания молодежи в 1972 г. склонность молодых японцев считать человека злым по своей природе. Во-вторых, японцы, как правило, замечает он, считают "злонамеренными" других (чужих) людей и очень доброжелательно относятся к близким и друзьям. В-третьих, для японцев характерна и такая шизотимическая черта, как интровертность. Как носители черт шизотимического темперамента, они обладают такими "положительными" чертами характера, как плановость, храбрость, незыблемость, самообладание, и в то же время такими отрицательными чертами, как недоверчивость и неуступчивость" [1].

В статье "Наиболее подверженная тревоге нация в мире – японцы. Какие есть способы по борьбе с тревогой?" с японского сайта Katsuiiku Academy рассмотрено исследование на тему того, почему можно считать японцев самой тревожной нацией. Среди множества веществ в головном мозге есть те, которые считаются тремя основными гормонами. Это гормоны и нейромедиаторы – серотонин, норадреналин и дофамин. Серотонин – это вещество, которое подавляет тревогу и повышает оптимистический настрой. Также, это вещество стабилизирует психику. Норадреналин – это вещество, которое управляет возбуждением, и чем его больше, тем человек становится активнее. Помимо этого, оно реагирует на стресс. Например, норадреналин выделяется активнее, когда мы находимся в ситуации опасности (стресса). Дофамин – это вещество, которое, как считается, вызывает у людей любопытство, то есть оно ориентировано на поиск новых ощущений. Из всех этих гормонов, вещество, которое напрямую связано с тревогой – это серотонин – гормон, который способствует психической стабильности. Когда организм подвергается стрессу, нейромедиаторы (норадреналин и дофамин), которые находятся в мозге, начинают активно высвобождаются из нервных клеток, но они контролируются серотином, который выполняет функцию стабилизации. Серотонин высвобождается из нервных окончаний (пресинаптических), связывается с рецепторами в постсинапсах и передает рецепторам информацию о том, что организм находится в стрессе. Высвобожденный серотонин расщепляется, но некоторая его часть восстанавливается в пресинапсах и используется для производства серотонина. Вещество, которое снова помогает восстанавливаться серотонин, называется транспортёр серотонина. Поэтому люди с низким уровнем транспортёра серотонина чаще страдают от дефицита серотонина, который при-

водит к повышенной агрессии, симптомам психических расстройств, таким как депрессия и паника, а также к тревоге и чувству неудовлетворенности.

Существует два вида транспортёра серотонина: тип "L" (длинный) с большим количеством генов и тип "S" (короткий) с небольшим количеством генов. "L" тип производит больше серотонина, а тип "S" – меньше. Тип "S" называют "геном тревожности", так как он имеет низкое содержание серотонина. Существует три типа: "SS", "SL" и "LL". Те, у кого есть комбинация генов типа "SS" будут наиболее подвержены тревоге, те, у кого есть комбинация генов типа "LL", будут настроены более оптимистично, а тип "SL" находится посередине.

В какой-то степени с момента рождения уже определено, насколько сильно человек будет подвержен тревоге. Доля людей с транспортёром серотонина типа "L" варьируется в зависимости от расы, и соотношение выглядит примерно так: африканцы > американцы > азиаты. Во всем мире отмечается тенденция, что у азиатов транспортёра серотонина типа "L" мало, а потому они более тревожны. Обладание геном типа "S" (ген тревожности) составляет 80,25% у японцев, 75,2% у китайцев, 70,57% у тайваньцев, 46,75% у испанцев, 44,53% у американцев и 27,79% у южноафриканцев. Согласно опросу, тип "SS" является наиболее распространенным среди японцев, составляя 68,2% от общего числа. Для сравнения, американцев с типом "SS" всего 18,8% от общего числа. Выяснилось, что людей, которые имеют транспортёр серотонина типа "LL" в Америке 32,3%, а в Японии же всего лишь 1,7%. У людей с малым количеством транспортёра серотонина (тип "SS") высвободившийся серотонин выводится из организма без повторного использования, что приводит к хроническому дефициту серотонина [13].

Итак, как правило, японцы на генетическом уровне больше подвержены тревоге. Но почему? Точная причина неизвестна, тем не менее существует множество теорий, и наиболее аргументированная из них состоит в том, что высокий уровень тревожности населения связан с географическим расположением. Япония является одной из стран, наиболее подверженных стихийным бедствиям, где в различных районах происходят различные бедствия, такие как землетрясения, цунами, тайфуны, штормы, проливные дожди, сильные снегопады, наводнения, штормовые волны и извержения. Площадь суши Японии составляет всего 0,28% от общемировой. Однако 20,5% мировых землетрясений магнитудой 6 и выше происходят именно в Японии, и 7,0% действующих вулканов в мире находятся здесь же. Кроме того, 0,3 % людей, погибших в результате бедствий в мире и 11,9 % ущерба, нанесенного стихийными бедствиями в мире, приходится на эту страну.

Если бы в Японии было много людей с геном типа "LL" и они бы оптимистично думали "как-нибудь справимся", то в экстренной ситуации они бы не смогли среагировать, и существовала бы опасность того, что погибло бы много людей. Возможно, японцы эволюционно культивировали "ген тревожности" для того, чтобы защитить себя от стихийных бедствий; чтобы действовать сплоченно, а не по-отдельности. Действительно, существует связь между генами транспортёра серотонина и культурой коллективизма. Коллективистские культуры (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.) значительно чаще включали людей, имеющих ген типа "S", а индивидуалистические культуры (Австралия, США, Великобритания и др.) – реже [3].

Существо Ономадзу (намадзу) – большой сом, который, согласно суевериям, находится под Японскими островами и вызывает землетрясения, – один из примеров того, что люди связывали частоту природных катаклизмов со сверхъестественным. Стоит оговориться, что существо почитается в храмах как ками, но имеет свойства, характерные для ёкай, и иногда относится к их категории. Ономадзу также добавлен в "Базу данных ёкай" Комацу Кадзухико [10].

Также приведем пример с ёкай, который собрал в себе различные страхи и тревоги японского общества 70-х годов двадцатого века. В то время ходили слухи, что в 1978 году, в городе Гифу, появилась женщина, которой было около 30 лет, ходили слухи, что она провожает детей со школы домой. На женщине был надет бежевый плащ и медицинская маска, которая закрывала её лицо. Женщина под-

ходила к школьникам и спрашивала: "Я красивая?". Если школьник отвечал "да", она снимала маску, открывая своё обезображенное лицо с порванным ртом и говорила: "А сейчас?" [7]. Эта женщина известна как Кутисакэ-онна или в переводе на русский язык "женщина с разорванным/разрезанным ртом" [5]. За три месяца эта городская легенда распространилась по всей Японии от Хоккайдо до Окинава, и ходили слухи, что Кутисакэ-онна видели в каждой префектуре. Из-за распространения слухов дети начали бояться возвращаться одни домой после заката солнца, поэтому около школ были выставлены патрули полицейских, которые следили за безопасностью детей. Судя по опросу, проведенному в июне 1979 года, 99% детей знали кто такая Кутисакэ-онна [16]. Причина, по которой слухи так быстро распространились по всей Японии, заключается в том, что в истории были заинтересованы взрослые, а также она активно освещалась в медиа. Статьи в газетах о появлении Кутисакэ-онна, телепрограммы о последних слухах и радиопередачи, которые пытались разобраться в этой истории и иногда подтверждали теории детей. В начале 1980-х годов популярность Кутисакэ-онна достигла своего пика и угасла.

Почему же Кутисакэ-онна вызывала такой страх? С маской, закрывающей её лицо, она выглядит так же, как и обычный человек; у нее нет рогов, хвоста или нескольких пар глаз, которые бы указывали на то, что она является ёкай. Дело в том, что она отражала страхи общества того времени.

Кутисакэ-онна пугала, потому что она отражала страх родителей за детей, которых могут преследовать или украсть. Судя по городской легенде, встреча с этим монстром происходила, когда ребенок возвращался после школы, а значит, родителей рядом не было, так как они были на работе. Тот факт, что Кутисакэ-онна могла нанести вред ребенку настолько пугал родителей, что полицейские патрули были выставлены у школ. Это указывает на то, что люди больше боялись не самого монстра, а обращали внимание на опасности мегаполиса, а именно – сталкеров (человек, осуществляющий stalking), психопатов и педофилов. Кутисакэ-онна действует так же, как и любой маньяк: преследует жертву после захода солнца и настигает её, когда они остаются наедине.

Другой страх, который отражал этот монстр – последствия урбанизации и экологические проблемы. Сама медицинская маска может символизировать скрытые государством проблемы от граждан [9]. В погоне за желанием быстро восстановить экономику в жертву принесли природу, но скрыли это за красотами городской жизни, то же самое произошло и с лицом Кутисакэ-онна. Отсюда следует третья версия – в страхе забыть свои культурные ценности, городские жители начали ностальгировать по ёкай и деревенской жизни. В 50-х и 60-х годах в Японии был экономический подъем. Многие люди переехали из деревни в город ради лучшей жизни, из-за чего произошло сокращение сельского населения. В 1972 году премьер-министр Танака Какуэй выразил свои опасения, сказав, что "будет тяжело передать наши традиции и сохранить природу для следующего поколения" [14]. Правительство решило вдохновить людей заново открыть для себя традиционную Японию, поэтому Японские железные дороги запустили кампанию "чудес Японии" в 1970-х. Именно в это время и появилась городская легенда об Кутисакэ-онна [4]. Также ножницы, которые являлись оружием монстра, ассоциируются с деревней, это не арматура, которая больше символизирует индустриализацию и город.

Комацу Кадзухико, профессор международного исследовательского центра японской культуры, ёкаевед а также создатель сайта "база данных ёкай" исследовал вопрос толкования существования ёкай в нескольких своих книгах. "Стоит понимать, что ёкай – это то, что рождается внутри нас, из тьмы и страха в нашей душе. Например, мы не видим того, что происходит в темноте или прямо у нас за спиной. И эта возникающая тревога неизвестности рождает для нас монстров. Даже оглянувшись на историю, мы можем увидеть, что в обществе происходил бум популярности ёкай непосредственно тогда, когда в стране была беспокойная обстановка – это и период Сэнгоку и период Бакумацу. Наверное, у нынешнего вспле-

ска популярности ёкай тоже имеются подобные причины. Людей пугает видимая опасность, которая находится рядом с ними, но кроме того и та, которую они не могут увидеть, и их пугает неизвестность. Эти ощущения вызывают тревогу. И чтобы контролировать эту тревогу, люди дают этим тревогам имена, подбирают форму, начинают благоговеть перед тем, что их пугает. Так они успокаивают себя. Страх и тревога перед неизвестным никогда не изменится, какой бы год ни стоял на дворе. И поэтому ёкай, являющиеся олицетворением этого страха и тревоги, становятся очень важным инструментом для изучения культуры. Кроме того, "появляясь на свет" таким образом, ёкай различаются в зависимости от эпохи, области, фольклора и культуры" [12]. Из этого ответа мы видим, что нестабильная обстановка, которая может быть связана как с политической ситуацией, так и с личными проблемами, вызывает у человека тревогу и страхи, которые он облачает в веру в потусторонних существ.

В статье "Что для японцев ёкай?" на сайте Gendai Shisho Комацу Кадзухико высказал мысль, что ёкай – выражение творчества и человеческого воображения. В отличие от животных, растений и минералов, ёкай не являются объектами, чьи формы и свойства можно наблюдать, не задумываясь об их связи с людьми. По этой причине ёкаеведение можно связать с антропологией. Ёкай помогают нам узнать больше о человеческой натуре. По мнению исследователя, традиции, связанные с ёкай, живы и сегодня. Ёкай – это явления и существа, которые составляют большую часть основы японской культуры [11]. Рассматривая феномен ёкай, автор связывает его с воображением человека и объяснением каких-либо явлений, а также делает акцент на том, что это часть японской культуры, которая и в наши дни не забыта. Из этого можно сделать вывод, что вера в ёкаи является своеобразной традицией.

Книга 1923 года "История японских ёкай и оборотней", написанная японским историком Эма Цутому, бросила вызов академической позиции, установленной Иноуэ. Как пишет Эма во введении: "Эта книга предполагает, что ёкай и оборотни существовали, и ставит целью выяснить, как они взаимодействовали с древними людьми, или, другими словами, как наши предки относились к ёкай и оборотням, как они понимали их и то, как с ними обращались".

Исследование Эма стало прорывом в изучении ёкай. Смотря на ёкай с научной точки зрения, считается, что современные люди могут не принимать ёкай. Но если люди верили в существование ёкай на протяжении столетий, то исследование того, как ёкай менялись, имеет историческую ценность. По сути, Эма стремился вернуть "ушедших" ёкай в анналы культурной истории. Из названия книги следует вывод, что он сосредоточился на сущностях ёкай, способных изменять форму – оборотнях (бакэмоно или хэнгэ), – что в основном ограничило его исследование анализом предметов искусства и историях с участием ёкай, которые соответствовали этому описанию. Это ограничивало масштабы его работы, но в то же время книга содержала в себе большое количество фотографий и иллюстраций, что было тогда редкостью. Намеренно или нет, но это придало исследованию характер как истории тематики ёкай в искусстве, так и энциклопедии ёкай [6, с. 31].

Итак, исследователи феномена приводят самые различные объяснения о том, что именно стоит за возникновением ёкай. В целом их можно разделить на четыре группы:

1) Вера в ёкай возникла в связи с разрушительными природными явлениями и катаклизмами, такими как чрезмерно частые землетрясения

2) Частые землетрясения и наводнения повлекли за собой высокий уровень тревоги среди населения, и люди выдумали ёкай для того, чтобы сбросить накопившуюся тревогу (отсюда следует и то, что японцы из-за географического положения – самая тревожная нация).

3) Ёкай были придуманы для того, чтобы объяснить то, что еще не могла объяснить наука. Люди видели сверхъестественное там, где его не было.

4) Ёкай имели и имеют важное культурное значение в жизни японского общества, а поэтому могут быть как отражением исторических событий, так и просто примером богатого человеческого воображения.

Литература

1. Шажинбатын А. Основные характеристики личности японца // Психолог. 2013. № 9. С. 95–164.
2. ЯПОНИЯ: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции Мэйдзи ["Issues Of Japanology = Вопросы японоведения" № 7]. СПб.: Изд-во Art-xpress. 2018. 849 с.
3. Chiao J. Culture-gene coevolution of individualism–collectivism and the serotonin transporter gene // The Royal Society Publishing (сайт). URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rspb.2009.1650> (дата обращения: 19.10.22).
4. Foster M. Pandemonium and Parade: Japanese Monsters and the Culture of Yokai / M. Foster. USA: University of California Press, 2008. 312 p.
5. Iikura Y. Japanese Urban Legends from the "Slit-Mouthed Woman" to "Kisaragi Station" // Nippon (сайт). URL: <https://www.nippon.com/en/japan-topics/g00789/japanese-urban-legends-from-the-slit-mouthed-woman-to-kisaragi-station.html> (дата обращения: 21.10.2022).
6. Komatsu K. An Introduction to Yokai Culture: Monsters, Ghosts, and Outsiders in Japanese History / K. Komatsu. Japan: Japan Publishing Industry Foundation for Culture (JPIC), 2017. 195 p.
7. カイダコウイチ。「私きれいな?」黒髪美女の正体は...都市伝説・口裂け女の発祥に迫る! = Кайда Коити. "Я красивая?" Истинная личность черноволосой красавицы... Приближение к истокам городской легенды о Кутисакэ-онна! // Warakuweb (сайт). URL: <https://intojapanwaraku.com/culture/77316/> (дата обращения: 22.10.2022).
8. スピリチュアリズム研究ノート。= Исследования спиритуализма // Исследования спиритуализма (сайт). URL: <https://1411.cocolog-nifty.com/ks802/2016/06/post-8c75.html> (дата обращения: 17.10.22).
9. 江刺昭子。『写真・絵画集成日本の女たち 第1巻 時代を生きる』編。東京、日本図書センター。1996. 155 С. = Акико Эсаси, Собрание фотографий и картин японских женщин, том 1, жизнь в эпоху / Эсаси Акико. Токио: Нихонтосёкансента, 1996. С. 155.
10. 国際日本文化研究センター。妖怪・妖怪画像データベース。= Международный центр исследований японской культуры. База данных ёкай и изображений ёкай. База данных ёкай и изображений ёкай (сайт). URL: <https://www.nichibun.ac.jp/cgi-bin/YoukaiGazou/search.cgi?query=%E5%A4%A7%E9%AF%B0&Submit3=%E6%A4%9C%E7%B4%A2&whence2=0&lang2=ja> (дата обращения: 21.10.22).
11. 小松 和彦。日本人にとって「妖怪」とは何か。= Комацу Кадзухико. Что для японцев "ёкай"? // Gendai Shinsho (сайт). URL: <https://gendai.media/articles/-/44307?page=2> (дата обращения: 21.10.22).
12. 人間の心の闇が生む「妖怪」。そこに日本人の民俗性を見ることが出来ます。= Кайдан, рождающийся из темноты человеческой души. В нем можно увидеть японский фольклор // Kodawari academy (сайт). URL: https://www.athome-academy.jp/archive/culture/0000000142_all.html (дата обращения: 18.10.22).
13. 世界で最も不安を感じやすい日本人—不安を乗り越える方法とは? — = Наиболее подверженная тревоге нация в мире – японцы. Какие есть способы по борьбе с тревогой? // Katsuiku Academy (сайт). URL: <https://www.katsuiku-academy.org/media/anxietygene/> (дата обращения: 19.10.22).
14. 田中角榮。日本列島改造論, 東京、日刊工業新聞。1973. С. 1. = Танака Какуэй, план "реконструкции Японских островов" / Какуэй Танака. Токио: Никканкогё, 1973. С. 1.
15. 三浦 節夫。明治時代にこっくりさんの謎を科学で解明! 東洋大学創立者・井上円了氏の妖怪研究。= Миура Сэцуо. Разгадка тайны Коккуру-сан в эпоху Мэйдзи с помощью науки! Исследования ёкай, проведенные основателем университета Тоёю Иноуэ Энрё // Университет Тоёю (сайт). URL: <https://www.toyo.ac.jp/link-toyo/culture/youkai-hakase-enryou/> (дата обращения: 17.10.22).
16. 木下富雄。現代の噂から口頭伝承の発生メカニズムを探る—「マグドナルドハンバーガー」と「口裂け女」の噂—。東京、福村出版。1994. С. 45–95. = Томио Киносита. Изучение механизма устной традиции на основе современных слухов о "Гамбургере Макдональдс" и "Кутисакэ-онна" / Киносита Томио. Токио: Фукумураасуппанся, 1994. С. 45–95.

References

1. Shazhinbatyn A. The main characteristics of the Japanese personality // Psychologist. 2013. No. 9. p. 95–164.
2. JAPAN: 150 years of the Meiji revolution. Studies of Russian foreign scientists dedicated to the 150th anniversary of the Meiji revolution ["Issues Of Japanology = Questions of Japanese Studies" No. 7]. St. Petersburg: Publishing house Art-xpress. 2018. 849 p.
3. Chiao J. Culture-gene coevolution of individualism–collectivism and the serotonin transporter gene // The Royal Society Publishing. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rspb.2009.1650> (accessed 19.10.22).
4. Foster M. Pandemonium and Parade: Japanese Monsters and the Culture of Yokai / M. Foster. USA:

University of California Press, 2008. 312 p.

5. Iikura Y. Japanese Urban Legends from the "Slit-Mouthed Woman" to "Kisaragi Station" // Nippon. URL: <https://www.nippon.com/en/japan-topics/g00789/japanese-urban-legends-from-the-slit-mouthed-woman-to-kisaragi-station.html> (accessed 21.10.2022).

6. Komatsu K. An Introduction to Yokai Culture: Monsters, Ghosts, and Outsiders in Japanese History / K. Komatsu. Japan: Japan Publishing Industry Foundation for Culture (JPIC), 2017, 195 p.

7. カイダコウイチ。「私きれい？」黒髪美女の正体は...都市伝説・口裂け女の発祥に迫る！ = Kaida Kouichi. "Am I beautiful?" The true identity of the black-haired beauty... Approaching the origins of the urban legend of Kuchisake-onna! // Warakuweb. URL: <https://intojapanwaraku.com/culture/77316/> (accessed 22.10.2022).

8. スピリチュアリズム研究ノート。 = Research on Spiritualism // Research on Spiritualism. URL: <https://1411.cocolog-nifty.com/ks802/2016/06/post-8c75.html> (accessed 17.10.22).

9. 江刺昭子。『写真・絵画集成日本の女たち 第1巻 時代を生きる』編。東京、日本図書センター。1996. p. 155. = Akiko Esashi, Collection of Photographs and Paintings of Japanese Women, Volume 1, Life in the Age / Esashi Akiko. Tokyo: Nihontoshokansenta, 1996, p. 155.

10. 国際日本文化研究センター。妖怪・妖怪画像データベース。 = International Research Center for Japanese Culture. Database of yokai and yokai images. Database of yokai and yokai images. URL: <https://www.nichibun.ac.jp/cgi-bin/YoukaiGazou/search.cgi?query=%E5%A4%A7%E9%AF%B0&Submit3=%E6%A4%9C%E7%B4%A2&whence2=0&lang2=ja> (accessed 21.10.22).

11. 小松 和彦。日本人にとって「妖怪」とは何か。 = Komatsu Kazuhiko. What do youkai mean to the Japanese? // Gendai Shinsho. URL: <https://gendai.media/articles/-/44307?page=2> (accessed 21.10.22).

12. 人間の心の闇が生む「妖怪」。そこに日本人の民俗性を見ることが出来ます。 = Kaidan born from the darkness of the human soul. You can see Japanese folklore in it // Kodawari academy. URL: https://www.athome-academy.jp/archive/culture/0000000142_all.html (accessed 18.10.22).

13. 世界で最も不安を感じやすい日本人—不安を乗り越える方法とは？ — = The most anxious nation in the world is the Japanese. What are some ways to deal with anxiety? // Katsuiaku Academy. URL: <https://www.katsuiaku-academy.org/media/anxietygene/> (accessed 19.10.22).

14. 日本列島改造論, 東京、日刊工業新聞。1973. P. 1. = Tanaka Kakuei, plan for the "reconstruction of the Japanese islands" / Kakuei Tanaka. Tokyo: Nikkankogyo, 1973. p. 1.

15. 三浦 節夫。明治時代にこっくりさんの謎を科学で解明！ 東洋大学創立者・井上円了氏の妖怪研究。 = Miura Setsuo. Yokai research by Inoue Enryo, founder of Toyo University // Toyo University. URL: <https://www.toyo.ac.jp/link-toyo/culture/yokai-hakase-enryou/> (accessed 17.10.22).

16. 木下 富雄。現代のから口頭伝承のメカニズムを探る — 「マغدナルドハンバーガー」と「口裂け女の噂」。東京、福村出版。1994. p. 45–95. = Tomio Kinoshita. Studying the Mechanism of Oral Tradition Based on Contemporary Rumors about McDonald's Hamburger and Kuchisake-onna / Kinoshita Tomio. Tokyo: Fukumurashuppansha, 1994, p. 45–95.

Алина Владиславовна ХИТРАЯ, студентка Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: khitraia.av@students.dvfu.ru

Alina V. KHITRAIA, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: khitraia.av@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 30.10.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Научная статья
УДК 323
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним

Василий Кириллович АЗАРЕВИЧ

Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, Россия, v.k.azarevich@gmail.com

Аннотация. В статье на основе архивных материалов Владивостокского охранного отделения, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока и Государственном архиве Хабаровского края, рассматривается история и функционирование подпольной организации Военный Союз Владивостокской крепости: её личный состав, цели, задачи и идеология организации, расследование офицерами жандармерии деятельности организации и контекст её существования в рамках революционного движения на Дальнем Востоке России после Первой русской революции 1905–1907 годов. Показано, что Военный Союз Владивостокской крепости органично укладывался в деятельность революционных партий Российской империи. Методы борьбы с ним Охранного отделения позволили своевременно нивелировать угрозу.

Ключевые слова: военный союз, владивостокская крепость, владивостокская крепостная жандармская крепость, владивостокское охранное отделение, охранка, революционное движение на Дальнем Востоке

Для цитирования: Азаревич В.К. Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 83–93. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

The Military Union of the Vladivostok Fortress and the struggle of the Guard Department against it

Vasily K. AZAREVICH

Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev, Vladivostok, Russia, v.k.azarevich@gmail.com

Abstract. Based on archival materials of the Vladivostok Guard Department (Okhrana), stored in the Russian State Historical Archive of the Far East and State Archive of Khabarovsk Krai, the article discusses the history and functioning of the underground organisation Military Union of the Vladivostok Fortress. The personnel, goals, objectives and ideology of the organisation, the investigation by the officers of the gendarmerie of the activities of the organisation and the context of its existence within the revolutionary movement in the Russian Far East after the First Russian Revolution of 1905–1907 are considered. It is shown that the Military Union of the Vladivostok fortress organically fit into the activity of the revolutionary parties of the Russian Empire. The methods of dealing with it by the Guard Department made it possible to neutralise the threat in a timely manner.

Keywords: Military Union, Vladivostok Fortress, Vladivostok Fortress's Gendarmes Team, Vladivostok Guard Department, Okhrana, revolutionary movement in the Far East

For citation: Azarevich V.K. The Military Union of the Vladivostok Fortress and the struggle of the Guard Department against it // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 83–93. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

После революции 1905–1907 годов властям Российской империи стало очевидно, что в стране существует развитое революционное движение, способное на массовые вооружённые выступления. Во Владивостоке восстания, активными участниками которых были солдаты крепостного гарнизона и матросы Сибирской флотилии, происходили трижды: в 1905, 1906 и 1907 годах. Ответной реакцией властей стало усиление в 1905–1917 годах работы подразделений МВД по выявлению революционных организаций и предотвращению их деятельности. В это время сотрудниками Владивостокского охранного отделения была выявлена и ликвидирована группа под названием Военный Союз Владивостокской крепости.

Масштабы деятельности Военного Союза и количество участников не позволяют говорить о нём как о серьёзной структуре, способной к антиправительственной деятельности. Однако это не лишает возможности рассмотреть этот случай, проанализировать его как явление само по себе и внутри определённого контекста, в рамках которого он оказался.

© Азаревич В.К., 2023

Основной методологии исследования стала уликовая парадигма, предложенная итальянским историком Карло Гинзбургом в статье "Приметы. Уликовая парадигма и её корни" [2, с. 189–241]. Согласно ей, реконструирование событий прошлого возможно по отдельным его частям, которые сам историк называет "привилегированными участками", сравнимыми с уликами в криминалистике или симптомами болезни в медицине. Такой метод сопоставим с дедуктивным подходом Шерлока Холмса. Восстановление целого, скрытого от нас прошедшими годами, при помощи дошедших до нас в архивных документах частных.

Основная причина, по которой был выбран этот метод, заключается в том, что архивные дела Владивостокского охранного отделения сохранились не полностью. В апреле 1917 года, после падения монархии в стране и ликвидации органов политического сыска, Комиссия по разборке дел Охранного отделения во Владивостоке констатировала факт пропажи списка секретных сотрудников и осведомителей (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 40. Л. 17)¹. Ещё раньше из здания городской думы часть дел ВОО² вынес в неизвестном направлении прапорщик 4-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка Тафеев (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 40. Л. 3). Коснулось это и дела Военного Союза Владивостокской Крепости. По описи 1912 года в нём было 850 листов, а 21 апреля 1954 года сотрудники ЦГА РСФСР ДВ описали уже 662 листа.

Первым документом в деле Военного Союза Владивостокской Крепости, хранящемся в РГИА ДВ, является полученное 16 апреля 1911 года Владивостокским охранным отделением года из Департамента полиции МВД сообщение о самой организации. Начальство политической полиции империи просило "обратить самое серьёзное внимание на революционную пропаганду в войсках, озаботиться приобретением надлежащей агентуры и безотлагательно выяснить и ликвидировать Военный Союз Владивостокской Крепости" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). Дело это с самого начала было под контролем руководства Особого отдела Департамента полиции, который координировал политический сыск по всей империи с момента своего создания в 1898 году [3, с. 60, 94–95].

К сообщению прилагались материалы Военного Союза "Известия Военного Союза Владивостокской Крепости" и его Устав. Первый документ – листовка, написанная к 19 февраля 1911 года в связи с годовщиной отмены крепостного права. Авторы критикуют самодержавие и крепостное право, сравнивая его с солдатским призывом: "помещик не сдаёт крестьянина больше в рекруты, но и теперь ежегодно сотни тысяч людей забирается и превращается в рабов офицеров и разных начальников: за жалобу на помещика не наказывают больше плетьюми, но всех, кто осмеливается открыто сказать правду, сажают в тюрьмы, ссылают в пустыни Сибири и на каторгу". Завершается же эта прокламация прямым обращением к военнослужащим: "Товарищи солдаты. Вспомните в этот день освобождения крестьян, что русскому народу предстоит ещё одна трудная задача: освободиться от гнёта самодержавного царского правительства" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 2).

Устав Военного Союза пытается представить организацию чем-то большим и могучим. Он был опубликован в следующем номере "Известий Военного Союза". Об амбициях организации сообщает уже первый абзац устава: "Цель: объединение сознательной части войск гарнизона Владивостокской крепости для: а) способствования выработки организованных революционных масс в военной среде и б) защиты общих нужд и интересов русского солдата" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). С самого начала руководство организации ставит перед собой задачу массовой работы в войсках крепостного гарнизона, насыщения их революционными идеями и организацией солдат согласно этим идеям. Состав Союза описывается следующим образом: "в Союз входят без различия их партийной принадлежности – а) на началах самоуправления солдатские кружки и группы отдельных войсковых частей и б) отдельные лица из военной среды, могущие в каком-либо отноше-

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

² ВОО – Владивостокское охранное отделение

нии оказать воздействие задачам и целям Союза" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). Принцип руководства Военным Союзом – коллективный, главами организаций, входящих в Союз (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). Союз должен объединить всю революционную работу при помощи совещаний, периодической печати и распространения нелегальной литературы, а также руководить боевыми выступлениями Союза, которые считаются одним из методов борьбы (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3).

Также в этом документе описывается текущая деятельность Военного Союза. За подписью 17 солдат гарнизона Владивостокской крепости в газету "Земля и Воля" было направлено письмо-соболезнование по поводу смерти Льва Толстого с весьма характерными словами: "разъединённые от всего мыслящего и чувствующего человечества солдатским мундиром". Сообщается и об отправке 7 рублей на установку памятника председателю I Государственной Думы Сергею Муромцеву (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3).

Важной частью данного номера "Известий Военного Союза" можно назвать финансовый отчёт, который полностью нивелирует амбициозность руководства организации малым количеством жертвователей. Согласно ему, за февраль 1911 года в фонд Военного Союза поступило три членских взноса и одно пожертвование на общую сумму в 12 рублей 16 копеек (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). Получается, что к 1 марта 1911 года в Военном Союзе Владивостокской Крепости состояло три постоянных члена и был один сочувствующий, готовый платить пожертвования. Это не соответствует заявленному в уставе образу Союза как большой организации с амбициозными целями, способной объединить многочисленные солдатские кружки. Сам факт существования этой организации в гарнизоне Владивостокской крепости произвёл на руководство политического сыска России достаточное впечатление, чтобы работа по этому делу включила сотрудников жандармерии и политической полиции в разных городах страны.

19 апреля 1911 года, то есть через три дня после Санкт-Петербургского начальства, во Владивостокское охранное отделение приходит сообщение от начальника Иркутского Губернского жандармского управления полковника Михаила Игнатьевича Познанского. Причиной, по которой во Владивосток отправлял сообщения начальник Иркутского ГЖУ³, было то, что ВОО подчинялось этому жандармскому управлению.

В своём сообщении Познанский уведомляет владивостокских подчинённых о том, что, по данным Департамента полиции, партия социалистов-революционеров ведёт активную деятельность во Владивостоке, направленную на создание подпольных организаций, в том числе военного характера. Главным действующим лицом этой деятельности Познанский называет бывшего слушателя Санкт-Петербургского политехнического института и военнотружашего инженерных войск крепостного гарнизона Вильгельма Адовича Раммо. Начальник Иркутского ГЖУ называет его посредником между ЦК партии эсэров и военно-революционными организациями на Дальнем Востоке. Вместе с тем Познанский требует как можно скорее создать агентуру для расследования деятельности военно-революционных организаций и сразу же о сообщить о времени её создания и деятельности Раммо (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 5). Упоминание Раммо даёт сотрудникам владивостокской охраны первую ниточку, способную вывести их к заговору.

29 апреля 1911 года Познанский пишет: "Вновь предлагаю Вам немедленно принять меры к приобретению секретного сотрудника в Военной Организации" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 6). На первый взгляд может показаться, что Познанский чрезмерно активно требовал от своих коллег усилить работу по организации, из документов которой следует, что постоянными её жертвователями являются три человека. Здесь следует учитывать контекст этих событий.

В начале апреля 1911 года Познанский уведомлял своих подчинённых, что "в настоящее время революционная организация будто бы подготовлена ко всеоб-

³ ГЖУ – Губернское жандармское управление

щей забастовке" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31). Состав её был разнороден, объединяя "все группы и партийные оттенки, начиная с самых крайних левых и до тех прогрессивных элементов, кои пришли к заключению, что для "спасения отечества" возможен только один путь – "полное повторение всех деталей 1905 года" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31). Аудиторией этой организации назывались врачи, служащие, рабочие и военные (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31). Весной 1911 года руководство политического сыска в Сибири и на Дальнем Востоке ожидало крупных восстаний. Ожидания иркутских и владивостокских жандармов соответствовали изменению тактики революционных партий по работе с армией.

В 1908 году Особый отдел Департамента полиции МВД разослал начальникам охранных отделений сообщение о новой системе военных организаций в РСДРП. Согласно ему, при каждом местном комитете по необходимости создавалась автономная военная организация во главе с собственным центральным комитетом. Эти организации должны заниматься приобретением связей среди военных, ведением агитации и пропаганды, созданием солдатских кружков от ротного до полкового уровня (Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 9).

В 1909 году руководство Иркутского ГЖУ сообщало Владивостокскому охранному отделению, что младотурецкий переворот, огромную роль в котором сыграла армия, вызывал в руководстве партии эсеров перемену взглядов на работу с военными. Революционная агитация и пропаганда среди военных стала для них первостепенным приоритетом, обойдя по востребованности такую же среди крестьян и тем более рабочих. Изменение конъюнктуры привело к тому, что военные организации эсеров стали действовать автономно, выйдя из подчинения районных и местных партийных ячеек (Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

К весне 1911 года, когда началось расследования дела Военного Союза Владивостокской крепости, руководство политическим сыском во Владивостоке и Иркутске пребывало в твёрдой уверенности, что со дня в регионе может начаться массовое революционное выступление, одним из главных участников которого будут распропагандированные солдаты. Вероятно, этим объясняется столь острая реакция правоохранительных органов на появление Военного Союза. По логике жандармов, эта организация могла оказаться одной из многих, занятых радикализацией военных с целью их вовлечения в революционную деятельность.

Радикализация армии считалась действенным орудием партией эсеров, членом которой был упоминавшийся в служебной переписке Иркутского ГЖУ и ВОО Вильгельм Адович Раммо. Сотрудникам ВОО удалось установить, что Вильгельм Раммо служит в 6-м Сибирском сапёрном батальоне, подлежит увольнению в 1912 году (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 8, 10). Уже в конце мая Владивостокское охранное отделение запросило право на перлюстрацию писем Раммо и сообщило, что агентура сформирована и выслана к месту расположения 6-го Сибирского сапёрного батальона (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 14, 16).

Из агентурного донесения следует, что 6-й Сибирский сапёрный батальон был расквартирован в бухте Рында. Неподалёку от его позиций находились части 33-го и 34-го Сибирских стрелковых полков и 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 19). Получалось, что если Военный Союз Владивостокской крепости существует как военно-революционная организация, то своей деятельностью она может охватить несколько крупных войсковых частей, расквартированных на севере и северо-западе острова Русского. В случае возможного бунта этих частей они могли захватить форт Русских, расположенный на горе Русских – самой высокой вершине острова, откуда можно было обстреливать всё его побережье [4, с. 129]. Восстание, в ходе которого бунтовщикам удалось бы захватить мощнейшее сухопутное укрепление острова с прилегающими военными объектами, могло бы превзойти по своим масштабам все предыдущие выступления революционно-настроенных военных во Владивостоке.

В июне 1911 года руководство Владивостокского охранного отделения отправляет запросы в губернские жандармские управления империи от Вильно до Томска с просьбой предоставить сведения о ряде фельдшеро 33-го Сибирского

стрелкового полка, которые попали под подозрение. Этот метод какого-либо результата не дал. Среди упомянутых людей никто не попадал в поле зрения жандармерии (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–51). Летом же выходит новый выпуск "Известий Военного Союза", в котором содержатся сведения "Из местной жизни": в 6-м Сибирском сапёрном батальоне двое пьяных офицеров избили солдат за отказ участвовать в игре с призами, во Владивостокском крепостном сапёрном батальоне нижних чинов кормят рыбой и сухарями, хранящимися со времён Русско-Японской войны, что привело нескольких солдат к цинге (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 61–62). Отдельного внимания заслуживает жалоба на то, что "В 33-м Сибирском стрелковом полку. Нижним чинам варят суп из "черемхи", т.е. из какой-то травы, которую солдаты же срезают в лесу. Понятно, что за пища получается из травы. Травой же кормят и в 9-м Сибирском стрелковом полку" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 61–62). Здесь авторы прокламации демонстрируют незнание того факта, что черемша способна предотвращать возникновение цинги, на случаи которой они жаловались.

Следующий этап в деле Военного Союза связан со сменой начальства ВОО. Новым руководителем охраны вместо ротмистра Иллариона Хуциева стал ротмистр Константин Нагородский. В сообщении директору Департамента полиции МВД Нагородский пишет, что ни о каких тайных организациях в гарнизоне Владивостокской крепости Хуциев ему не сообщал. Более того, выяснилось, что нет и соответствующей агентуры. В апреле она была направлена для выяснения обстоятельств дела, но уже в июле её работа была прекращена (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 64). Для дальнейшей работы по освещению деятельности Военного Союза Нагородский привлёк агентов "15" и "Сергушина". "Сергушин" ранее работал по социалистическим организациям Владивостока – в 1910 году он установил собрания кружка эсеров в доме Василия Сердюкова [1, с. 187]. Агенту "15" приказано работать в расположении 33-го Сибирского стрелкового полка и 6-го Сибирского сапёрного батальона при содействии начальника Владивостокской крепостной жандармской команды подполковника Васильева. Также Нагородским начата проверка сведений, содержащихся в последнем выпуске "Известий Военного Союза". При этом он указывает, что является единственным офицером в ВОО, что может ему помешать в полноценном ведении сыскной деятельности (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 64).

В октябре офицеры 6-го Сибирского сапёрного батальона штабс-капитан Фетисов, поручики Дюскин, Раевский и прикомандированный к Сибирскому воздухоплавательному батальону поручик Чекутов получили по почте прокламации Военного Союза "К офицерам" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 86). В этом документе особое внимание вызывают строки "события в Турции и Португалии будут для вас примером". В 1908 году национал-демократическое движение младотурок "Единение и прогресс" свергло с престола султана Абдул-Хамида II, провозгласив своей целью восстановление в Османской империи конституционной монархии. В 1910 году в Португалии также произошло революционное восстание, результатом которого стало свержение короля Мануэла II и установление в стране республиканской формы правления. В обоих случаях в свержении монархов огромную роль сыграли силы армии и флота, возглавляемые собственными офицерами. Всё это не могло не привлечь к себе внимание руководителей департамента полиции МВД.

В частности, активное участие военно-морского флота в свержении португальского короля Мануэла II послужило аргументом против запрета секретной агентуры охранных отделений и жандармерии в военно-морских силах России. В то же самое время оппозиционно настроенная часть генералитета и офицеров Генерального штаба получила прозвище "младотурками" по прямой аналогии с участниками свержения Абдул-Хамида II [6, с. 58].

Из прокламации Военного Союза Владивостокской крепости видно, что пример двух этих стран вдохновлял не только правоохранителей, но и их оппонентов, которые считали этот опыт вполне успешным. О том, что этот опыт анализировался, косвенно указывает и целевая аудитория обращения: "Мы обращаемся к вам, молодые офицеры, по воле ваших отцов или внешних обстоятельств ещё в отроче-

ские годы отданные этому сословию, к вам, в которых ещё не погасла искра Божия, не погасли чистые порывы ко всему светлому и честному" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 95). Подпольщики делали ставку на молодое офицерство, противопоставляя его старшим коллегам, о чём также говорилось в прокламации: "Мы не обращаемся к тем офицерам, которые, привлекаемые лёгкостью труда, мишурным блеском мундира и безответственностью и привилегированностью военного сословия приняли на себя это звание; не обращаемся мы и к тем старым офицерам, которых среда и время успели искалечить, превратили в бездушных Скалозубов" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 95). Полиция империи и революционеры, видя перед собой примеры недавних революций за рубежом, считали молодых офицеров потенциально-революционной социальной группой. Подобного рода португализация (или османизация) армии представлялась существенной угрозой для руководства политического сыска и наиболее приемлемым методом борьбы для революционных групп. Стремление Военного Союза направить свою пропаганду не только на рядовых солдат, но и на молодых офицеров укладывалось в общую логику работы революционных партий в рядах Русской императорской армии.

Меж тем руководству ВОО удалось сузить поле поиска – в своём сообщении директору департамента полиции МВД Нагородский писал, что, по всей видимости, техника для изготовления прокламаций хранится в 15-й роте 33-го Сибирского стрелкового полка на острове Русском (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 86). Началось изучение мест скопления нижних чинов на острове Русском в надежде выйти на след организации. В начале ноября начальник Владивостокской крепостной жандармской команды подполковник Васильев сообщил Нагородскому, какие полковые и частные лавки есть в бухте Рында и в районе расположения 34-го Сибирского стрелкового полка. Отдельно Васильев указывал, что разрешения на открытие частных лавок даются комендантом крепости "нехотя и в крайности" что не мешает им пользоваться большой популярностью среди солдат (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 94).

Позже приходят ответы командиров войсковых частей, которые упоминались в "Известиях Военного Союза". Командир Владивостокского крепостного сапёрного батальона сообщил, что в вверенной ему части действительно были случаи цинги, но вызваны они были не плохим питанием, а старыми жилыми помещениями с нехваткой свежего воздуха и неправильной варкой пищи нижними чинами, что привело к нарушению количества кислот и специй (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 94).

Дальнейшая работа была направлена на увеличение числа агентуры на острове Русском. 14 декабря 1911 года Константин Нагородский сообщил начальству о том, что двенадцатью днями ранее был завербован сотрудник "Головин" чьей задачей стало освещение деятельности Военного Союза (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 118). Также сотрудники охраны по штемпелю "Владивосток-Харбин" и цифре "264" на конверте с обращением "К офицерам" пытались установить, откуда оно было прислано. Совместная работа с ЖПУ (*жандармское полицейское управление В.А.*) Уссурийской железной дороги показала, что конверт с письмом, скорее всего, был опущен в почтовый вагон поезда, идущего от Владивостока до станции Маньчжуря, либо в самом Владивостоке, либо на Первой речке (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 120). После чего сразу же ВОО направило начальнику жандармского полицейского управления просьбу об установлении наблюдения за вагонами, стоящими на станциях Владивосток и Первая речка, с обращением особого внимания на нижних чинов крепостного гарнизона.

За этой работой наступила кульминация в деле Военного Союза Владивостокской крепости. 13 декабря 1911 года начальник гарнизона Русского острова сообщил коменданту крепости Владимиру Ирману, что у рядового Ульяна Тарасенко найдены запрещённые письменные материалы и прокламации. После опроса были арестованы стрелки Поляков и Ванюков. Начальник гарнизона дал предписание провести обыски, выслав уведомления командирам 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, 6-го Сибирского сапёрного батальона и главному врачу Владивостокского временного № 3 госпиталя (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д.

21. Л. 122). Казалось, что пока охранное отделение и жандармерия ходят кругами, пытаясь вычислить революционную организацию, военному руководству удалось прибить её одним махом. Тем не менее Владимир Ирман предписал передать рапорт начальника гарнизона острова Русский в ВОО "для тайной разведки и расследования".

Среди конфискованных у Тарасенко и Ванюкова вещей были сборник стихов, книга "Жизнь Иисуса" французского философа и семитолога Эрнеста Ренана, книжки со стихами и письмо нецензурного характера (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 126). Также начальник гарнизона острова Русского уведомил руководство жандармского полицейского управления о том, что арестованные содержатся на гауптвахте вместе с подозреваемыми в соучастии стрелками Поляковым, Мингалёвым и Эберсом. Дальнейшая работа ВОО показала, что армейское командование выдало желаемое за действительное: аресты и обыски были инициированы военными, которые действовали по собственной инициативе. Результаты дознания показали, что никто из арестованных не виновен в инкриминируемых им преступлениях. Никаких следов существования тайной и массовой организации среди военнослужащих не найдено. И больше того, изъятые военными стихи оказались не какой-то запрещённой литературой, а разрешёнными цензурой к печати стихами Некрасова и Никитина (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 164). Впрочем, стоит отметить, что эту ситуацию руководство ВОО использовало себе на пользу – был завербован секретный сотрудник из среды воинских чинов, который заявил, что никаких признаков существования Военного Союза нет, а "Известия Военного Союза" он никогда не видел. Тем не менее политический сыск продолжал свою агентурную работу (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 165). В частности, в ходе экспертизы, проведённой сотрудником ВОО штабс-ротмистром Евгением Лалевичем, выяснилось, что прокламация "К офицерам" изготовлена на той же бумаге и теми же чернилами, что используются в 33-м Сибирском стрелковом полку при составлении приказов (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 168).

31 января 1912 года ВОО подвело итоги дела по аресту Ульяна Тарасенко и его сослуживцев. Как уже говорилось ранее, руководство владивостокской охраны пришло к выводу, что Военный Союз Владивостокской крепости существует лишь в собственных прокламациях и листовках, которые лишь "служат разращению войск", к борьбе с чем приняты соответствующие меры (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 179).

В следующий раз Военный Союз заявил о себе спустя несколько месяцев, когда утром 2 мая 1912 года на двери казармы и туалета 6-й роты 34-го Сибирского стрелкового полка были найдены воззвания, посвящённые Ленскому расстрелу. О произошедшем начальник Владивостокской крепостной жандармской команды немедленно уведомил жандармского полицейского управления по Уссурийской железной дороге (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 247). Позже в депеше на имя заведующего Особым отделом Департамента полиции ротмистр Нагородский сообщил, что на Русском найдены пять прокламаций Военного Союза и высказал мнение, что их выпускает кто-то один, а не разветвлённая тайная организация. Это сообщение завершалось традиционным уже выражением намерения усилить агентурную работу по данному делу (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251).

Это обещание оказалось не пустым звуком, и ротмистр Константин Нагородский сдержал своё слово – 7 мая 1912 в Иркутское ГЖУ была отправлена телеграмма, в которой содержались сведения о составе Военного Союза. Завербованный в декабре 1911 года секретный сотрудник "Головин" сумел установить состав Военного Союза – речь шла о группе из четырёх человек, в состав которой входили организатор Павел Сычёв, Лев Караханов и его жена (родственница Сычёва) Клавдия Манаева и рядовой 6-го Сибирского сапёрного батальона Вильгельм Раммо (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251). Как выяснилось, вместо грозной военно-революционной организации охранка и жандармерия во Владивостоке имели дело с группой из нескольких интеллигентов, которые вели нерегулярную и малую по своим объёмам работу.

Насколько реальное положение вещей отличалось от того, что успели представить руководители политической полиции, прекрасно осознал начальник ВОО Константин Нагородский, писавший в Иркутск, что "состав кружка присвоившего себе наименование Военного Союза крайне малочислен отчасти связан узами родства, деятельность проявляет бессистемным выпуском листов в весьма ограниченном количестве. Наружное наблюдение этими лицами результатов не даёт. Поэтому производство ликвидации применительно параграфу тридцать положения во время совершения преступного деяния весьма гадательно в смысле времени, кроме того поведёт к провалу агентуры" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251). Также он запросил у Иркутска дальнейшие инструкции, которые ему пообещали выслать после знакомства со всеми материалами дела, поручив спокойно вести дальнейшую разработку Военного Союза (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 258).

Наиболее известным членом Военного Союза можно назвать Льва Караханова – после Октябрьской революции он станет известен как секретарь советской дипломатической миссии на переговорах с Германией в Брест-Литовске, первый полпред РСФСР в Польше, посланник СССР в Китае и заместитель народного комиссара иностранных дел. В 1937 году его расстреляли как врага народа. До Первой Мировой войны он занимался активной партийной работой в Харбине и, согласно данным владивостокской полиции и жандармерии, был прописан во Владивостоке с 1 марта 1911 года по адресу Китайская, дом 11, где жил по паспорту № 372, выданном Харбинским полицейским управлением (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 16. Л. 109). С марта 1912 года Лев Караханов находился под наблюдением Владивостокского охранного отделения под кличкой "Герой" (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 64). Находясь во Владивостоке, он развил активную деятельность в Народном доме, где предполагал организовать эсэровский кружок. При этом ему было выражено недоверие со стороны руководства Народного дома, и ему пришлось выехать в Петербург (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 64об).

Другой активный член Военного Союза и жена Караханова – Клавдия Ефремовна Манаева. Владивостокской охранке она была известна с марта 1908 года, так как состояла под агентурным наблюдением под кличкой "Подруга" (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 107). Документы ВОО характеризуют её как активного и деятельного члена социал-демократической партии, состоявшего в комитете союза учащихся (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 107об). Кроме неё в поле зрения охранки находились её братья Фёдор ("Цыган"), Иван ("Китайский") и сестра Нина ("Красная").

Наибольшую активность в этой семье революционеров проявлял старший брат Фёдор, который был членом партии социалистов-революционеров что, однако, не помешало ему выдвинуться в кандидаты в депутаты II Государственной Думы от РСДРП. В Народном доме он занимался поставками украинской литературы и проходил по наблюдению за группой эсэров в октябре 1913 и за группой социал-демократов в мае-июле того же года (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 104об). Член РСДРП Иван Манаев предоставлял свою квартиру для печати листовок, получал из-за рубежа на пароходе "Монголия" нелегальную литературу, которую отправлял в село Раздольное для дальнейшего распространения (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 108–108об). Нина Манаева, будучи гимназисткой, находилась под наблюдением ещё в 1908–1909 годах по делу владивостокских социал-демократов. В 1910 году за ней велась слежка по делу благовещенской организации РСДРП (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 103об). Дети купца Ефрема Манаева, будучи выходцами из местной элиты, стали членами революционного движения, имея связи среди социал-демократов, эсэров и украинских националистов. Мировоззрение, связи, общественное положение – всё это толкало их к активной деятельности в рядах революционных организаций. Одной из них стал Военный Союз Владивостокской крепости. Тем не менее руководил этой организацией не Лев Карахан и не Клавдия Манаева, а Павел Сычёв.

Павел Алексеевич Сычёв родился 30 августа 1890 года во Владивостоке и ещё 15-летним подростком принял активное участие в революционном движении, став активистом владивостокской группы РСДРП. Впоследствии он попал под над-

зор охраны, а после революции занимал должность секретаря Совета министров Дальневосточной республики. В 1950-е – 1960-е годы он стал известен как автор тетралогии "Земля, омытая кровью", посвящённой революционному движению на Дальнем Востоке от Первой Русской до Октябрьской революции [5, с. 310].

Вместе с социал-демократами Карахановым и Сычёвым в одной организации состоял эсер Вильгельм Раммо – такой Союз вполне объясним спецификой положения революционных партий после разгрома выступлений 1905–1907 годов. В 1910 году в Цюрихе прошла межпартийная конференция, организованная партией эсеров. По её итогам была объединена работа всех социалистических партий в армейской среде [6, с. 661]. Эта тенденция затронула, в том числе Дальний Восток, где революционное движение было фактически разгромлено, что привело к объединению его остатков ещё до Цюрихской конференции. Так, например, в январе 1910 года агента жандармского полицейского управления по Китайской Восточной железной дороге в Харбине сообщила, что в городе действует объединённый комитет социалистов-революционеров и РСДРП (РГИА ДВ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 689. Л. 45). Уже во время Первой мировой войны Иркутское ГЖУ сообщило начальнику ВОО полковнику Богацевичу, что, по агентурным данным, среди нижних чинов гарнизона Владивостокской крепости действует совместная организация эсеров и социал-демократов (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 26. Л. 4). В этой связи нет ничего удивительного в союзе социал-демократов Караханова, Манаевой и Сычёва с эсером Раммо.

По итогам агентурной работы Военный Союз Владивостокской крепости был ликвидирован в середине 1912 года [1, с. 194]. Таков был конец истории одного заговора, который весной 1911 года представлялся руководству политического сыска на Дальнем Востоке России некой могущественной и сплочённой силой, способной устроить вооружённое восстание. Дальнейшее расследование показало, что вместо настоящей подпольной организации сотрудники охраны и жандармерии ловили группу революционно настроенных интеллигентов, которые не были в состоянии осуществить даже постоянный выпуск собственных агитационных материалов.

Весной 1912 года были прекращены две переписки, которые начальник Владивостокской крепостной жандармской команды вёл в связи с делом Военного Союза. В марте 1912 года начальник ВКЖК⁴ подполковник Васильев вынес постановление о прекращении переписки о распространении воззваний "К офицерам". В нём он перечислил следующие факты и свои гипотезы, на них построенные. Не удалось установить авторство листовок, не смотря на наличие большой коллекции почерков подозреваемых, среди которых были почерки шестнадцати нижних чинов 6-го Сибирского сапёрного батальона, всех ротных писарей и главного подозреваемого – рядового Раммо (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 208. Д. 2426. Л. 4). Также никаких результатов не дали опросы свидетелей. При этом Васильев отмечал, что рассылка воззваний, тем более не имеющих печати, не характерна для революционных партий, рассылка воззваний "к молодым офицерам" офицерам старших возрастов указывает на отсутствие связей и знакомств в военном мире (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 208. Д. 2426. Л. 4). Отправка конвертов по железнодорожной почте указывала, по мнению руководства ВКЖК, на то, что это работа городского жителя или военнослужащего, связанного лишь с некоторыми частями на острове Русском. В итоге подполковник Васильев приходил к выводу о невозможности установить, кто же виновен в распространении листовок, что должно было стать причиной прекращения переписки.

Постановление же о прекращении переписки по делу о распространении воззваний Военного Союза Владивостокской крепости на острове Русском в мае 1912 года отличается ещё большей лаконичностью. Подполковник Васильев писал, что "дальнейшее производство переписки никаких новых данных, служащих к выяснению виновных в распространении воззваний, не даст, что все имеющие отноше-

⁴ ВКЖК – Владивостокская крепостная жандармская команда

ние к этому делу лица опрошены, все обстоятельства дела исследованы с достаточной полнотой, ПОСТАНОВИЛ: настоящую переписку производством заключить и представить Начальнику Жандармского Полицейского Управления Уссурийской железной дороги" (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 209. Д. 1425. Л. 3). При этом в уведомлении, отправленном в Департамент полиции МВД, Васильев указывал, что обвиняемых по этому делу нет (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 209. Д. 1425. Л. 2).

Владимир Набоков в "Других берегах" писал, что историю России можно рассматривать как своеобразную эволюцию полиции и вместе с тем как развитие изумительной и вольнолюбивой культуры. Группа Льва Карахана, Кладвии Манаевой, Вильгельма Раммо и Павла Сычёва была проявлением той ситуации, что сложилась в начале XX века в российском обществе и культуре, когда они активно политизировались и радикализировались. Развитие революционных групп привлекало внимание политической полиции, которая предпочитала наблюдать за ними, а не превентивно ликвидировать. Расследование деятельности Военного Союза позволяет увидеть, как возникали подобные группы, как полиция реагировала на них и как это противодействие революционного движения и полицейского аппарата укладывалось в общую канву происходивших в стране событий.

Деятельность Военного Союза Владивостокской крепости на первых порах оценивалась как однозначная угроза для безопасности империи на востоке страны. Дальнейшее расследование показало, что эта организация не представляет столь большую опасность, а сама она состоит из нескольких человек, не связанных с военными и неспособных к организованной регулярной деятельности. Безвредность Военного Союза признавало даже руководство Владивостокского охранного отделения – ротмистр Нагродский писал, что ликвидация группы нанесёт больше вреда, чем пользы, так как раскроет агентуру ВОО.

Литература

1. Буюков А.Н. Агентурная деятельность владивостокского охранного отделения в среде политической оппозиции: 1907–1917 годы // Проблемы российского государственного строительства и законодательства. Сборник научных трудов. Владивосток, 1994. С. 179–197.
2. Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и её корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.
3. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 432 с.
4. Стратиевский О.Б. Остров Русский (страницы истории). Издание третье исправленное и дополненное. Владивосток, 2016. 524 с.
5. Сычёв Павел Алексеевич // Писатели Дальнего Востока: биобиблиографический справочник. Вып. 2 / сост.: Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. Хабаровск, 1989. С. 310–312.
6. Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: "Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара", 2019. 322 с.

References

1. Buyakov A.N. Agent activities of the Vladivostok Guard Department among the political opposition: 1907–1917 // Problems of Russian state construction and legislation. Collection of scientific papers. Vladivostok, 1994. P. 179–197 (In Russ.).
2. Ginzburg K. Signs. Clue paradigm and its roots // Ginzburg K. Myths – Emblems – Signs: Morphology and History. Collection of articles M.: New publishing house, 2004. P. 189–241 (In Russ.).
3. Peregudova Z. I. Political investigation of Russia (1880–1917). M.: Russian political encyclopedia, 2000. 432 p. (In Russ.).
4. Stratievsky O.B. Russian Island (pages of history). Third edition, corrected and enlarged. Vladivostok, 2016. 524 p (In Russ.).
5. Sychev Pavel Alekseevich // Writers of the Far East: bio-bibliographic reference book. Issue. 2 / comp.: T. V. Kirpichenko, L. N. Tsinovskaya. Khabarovsk, 1989. P. 310–312 (In Russ.).
6. Hutarev-Garnishevsky V.V. Confrontation. Special services, army and power on the eve of the fall of the Russian Empire, 1913–1917. M.: "Institute of Economic Policy named after. E.T. Gaidar", 2019. 322 p. (In Russ.).

Василий Кириллович АЗАРЕВИЧ, научный сотрудник Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия, e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Vasily K. AZAREVICH, Researcher, Research Department, Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia, e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 30.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Основные направления государственной политики в области театрального дела на Дальнем Востоке в 1920-е–1930-е годы

Софья Юрьевна Гамалей

Дальневосточный юридический институт МВД России, Владивосток, Россия, s.u.gamaley@mail.ru

Елена Витальевна Кищик

Библиотека им. И.У. Басаргина, Владивосток, Россия, Yelena_kishchik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются направления государственной культурной политики в годы становления советской власти на Дальнем Востоке, в частности, в отношении театрального искусства. Подчеркивается, что в этот сложный и переходный период государством и органами дальневосточной власти уделялось значительное внимание театральному направлению как проводнику советской идеологии в широкие слои населения Дальнего Востока. Авторы отмечают, что в культурной политике обязательным был учет многообразных факторов: многонациональности, различного социального статуса граждан. Внимание было обращено на сельских, городских жителей, представителей малых народностей, мигрантов, военнослужащих и других слоев населения. Показаны основные вехи становления централизованного управления и контроля над театральными коллективами региона. В заключение авторы делают вывод, что государство, осознавая важную роль театрального искусства как проводника идеологии, стимулировало его массовость и способствовало широкой популяризации театра среди всех слоев населения.

Ключевые слова: государственная политика, культурная политика, театры Дальнего Востока, история театра, советская власть, советские театры, 1920–1930-е гг.

Для цитирования: Гамалей С.Ю., Кищик Е.В. Основные направления государственной политики в области театрального дела на Дальнем Востоке в 1920-е–1930-е годы // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 94–104. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/94-104>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/94-104>

The main directions of state policy in the field of theater in the Far East in 1920s–1930s

Sofya Yu. GAMALEY

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladivostok, Russia, s.u.gamaley@mail.ru

Elena V. KISHCHIK

Library named after I.U. Basargin, Vladivostok, Russia, Yelena_kishchik@mail.ru

Abstract. The authors characterize the main directions of the cultural policy of the Soviet state in the Far East after the Great October Revolution. The history of the formation of the Soviet theatrical system is considered. Considerable attention is paid to the theatrical direction as a conductor of the Soviet ideology to the general population. The analysis was carried out on the example of the theaters of the Far East. The cultural policy of the state took into account various factors – the multinationality of the population of the Far East, the different social status of citizens. In the theatrical system, attention was directed to rural and urban residents, representatives of small nationalities, migrants, military personnel and other segments of the population. The Soviet government formed a system of centralized management and control over theater groups in the Far East. In conclusion, the authors conclude that the state policy was based on the important role of theatrical art as a conductor of ideology. The state stimulated the mass character of theatrical art and contributed to the wide popularization of the theater among all segments of the population.

Keywords: state policy, cultural policy, theaters of the Far East, history of the theaters of the Far East, Soviet power, formation of the Soviet theater, 1920–1930s.

For citation: Gamaley S.Yu., Kishchik E.V. The main directions of state policy in the field of theater in the Far East in 1920s–1930s // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 94–104. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/94-104>

Актуальность изучения основных направлений государственной политики в области театрального дела во многом диктуется необходимостью переосмысления многих страниц советской истории, а также поиском позитивного исторического опыта в сфере развития культуры и театрального дела, в частности. Согласно принятой Правительством РФ в 2016 г. "Стратегии государственной культурной политики РФ до 2030 года" [19], современными приоритетными направлениями в сфере культуры являются следующие: формирование ценностно-ориентирован-

ной модели государственной культурной политики; выравнивание условий доступности и качества услуг для жителей регионов с учётом нормативного уровня обеспеченности и модернизации инфраструктуры; создание эффективной и ресурсно-обеспеченной системы сохранения объектов культурного наследия; обеспечение использования исторического и культурного наследия для воспитания и образования граждан России.

В результате целью нашей работы стал анализ накопленного исторического опыта советской России в 1920–1930-е годы, когда правительство пыталось посредством развития сети театральных учреждений вовлечь все население страны независимо от возраста, национальности и места проживания в формируемое культурное пространство. Для реализации данной цели мы обратились к опыту создания в дальневосточном регионе государственных органов, которые занимались формированием сети театральных учреждений; раскрыли специфику творчества передвижных и стационарных коллективов, упомянули о национальных театрах.

На наш взгляд, именно этот широкий охват позволяет увидеть, насколько проводимая в СССР культурная политика носила всеохватывающий характер. Создаваемые новые театральные коллективы позволяли всем желающим познакомиться с произведениями классиков, в то же время постановки спектаклей на актуальную тематику воспитывали в гражданах СССР чувство патриотизма. В современных условиях развития России этот исторический опыт может быть использован в полном объёме, поскольку наша страна по-прежнему является многонациональной, а внешнеполитические угрозы сохраняются. Может быть, поэтому, стоит возродить национальные театры, вновь наладить планируемое культурное шефствование над воинскими частями, возродить театральные передвижные коллективы для жителей сельской местности. И тогда мы ощутим значительный рост культурного уровня населения страны, рост любви и преданности к своей Родине.

Обращаясь к историографии вопроса, можно сказать, что в данном направлении написано достаточно много интересных работ. Так, общим проблемам государственного руководства сферой культуры посвящены работы С.Б. Белоглазовой, М.С. Кузнецова, С.Ю. Гамалей [2; 15; 3]. Кроме того, особый интерес у исследователей представляла история создания национальных коллективов. Творчество и культурную политику в отношении китайского и корейского театров исследуют в своих работах В.А. Королева, Н.Г. Кулинич и Э.В. Осипова [11; 14; 17], еврейскому театру посвящены работы С.Ю. Гамалей [4], специфику развития военных коллективов излагает в своих статьях Е.В. Кищик [12; 13]. Кроме того, имеется и ряд монографических исследований, носящих общесторический характер, в которых также упоминаются вопросы развития системы театральной культуры на Дальнем Востоке. Это коллективная монография "История Дальнего Востока России" [8], монография В.И. Кандыбы "История становления художественной жизни Дальнего Востока (1858–1938)", книга Безгина И.Д., Орлова Ю.М. "Театральное искусство: организация и творчество" [9;1]. В целом анализ литературы свидетельствует об интересе исследователей к данной теме, в то же время отсутствие комплексного исследования дает возможность обратиться к данной теме вновь.

Начало XX века для России стало переломным этапом, поскольку существовавшая ранее форма правления в виде абсолютной монархии пришла в упадок, а попытки ее трансформации не только не привели к стабилизации, но еще более усилили политический кризис в стране и, как следствие, произошедшие в 1917 г. революции привели к кардинальным переменам во всех сферах жизни общества.

Пришедшие к власти большевики, осознавая, что их партия не пользуется большой популярностью среди населения, но желая упрочить свои позиции на политической арене, начинают проводить политику по предоставлению широких прав всем социальным и национальным группам, ранее игнорируемым или угнетаемым государственными структурами. В результате Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 10 закрепила положение о том, что "Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России". Ст. 13 и 14 гаранти-

Фото 1. Здание БирГОСЕТа в 1930-е гг.

Источник: Биробиджанер Штерн. 2017. 20 декабря.

Foto 1. BirGOSSET building in the 1930s.

Source: Birobidzhaner SHtern. 2017. 20 December.

ровали свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды, а также переход в руки рабочего класса и крестьянской бедноты всех технических и материальных средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати, их свободное распространение по всей стране. Уничтожая национальное неравенство, ст. 22 признавала равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности [10].

Так, гарантировав широкий спектр прав, большевики смогли привлечь в ряды своей партии новых сторонников, одновременно с этим провозглашенные в стране свободы дали импульс развитию всех направлений искусства и культуры. Даже условия гражданской войны не мешали людям организовывать творческие кружки, ставить спектакли, заниматься концертной деятельностью. Так, например, на Дальнем Востоке в результате миграции населения из центральной полосы России количество жителей г. Владивостока увеличилось в пять раз [9, с. 84], многие приезжие были деятелями искусства и культуры (музыканты, артисты, художники), которые активно ставили собственные спектакли в городе, давали концерты.

Советские органы власти, первоначально наблюдая рост различных направлений в искусстве, активизацию творческой деятельности национальных групп, решают сделать искусство частью общепартийного дела. Так, к 1920-м гг. сложились предпосылки для перехода от традиционных форм искусства к новым.

В результате Народный комиссариат просвещения с учетом политических, национальных, территориальных особенностей каждого региона РСФСР проектирует различные направления в культурной политике, в том числе и в области театрального дела. Но отсутствие средств в государственном бюджете, решение более острых задач в образовательной сфере (ликвидация неграмотности) при-

Фото 2. Актерский коллектив БирГОСЕТА в 1930-е гг.

Источник: День в истории ЕАО: открытие Государственного еврейского театра в Биробиджане. URL: <https://eaomedia.ru/news/1283009/> (дата обращения: 10.03.2022).

Foto 2. The acting team of the BirGOSET in the 1930s.

Source: Day in the history of the Jewish Autonomous Region: opening of the State Jewish Theater in Birobidzhan. URL: <https://eaomedia.ru/news/1283009/> (accessed 10.03.2022).

вели к тому, что на протяжении 1920-х годов театральное дело продолжало функционировать на старых принципах антрепренерства, а управление театрами на местах осуществляли только губернские отделы народного образования [5, с. 12]. Так, в 1922 г. на территории Дальнего Востока был создан Дальневосточный отдел Народного образования (ДальОНО) (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1048. Л. 33)¹, которому подчинялись пять губернских отделов. Именно в их функции входило заключение договоров с антрепренерами по обслуживанию крупных городов региона. Кроме ГубОНО, крупной организацией, которая стремилась оказывать влияние на театральное дело, являлся "Пролеткульт", ставивший одной из главных своих задач проведение национализации театров и кинематографа, привлечение пролетариата к творчеству с целью его художественного воспитания [9, с. 102].

В условиях НЭПа строго регламентированных форм художественных объединений не существовало, свобода в творчестве являлась неотъемлемым элементом искусства. В то же время государство, осознавая колоссальную роль театра, который, по мнению А.В. Луначарского, "способен выражать чувства пролетариата и учить жизни" [5, с. 27], решает начать процесс его огосударствления. В результате уже в 1923 г. был создан Комитет по контролю за репертуаром – Главрепертком, который начинает выступать в качестве цензора над репертуарными планами театральных коллективов. А в 1925 г. по инициативе Губернского отдела народного образования (ГубОНО) создаются краевые театральные отделения (КрайТЕО), в том числе и на Дальнем Востоке, которые занимались комплектованием театральных трупп по обслуживанию региона, при этом новые коллективы должны были регулярно предоставлять отчеты о своей проделанной работе. Таким образом, го-

¹ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Фото 3. Первые студийцы театра ОКДВА. Н. Бондаренко, С. Платонов, А. Костров, О. Дикий
Источник: [13].

Foto 3. The first studio members of the OKDVA Theater. N. Bondarenko, S. Platonov, A. Kostrov, O. Dikij.
Source: [13].

сударственные органы власти ставят под контроль, казалось бы, свободное в самовыражении театральное искусство.

В 1927 г. начинаются коренные преобразования в стране, которые затронули не только экономику, но и сферу культуры. В апреле 1927 г. в Москве прошел I Всероссийский съезд директоров театров. На съезде были отмечены высокие темпы роста театральных коллективов по всей стране, обозначены приоритетные направления в будущей театральной политике (РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 313. Л. 72). В этом же году на партийном совещании при отделе агитационной пропаганды ЦК ВКП(б) было решено создать Управление театрально-зрелищными предприятиями (УТЗП) для руководства всем театральным делом в РСФСР. На этом же совещании было принято решение о вытеснении антреприз и создании централизованной системы управления театрами страны [18, с. 135].

Уже в 1928 г. УТЗП разрабатывает программу по созданию и регулированию театральной сферы. Фактически созданный театральный отдел занимался системой планирования сети театрально-зрелищных предприятий, осуществлял контроль над репертуарными планами. Созданная государственная структура координировала деятельность всех театральных коллективов, которые стали внедрять в свою работу элементы планирования, вели отчеты, которые ежегодно предоставляли в УТЗП. Именно данное управление и определило основные направления в театральном деле на протяжении 1930-х гг. с учетом специфики каждого региона.

В целом структура дальневосточного театра на протяжении изучаемого этапа включала в себя несколько моделей. Во-первых, европейского театра – русского драматического и музыкального для взрослых и детей, во-вторых, восточное направление – китайский и корейский театр, в-третьих, отдельные национальные коллективы (украинский, белорусский, еврейский) [8, с. 426], также можно выделить отдельное направление, связанное с созданием передвижных коллективов для обслуживания жителей сельской местности и красноармейцев.

К первому направлению можно отнести создание постоянно действующих драматических коллективов, обслуживающих население крупного города и подчиняющихся Управлению театрально-зрелищными предприятиями (с 1936 г. – Всесоюзному комитету по делам искусств при СНК СССР) (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 20. Д. 41. Л. 8)².

Процесс огосударствления театрального дела начинается в регионе еще с периода существования Дальневосточной республики, так, например, с целью развития искусства в республике при Министерстве просвещения в 1920 г. был создан и отдел искусств, который курировал работу театров, консерваторий, занимался сохранением культурного наследия [16.с.4]. Однако экономическая и политическая ситуации в регионе позволили обратить целенаправленное внимание органам власти на культуру лишь к концу 1920-х годов.

Так, созданное на Дальнем Востоке в 1925 г. Краевое театральное объединение (КрайТЕО) заключило договор с четырьмя театральными труппами, которые переезжали из города в город, обслуживая попеременно жителей каждого крупного населенного пункта. Лишь в 1928 г. происходит закрепление актерских трупп за конкретным городом; им предоставляли собственные здания, определяли численный состав, утверждали репертуарный план. Начиная с 1930 г. они работали в рамках утвержденных пятилетних планов развития искусства.

Уже в 1930-е гг. перед образованным Управлением по делам искусств встает задача организовать культурное обслуживание школьников. Именно о данном направлении театральной политики было заявлено в опубликованном в октябре 1930 г. Постановлении Совнаркома РСФСР "Об улучшении театрального дела" [1, с. 84]. В результате по всей стране начинают создаваться кукольные театры и театры юного зрителя. Их количество к 1930 г. достигало 30 [7]. Но первый Краевой показательный кукольный театр на Дальнем Востоке появился лишь в 1937 г. в Хабаровске. По приказу Краевого управления по делам искусств от 25 марта 1937 г. он был переведен на полный хозрасчет с выделением на самостоятельный баланс и присвоением всех функций самостоятельной хозяйственной единицы. Численный состав театра на тот момент не превышал 10 человек (ГАХК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 1)³. Спустя год кукольный театр появился и в Комсомольске на Амуре, однако отсутствие материальной базы (кукол, декораций) сказывалось на качестве работы коллектива. В условиях начавшейся Великой Отечественной войны данные коллективы были расформированы.

Фото 4. Зам. начальника театра ТОФ подполковник Мороз В.И.

Источник: [12].

Foto 4. Deputy head of the theater of the Krasnoflotsky Theater, Lieutenant Colonel Moroz V.I.

Source: [12].

² РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

³ ГАХК – Государственного архива Хабаровского края

Следующим направлением в театральном деле 1930-х г. стало создание творческих коллективов для обслуживания жителей сельской местности. Так, в рамках проводимой в стране коллективизации было принято решение об обеспечении культурным обслуживанием жителей сел и деревень. В результате 15 марта 1934 г. вышло постановление Народного комиссариата просвещения "О развертывании сети колхозно-совхозных театров" [3, с. 85]. Согласно постановлению, данные театры должны были создаваться на всей территории РСФСР. Именно они своим творчеством знакомили деревенских жителей с лучшими образцами советской драматургии, помогали в развитии сельской художественной самодеятельности. В результате с 1934 г. на Дальнем Востоке начали свою деятельность два колхозных театра: Краевой колхозный театр, который занимался обслуживанием деревень Амурской области, и Первый приморский областной колхозно-совхозный театр, действующий на территории Приморья (РГАЛИ. Ф. 2310. Оп. 1. Ед. 53. Л. 2). В результате благодаря государственной политике по созданию колхозных театров искусство действительно приобрело народный характер, ведь ранее театр являлся элитарным видом искусства.

Кроме того, помимо создания театров для обслуживания отдельных социальных групп, советские органы государственной власти, предоставили возможность развивать свое искусство и всем национальным группам, проживающим в стране. На Дальнем Востоке это привело к созданию китайского, корейского, еврейского и нанайского театральных коллективов, поскольку именно эти диаспоры проживали в данном регионе. Отметим, что многие национальные группы развивали свое театральное искусство и до установления советской власти.

Так, в период существования империи в стране были "бродячие" еврейские коллективы, в национальных слободках Дальнего Востока работали китайские театры. Но органы советской власти решили взять под контроль творчество и работу этих трупп. В результате в 1931 г. в Москве создается Совет национальных театров, задачей которого являлся контроль над всеми национальными коллективами страны. Уже в 1932 г. решением данного совета произошло объединение китайских коллективов Хабаровска и Владивостока в Краевой китайский театр г. Владивостока. Одновременно с данным решением Далькрайком создает и китайский ТРАМ (театр рабочей молодежи) [14].

Также во Владивостоке работал и Краевой корейский театр, который обслуживал корейскую диаспору в регионе.

Национальные театры ставили спектакли на родном языке, что свидетельствовало о толерантном отношении к национальным меньшинствам со стороны советской власти. Однако с 1937 г. с началом усиления международной напряженности на Дальнем Востоке со стороны Японии восточные народы стали рассматриваться как потенциальные "шпионы", поэтому было принято решение о закрытии китайских театров в 1938 г., а Краевой корейский театр был перевезен в Казахстан в рамках проведения депортации всего корейского населения с территории Дальнего Востока.

Иная ситуация произошла с еврейским театральным коллективом, создание которого было связано с реализуемой программой по переселению евреев в Биробиджанский район. Так, в марте 1928 г. было издано постановление Президиума ЦИК СССР "О выделении части приамурской полосы Дальневосточного края в районе рек Биры и Биджан для сплошного заселения еврейскими трудящимися" (ГАЕАО. Ф. 186. Оп. 2. Д. 2. Л. 3)⁴.

Вновь созданный Биробиджанский район нуждался в культурном обслуживании еврейского населения, поэтому "летом 1932 года бригада студентов театрального техникума при Московском Государственном еврейском театре (ГОСЕТ) выехала на гастроли в город Биробиджан" (ГАЕАО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1а. Л. 25). Данный факт подтверждает то, что организация театра в Биробиджане была важным политическим делом (фото 1).

⁴ ГАЕАО – Государственный архив Еврейской автономной области

В отличие от всех других национальных театров Дальнего Востока кадровый состав данного театра был полностью профессиональным (фото 2).

Театр проработал в ЕАО до 1949 г. На протяжении всей своей деятельности он обслуживал евреев г. Биробиджана и ЕАО, выезжал с гастролями на Украину и в Казахстан [4]. Благодаря его деятельности жители автономии могли познакомиться с произведениями еврейских авторов и русских драматургов.

Уникальным национальным коллективом в регионе был созданный в 1938 г. Нанайский театр в селе Найхин. Его создание также являлось закономерным в рамках проводимой в стране политики в отношении различных малочисленных народов.

Созданный театр должен был обслуживать нанайцев, его репертуар был построен на постановках нанайских сказок. Однако отсутствие профессионализма у актеров и собственных пьес не позволило данному коллективу успешно развиваться. В 1940 г. он вновь получает статус самодеятельного кружка (ГАХК. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 8. Л. 324).

Таким образом, создание национальных театров можно отнести к одному из уникальнейших направлений в театральной политике советской власти в 1930-е гг., поскольку только в тот период Россия в действительности реализовывала многоаспектную национальную политику, когда каждый народ мог не только пользоваться своим языком, но наслаждаться богатством имеющейся у него национальной культуры.

Еще к одному новому направлению в области театрального дела в данный период можно отнести создание военных театров.

Территориальные особенности региона, а именно наличие приграничной полосы, способствовали нахождению на территории Дальнего Востока большого контингента военнослужащих. Именно поэтому создаваемые военные театры должны были способствовать коммунистическому воспитанию дальневосточников, формированию общественного мнения, ориентации советского воина в вопросах внутренней и внешней политики партии и государства в борьбе против враждебной идеологии.

Так, в 1934 г. в Никольск-Уссурийске группа энтузиастов из военнослужащих, участников художественной самодеятельности, организовала театральную студию при ДОСА (Дом офицеров Советской Армии). Шестнадцать студийцев впоследствии стали профессиональными актерами военного театра.

1 июля 1937 г. студию официально преобразовали в театр Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА). К этому времени в штат театра были введены должности актеров из числа военнослужащих. Театр пополнился выпускниками московских и ленинградских театральных ВУЗов [2].

Со дня основания военного театра там работали выдающиеся артисты, впоследствии ставшие заслуженными артистами РСФСР: М.Н. Маслов, Т.Г. Миронова, А.Н. Легран, Т.И. Ларина, В.Ф. Пономарева, С.А. Соловьев, заслуженный деятель искусств РСФСР А.С. Костров (фото 3).

Успехи театра ОКДВА отмечали местные органы власти и руководство гражданских театров (ГАХК. П-2. Оп. 11. Д. 248. Л. 5).

Еще одним военным театром, функционирующим на Дальнем Востоке в этот период, был театр Краснознаменного Тихоокеанского Флота (ТОФ).

Театр становится одним из сильнейших инструментов политической агитации, значительным и ярким явлением в культурной жизни дальневосточников. В апреле 1932 г. по распоряжению начальника полуправления Морских сил Дальнего Востока А.А. Булыжкина первые артисты будущего Краснофлотского театра прибыли во Владивосток на базу Дома Красной Армии и Флота (КАФ), который обслуживал личный состав Морских сил Дальнего Востока еще с апреля 1926 г. (РГА ВМФ. Ф. Р-1069. Оп. 2. Д. 1. Л. 43)⁵. Это были матросы, старшины и офицеры, имевшие театральное образование, а также наиболее талантливые участники худо-

⁵ РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота

жественной самодеятельности. Политуправление настаивало на формировании труппы исключительно из опытных актеров, а руководство Дома КАФ предлагало развивать театр на базе самодеятельности.

В сентябре 1932 г. начальником театра был назначен старший политрук И.М. Старков, заместителем начальника – подполковник В.И. Мороз (фото 4), художественным руководителем – режиссер Центрального Дома Красной Армии А.И. Лавров, командированные во Владивосток для организации Краснофлотского театра (РГА ВМФ. Ф. Р-1012 Оп. 2. Д. 1. Л. 56).

Они предложили организовать коллектив в составе 20 человек на базе молодых профессиональных актеров, не имеющих театрального опыта. В труппу также вошли и несколько актеров, имеющих достаточно богатый опыт работы в театрах. Так из актеров разных школ и направлений сформировался новый коллектив.

Спустя некоторое время на VII пленуме Далькрайкома ВДКСМ было рекомендовано собрать средства на содержание во Владивостоке театра для Морских сил Дальнего Востока в сумме 75 тыс. рублей (РГА ВМФ. Ф. Р-1012. Оп. 2. Д. 1. Л. 60), а Приказом РВС СССР № 167 от 2 октября 1933 г. и указанием ПУ РККА № 200 был официально создан уже существовавший в течение полутора лет Краснофлотский театр Морских сил Дальнего Востока в количестве 30 человек (РГА ВМФ. Ф. Р-1012. Оп. 2. Д. 1. Л. 59–60). Театр пополнил труппу, был поставлен на все виды довольствия, за короткий срок провел необходимую работу и в день 16-й годовщины Великой Октябрьской революции показал премьеру спектакля "Матросы из Катарро" по пьесе Вольфа. Новый сезон 1934 г. для театра стал поворотным – от полусамодельного к профессиональному.

Можно отметить, что развитие военных театров в Дальневосточном регионе в начале 30-х гг. XX века получило широкую и всестороннюю поддержку со стороны командования, партийных и государственных органов Дальнего Востока, так как этот вид искусства был менее затратным и более доступным для военнослужащих и жителей региона.

Таким образом, 1920–1930-е гг. для театрального дела были временем широкой популяризации театра среди всех слоев населения. Осознавая важную агитационную роль, которую мог нести данный вид искусства, советские органы власти придали ему массовый характер. В результате люди всех возрастов, национальностей, социальных групп стали причастными к данному виду искусства. Театр стал доступен гражданам РСФСР, которые говорили на других языках, проживали в сельской местности или в приграничной полосе, а также подрастающее поколение (школьники, подростки) могли увидеть спектакли, созданные специально для такой аудитории. И хотя творческая жизнь большинства вышеперечисленных коллективов не была проста, уже тот факт, что им дали возможность показать населению Дальневосточного региона свое творчество, привнести культуру в массы, заслуживает интереса. Ведь этот имеющийся у нашей страны опыт можно было бы реализовать в современных условиях, в том числе и для приостановления оттока населения с Дальнего Востока.

Литература

1. Безгин И. Д., Орлов Ю. М. Театральное искусство: организация и творчество. Очерки истории отечественного театрального дела. Киев: Мистецтво, 1986. 148 с.
2. Белоглазова С.Б. История культурного строительства на юге Дальнего Востока СССР, 1917-1941 гг. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. 50 с.
3. Гамалей С.Ю. История создания и функционирования колхозных театров дальнего востока в 1930-е годы // Современная научная мысль. 2018. №3. С.85-89
4. Гамалей С.Ю. История создания и развития Еврейского национального театра им. Кагановича в 1930-е годы // Вестник Рязанского гос. университета им. С. Есенина. 2021. №3. С.27-35
5. Дымникова А. И. Становление системы государственного руководства в СССР (1921–1928 гг.). Л.: ЛГИК, 1988. 55 с.
6. Зелов Н. С. Шефская работа мастеров искусств среди бойцов и командиров Особой Дальневосточной армии // Военная литература. 2001. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_na_granitse_tuchi_hodyat_hmuro/07.html. (дата обращения: 16.02.2022).
7. История развития кукольного театра. М.: Нева, 2000. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i

obrazovanie/teatr_i_kino/KUKOLNI_TEATR.html. (дата обращения: 10.03.2022).

8. История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года /под общ. ред. чл.- корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.

9. Кандыба В. И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока (1859–1838 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. 412 с.

10. Конституция РСФСР 1918 г. // "КонсультантПлюс". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330441/ (дата обращения: 16.02.2022).

11. Королева В.А. Китайские и корейские театры на Дальнем Востоке России // Россия и современный мир. 2002. №2. С.176-180.

12. Кищик Е. В. Краснофлотский театр на Дальнем Востоке СССР в 30–40-е гг. XX в. // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 122-132.

13. Кищик Е.В. Развитие военного репертуара в театрах Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Власть книги: библиотека, издательство, вуз: альманах. 2017. Вып. 1. URL: https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/articles-almanac-17-2017/32_Kistchik.pdf. (дата обращения: 11.03.2022).

14. Кулинич Н. Г. Китайский театр рабочей молодежи на советском Дальнем Востоке (1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2011. № 27. С. 57–63.

15. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.): документы и материалы: Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. 496 с.

16. О городском театре // Дальневосточная республика. 1920. 1 декабря. С.4.

17. Осипова Э.В. Российский и китайский театры: от культурной политики к диалогу культур // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 140-149.

18. Пельше Р. Наша театральная политика. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 152 с. С.135.

19. Стратегия государственной культурной политики до 2030 года. (утв. распоряжением правительства РФ от 29 февраля 2016 года № 326-п) // "КонсультантПлюс". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330441/ (дата обращения: 16.02.2022).

References

1. Bezgin, I. D. and Orlov Yu. M. Theatrical arts: organization and creativity. Essays on the history of domestic theatrical business. Kiev: Mistetstvo, 1986. (In Russ.).

2. Beloglazova S.B. The history of cultural construction in the south of the Far East of the USSR, 1917-1941. Vladivostok: FEB of the USSR Academy of Sciences, 1990. (In Russ.).

3. Gamaley S.Yu. The history of the creation and functioning of collective farm theaters of the Far East in the 1930s // Modern scientific thought. 2018. No.3. P.85-89. (In Russ.).

4. Gamaley S.Yu. The history of the creation and development of the Jewish National Theater. Kaganovich in the 1930s // Bulletin of the Ryazan State University named after S. Esenin. 2021. No. 3. P.27-35. (In Russ.).

5. Dymnikova A. I. Formation of the system of state leadership in the USSR (1921–1928). Leningrad: LGIK, 1988. (In Russ.).

6. Zelov, N. S. Boss work of masters of arts among soldiers and commanders of the Special Far Eastern Army // Voennaya literatura. 2001. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_na_granitse_tuchi_hodyat_hmuro/07.html. (accessed 16.02.2022). (In Russ.).

7. The history of the development of the puppet theater. Moskva: Neva, 2000. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/KUKOLNI_TEATR.html. (accessed 10.03.2022). (In Russ.).

8. History of the Russian Far East. The Russian Far East in the era of Soviet modernization: 1922–the beginning of 1941 / under the general editorship of the corresponding member of RAS V.L. Larin; ed. by L.I. Gallyamova. Vladivostok: Dalnauka, 2018. (In Russ.).

9. Kandyba V. I. The history of the formation and development of the artistic life of the Far East (1859–1838). Vladivostok: FEFU, 1985. (In Russ.).

10. Constitution of the RSFSR 1918. // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330441/ (accessed 16.02.2022). (In Russ.).

11. Koroleva V.A. Chinese and Korean theaters in the Russian Far East // Russia and the Modern World. 2002. No. 2. P.176-180. (In Russ.).

12. Kishchik E. V. Krasnoflotsky Theater in the Far East of the USSR in the 30–40s. 20th century // Ojkumena. Regional researches. 2017. no. 3. P. 122–132. (In Russ.).

13. Kishchik E.V. The development of the military repertoire in the theaters of the Far East during the Great Patriotic War // Vlast' knigi: biblioteka, izdatel'stvo, vuz: al'manakh. 2017. Issue 1. URL: https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/articles-almanac-17-2017/32_Kistchik.pdf. (accessed 11.03.2022). (In Russ.).

14. Kulinich N.G., Chinese theater of working youth in the Soviet Far East (1930s) // Novyi istoricheskii vestnik. 2011. no. 27. P. 57–63. (In Russ.).

15. Cultural construction in the Far East (1917-1941): documents and materials. Vladivostok: Far Eastern Publishing House, 1982. 496 p. (In Russ.).

16. About the city theater // Far Eastern Republic. 1920. December 1. P. 4. (In Russ.).
17. Osipova E.V. Russian and Chinese theaters: from cultural policy to dialogue of cultures // Problems of the Far East. 2017. no. 6. P. 140–149. (In Russ.).
18. Pel'she R. Our theatrical policy. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdani'e, 1929. (In Russ.).
19. Strategy of the State Cultural Policy until 2030. Government Decree No. 326-r of February 29, 2016 // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330441/ (accessed 16.02.2022). (In Russ.).

Софья Юрьевна ГАМАЛЕЙ, канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, г. Владивосток, Россия, e-mail: s.u.gamaley@mail.ru

Елена Витальевна КИШЧИК, главный библиотекарь библиотеки им. И.У. Басаргина МБУК "Владивостокская централизованная библиотечная система", г. Владивосток, Россия, e-mail: Yelena_kishchik@mail.ru

Sofya Yu. GAMALEY, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladivostok, Russia, e-mail: s.u.gamaley@mail.ru

Elena V. KISHCHIK, Chief Librarian, Library named after I.U. Basargin, Vladivostok Centralized Library System, Vladivostok, Russia, e-mail: Yelena_kishchik@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 24.12.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.08.2023

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2023

Сотрудничество СССР и СРВ в сфере науки (1976–1983 гг.)

Владислав Юрьевич КУДРЯВЦЕВ

Курский государственный университет, Курск, Россия, kudrvl62@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные направления сотрудничества СССР и Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) в сфере науки в период 1976–1983 гг. Анализируются материалы фондов государственных архивов Москвы и Санкт-Петербурга, приводятся примеры совместных научных исследований и проектов, дается оценка результативности и эффективности взаимодействия государств, характеризуются затруднения сторон в процессе сотрудничества.

Ключевые слова: СССР, Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ), сотрудничество, наука, изучение, исследования

Для цитирования: Кудрявцев В.Ю. Сотрудничество СССР и СРВ в сфере науки (1976–1983 гг.) // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 105–113. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/105-113>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/105-113>

Cooperation between the USSR and Vietnam in the field of science (1976–1983)

Vladislav Yu. KUDRYAVTSEV

Kursk State University, Kursk, Russia, kudrvl62@mail.ru

Abstract. This article discusses the main areas of cooperation between the USSR and the Socialist Republic of Vietnam (SRV) in the field of science in the period 1976–1983. The materials of the funds of the state archives of Moscow and St. Petersburg are analyzed, examples of joint scientific research and projects are given, an assessment is made of the effectiveness and efficiency of interaction between states, and the difficulties of the parties in the process of cooperation are characterized.

Keywords: USSR, Socialist Republic of Vietnam (SRV), cooperation, science, study, research

For citation: Kudryavtsev V.Yu. Cooperation between the USSR and Vietnam in the field of science (1976–1983) // Oriental Institute Journal. 2023. No. 3. P. 105–113. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/105-113>

Современное состояние отношений Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам отражает заинтересованность стран в двустороннем сотрудничестве. Россия всегда считала Вьетнам важным партнером в регионе, и в ближайшее время на уровне руководства стран решено конкретизировать перспективные направления научно-технического и торгово-экономического партнерства [4].

Одним из ключевых направлений межгосударственного взаимодействия, залогом стабильного экономического развития стран и их конкурентоспособности на мировом рынке является сотрудничество в сфере науки. Под этим понимается проведение совместных исследований, апробация полученных результатов, внедрение их в практическую деятельность, обмен опытом, разработка и реализация научно-исследовательских проектов.

В данной статье, опираясь на материалы фондов Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, Российского государственного архива научно-технической документации и Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга, мы постараемся определить результативность взаимодействия СССР и СРВ в сфере науки в период 1976–1983 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента официального объединения Вьетнама и вплоть до середины третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СРВ. Данный период представляет значительный

научный интерес, поскольку позволяет проанализировать советско-вьетнамское сотрудничество в сфере науки в условиях попыток копирования социалистической модели ДРВ в масштабах объединенного Вьетнама. В начале 1980-х гг. руководство СРВ предприняло ряд компромиссных преобразований, касающихся функционирования несоциалистических секторов экономики и частичного внедрения рыночных механизмов. К 1983 г., по нашему мнению, были четко обозначены кризисные тенденции, связанные с невозможностью долгосрочного успешного функционирования социалистической модели экономики в СРВ без постоянной внешней поддержки.

Взаимодействие стран в области науки имеет 70-летнюю историю. Научные контакты между Вьетнамом и СССР были установлены во второй половине 1950-х гг. В 1958 г. в ДРВ был образован Государственный комитет наук, возглавивший работу всех научно-исследовательских учреждений Вьетнама. Новый орган был призван содействовать развитию сотрудничества в научно-технической области с социалистическими странами. В рамках расширения контактов в 1959 г. Вьетнам посетила делегация советских ученых во главе с академиком В.А. Котельниковым. Итогом переговоров стала конкретизация путей расширения советско-вьетнамского научного сотрудничества, а также определение форм оказания помощи и содействия ученых СССР вьетнамским коллегам в организации научных учреждений [8, с. 84].

Более тесные научные контакты подтвердились Соглашением о научном сотрудничестве между Государственным комитетом наук ДРВ и Академией наук СССР 26 мая 1961 г. Стороны договорились координировать взаимодействие, конкретизировать планы научного сотрудничества, организовывать совместные конференции, содействовать установлению связей между профильными и непрофильными научными учреждениями [9, с. 55].

Развитие вьетнамской экономики после провозглашения СРВ в 1976 г., последующее включение СРВ в Совет Экономической Взаимопомощи в 1978 г., а также необходимость восстановления хозяйства страны после завершения войны с Китаем в 1979 г. обусловили необходимость подготовки высококвалифицированных научных кадров, проведения научных исследований, связанных с модернизацией отраслей экономики, интенсификации взаимодействия с более опытными и квалифицированными советскими учеными и специалистами.

Для решения столь масштабных задач требовалось на государственном уровне закрепить намерения стран. Советско-вьетнамское партнерство в сфере науки вышло на более высокий уровень после подписания в 1978 г. договора о дружбе и сотрудничестве между государствами [2] и присоединения СРВ к соглашению о многостороннем научном сотрудничестве между академиями наук социалистических стран в 1979 г. [8, с. 85].

Стратегическими направлениями сотрудничества сторон в сфере науки являлись сельское хозяйство, транспорт, строительство, медицина, освоение космоса. Взаимодействие советских и вьетнамских ученых и специалистов также обусловило развитие естественных наук фундаментального и прикладного характера.

Во второй половине 1970-х гг. сельскохозяйственная отрасль СРВ испытывала потребность в квалифицированных кадрах и наукоемких технологиях, в повышении производительности труда через внедрение в практику научных достижений. Особенности природных условий страны, сложившийся хозяйственный уклад жизни вьетнамского общества и определенная заинтересованность советской стороны в повышении качества вьетнамской сельскохозяйственной продукции, экспортируемой в СССР, оказали влияние на развитие партнерских отношений в указанном направлении [5].

В 1982–1983 гг. специалистами Всесоюзного научно-исследовательского института химических средств защиты растений и Всесоюзного научно-исследовательского технологического института гербицидов и регуляторов роста растений совместно с сотрудниками Института промышленной химии СРВ проводились исследования свойств гранулированных и микрогранулированных гербицидов,

разрабатывалась рецептура приготовления препаратов гербицида, проводились биологические испытания, изучалась эффективность применения гербицидных препаратов на посевах риса в СРВ. Итогом совместных исследований стало создание перспективных гранулированных комбинированных гербицидов, эффективных в природных условиях Вьетнама (РГАНТД. Ф. Р-274. Оп. 1 УД (1–6). Д. 716. Л. 4–8)¹. Эти усилия должны были повысить урожайность и качество продукции, поставляемой в СССР.

Специалистами научно-исследовательского и проектного института азотной промышленности и продуктов органического синтеза были проведены исследования, направленные на разработку процесса производства аммиака в СРВ. Советскими учеными и вьетнамской стороной были согласованы и переданы для внедрения техникой и рабочий проекты производства аммиака на базе газификации антрацита в СРВ. Вьетнамские специалисты отметили "высокий технический уровень и отличное качество" проделанной работы (РГАНТД. Ф. Р-57/63. Оп. 16 НД (16–1). Д. 125. Л. 55).

В период пребывания в СССР делегации главного управления химической промышленности СРВ советские ученые консультировали вьетнамских коллег по вопросам управления научно-техническими работами по производству минеральных удобрений. Советскими специалистами из Министерства по производству минеральных удобрений и производственного объединения "Азот" были проведены консультации, связанные с организацией и производством минеральных удобрений как на уровне профильного министерства СРВ, так и на уровне предприятий и производств (РГАНТД. Ф. Р-274. Оп. 1 УД (1–6). Д. 716. Л. 13).

Научные исследования, проведенные в области сельского хозяйства, позволили планомерно увеличивать объемы, повышать качество и безопасность вьетнамской сельскохозяйственной продукции, поставляемой в СССР, укреплять продовольственную безопасность Вьетнама, расширять экспортные возможности страны.

СССР был заинтересован в бесперебойных поставках вьетнамской сельскохозяйственной продукции. Однако не все было организовано должным образом. В материалах межправительственной советско-вьетнамской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству советская сторона неоднократно указывала на недостатки транспортных связей между странами. Например, в 1981 г. вьетнамская сторона выполнила обязательства с учетом поставок по контрактам прошлых лет на 69%, в 1982 г. – на 79,2%. В 1983 г. поставки в СССР вьетнамских товаров также осуществлялись со значительным отставанием (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.142. Д.1494. Л. 3)².

Причиной вполне могла служить значительная удаленность региона и несовершенство логистических подходов. Развитию транспортных связей между государствами способствовала разработка Центральным научно-исследовательским институтом морского флота проекта транспортной линии в СРВ с использованием крупнотоннажных лихтеровозов на дальневосточном и черноморском направлениях.

Советскими специалистами изучены возможности внутренних водных путей СРВ для включения их в лихтеровозную систему, провели консультации с представителями Министерства транспорта СРВ и определили порты возможного базирования лихтеровозов. В результате были предложены варианты улучшения логистики перевозок вьетнамской продукции, поставляемой в СССР (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-215. Оп. 26. Д.44. Л. 7)³. Проект гарантировал загрузку лихтеровоза, направляемого в СССР, в размере 67 тыс. тонн (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-215. Оп. 26. Д.44. Л. 130). Го-

¹ РГАНТД – Российский государственный архив научно-технической документации

² ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

³ ЦГАНТД СПб – Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга

довой экономической эффект проекта составил 5603,3 тыс. рублей (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-215. Оп. 26. Д.44. Л. 132).

Вклад советских ученых в развитие транспортных связей между СССР и СРВ был продиктован необходимостью расширения экспортных возможностей Вьетнама, заинтересованностью в выполнении контрактов по поставкам продукции в полном объеме, развитии транспортных связей для строительства и модернизации различных объектов, функционирующих на территории Вьетнама.

Научное сотрудничество в рамках строительства и реконструкции объектов различного назначения имело особое значение в условиях интеграции Вьетнама в социалистическую экономическую систему и восстановления экономики после военного конфликта с КНР.

Так, при разработке технико-экономического обоснования строительства Иен-Байского завода вискозной целлюлозы в СРВ специалистами Государственного проектного института "Ленинградский водоканалпроект" были проведены исследования фильтрации и снижения жесткости воды из реки Чай, используемой в нуждах производства (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-391. Оп.3-6. Д.94. Л. 25). Определялся расход и состав производственно-загрязненных сточных вод, предлагались рекомендации по оптимизации работы сооружений локальной очистки воды с целью уменьшения концентраций метанола и фенола, были установлены возможности использования очищенных сточных вод в качестве удобрения. Советскими специалистами обосновывалась необходимость учета данных факторов при выполнении итогового технического проекта (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-391. Оп.3-6. Д.93 Л. 68–69).

Специалистами ленинградского Научно-исследовательского и проектного института по разработке генеральных планов и проектов городов были проведены комплексные научные исследования в рамках разработки генерального плана развития Ханоя. Вьетнамской стороне был представлен план территориального развития города до 2000 г., начиная от архитектурно-планировочной организации и классификации жилого фонда, схем размещения первой очереди строительства, магистралей городского и внешнего транспорта, инженерной подготовки территории и заканчивая планами энергоснабжения и радиодиффузии, озеленения и обводнения территории (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-29. Оп. 33. Д.141. Л. 3–8).

Вьетнамским специалистам были даны рекомендации по комплексному натурному обследованию и сбору информации, необходимых для проектирования реконструкции кварталов исторической застройки, определена необходимая степень очистки сточных вод, разработана схема развития радиотрансляционной сети, водоснабжения, электроснабжения и радиодиффузии (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-29. Оп. 33. Д.146. Л. 1–4).

Вьетнамские специалисты, проходившие подготовку в СССР по направлениям, связанным со строительством и архитектурой, в дальнейшем эффективно использовали полученные знания в практической деятельности у себя на родине.

Одним из примеров такого рода сотрудничества являлись разработанные в 1982 г. проекты вьетнамского архитектора Фунг Тхьен Тхуата, защитившего в СССР кандидатскую диссертацию по архитектуре на тему: "Принципы архитектурного проектирования студенческих общежитий и организации жилой зоны ВУЗов в условиях СРВ". Проекты студенческого кампуса и комплекса зданий ханойского инженерно-строительного института, здания книгохранилища и читальных залов, дома культуры высшей военной академии – все это было разработано на базе полученных научных результатов в СССР (РГАНТД. Ф. 413 Оп. 1. Д. 218). На сегодняшний день во многих постройках Ханоя можно увидеть примеры советской архитектурной школы [13].

В 1982 г. в своем письме известному советскому архитектору и доктору архитектуры В.И. Пилявскому вьетнамский архитектор Нгуен Ба Данга акцентировал внимание на том, что научные результаты в области архитектуры, полученные им в ходе выполнения кандидатской диссертации в СССР, активно внедряются во вьетнамскую практику. Полученные знания позволили ему занять должность заведующего кафедрой теории и истории архитектуры Ханойского архитектурного

института и активно заниматься подготовкой специалистов в области строительства в СРВ (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-453. Оп.1. Д.409. Л. 2)⁴.

Еще одним направлением научного сотрудничества являлась медицина в целом и развитие медицинской промышленности в СРВ в частности.

Примером может служить сотрудничество Ханойского офтальмологического института и Московского научно-исследовательского института глазных болезней имени Гельмгольца в области разработки методик реконструктивных вмешательств при травмах органов зрения.

В 1983 г. в ходе командировки в СРВ советскими специалистами были согласованы "методические и организационные подходы для разработки системы мероприятий по оказанию неотложной помощи при травмах глаза" (ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 51. Д.956. Л. 1). За время их пребывания во Вьетнаме были "установлены деловые и научные контакты по ряду вопросов офтальмотравматологии между специалистами СССР и СРВ" (ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 51. Д.956. Л. 5). Советские ученые отмечали, что "обмен опытом офтальмологов СССР и СРВ по вопросам травматологии чрезвычайно полезен для обеих сторон" (ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 51. Д.956. Л. 5).

Обмен опытом происходил и в области гематологии. Центральный институт гематологии и переливания крови направлял ученых во Вьетнам с целью изучения и выявления гемоглобинопатий на территории СРВ, эффективности лечения острых лейкозов и определения возможностей научного межинститутского сотрудничества. В 1981 г. в период пребывания в СРВ советские ученые посетили медицинские учреждения в Ханое и Хошимине, госпиталь советско-вьетнамской дружбы в Ханое, Министерство здравоохранения Вьетнама. По итогам пребывания советской делегации вьетнамская сторона выступила инициатором расширения сотрудничества, обозначив необходимость обмена опытом в области генетических последствий воздействия ядовитых веществ-дефолиантов, производства кровезаменителей, лечения панмиелофтиза (ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 50. Д.9548. Л. 12).

В отчете о результатах командировки в СРВ ученые и специалисты Центрального института гематологии и переливания крови акцентировали внимание на имевшихся проблемах, связанных с обеспеченностью медицинских учреждений Вьетнама. В частности, отмечался острый дефицит препаратов в онкологической больнице Хошимина и запрос вьетнамской стороны на содействие в обеспечении медицинских учреждений необходимой аппаратурой и лечебными средствами (ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 50. Д.9548. Л. 12).

В результате американской агрессии периода Второй Индокитайской войны Вьетнаму был нанесен серьезный ущерб: использование тактики эконоцида и гераноцида привели к тому, что среди пострадавших от военных действий было значительное количество детей и подростков. Комплексный анализ событий Второй Индокитайской войны представлен в исследованиях отечественных историков [6, 7].

В переписке между специалистами детской больницы № 1 Ленинграда и 1-ой детской больницы Хошимина акцентировалось внимание на том, что сотрудничество между учреждениями может способствовать обмену научным опытом в области диагностики заболеваний и лечения детей и подростков (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп.53-2. Д.536. Л. 123)⁵.

В ноябре 1982 г. ленинградскую больницу посетил Председатель Народного Комитета Хошимина Май Ти Тхо. Во время его визита были обозначены формы сотрудничества между учреждениями, которые предполагали дальнейший обмен информацией и специалистами (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп.55-2. Д.522. Л. 149).

Субтропический климат Вьетнама обусловил чрезвычайно многообразие флоры страны. На сегодняшний день СРВ занимает ведущие места в мире по количеству лекарственных растений. Растения, произрастающие на территории Вьетнама, обладают широким спектром фармакологических свойств. Так, напри-

⁴ ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

⁵ ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

мер, отдельные растения могут применяться как тонизирующее и противовоспалительное средство при различных заболеваниях [12, с. 316].

Значимой вехой в развитии взаимодействия в сфере науки явилось сотрудничество в 1977–1980 гг. Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений и института лекарственных растений в СРВ в области изучения и использования вьетнамских лекарственных и ароматических растений в фармацевтической промышленности (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.111. Д.1531. Л. 6). Результатом взаимодействия стала конкретизация фармакологических свойств вьетнамских лекарственных и ароматических растений, определение возможностей применения в промышленных масштабах.

В 1982 г. группа советских специалистов государственного проектного научно-исследовательского института медицинской промышленности была командирована в СРВ с целью подготовки заключения о возможности использования имеющейся инфраструктуры и оборудования завода глютаминной кислоты "Тхайшон" для производства антибиотиков. Учеными были проведены комплексные работы, включавшие внешнее обследование сооружений и оборудования, изучение данных по инженерному обеспечению завода "Тхайшон", были изучены возможности заводов "Тан Бинь" и "Биен Хоа" по инженерному обеспечению строительства новых цехов для производства антибиотиков. На основании полученных результатов советскими учеными было дано заключение, что использование завода "Тхайшон" для производства антибиотиков не представляется возможным (РГАНТД. Ф. Р-275. Оп. 1 УД ТЗ (1–6). Д.464. Л. 3–4).

Советские специалисты проводили консультации вьетнамских коллег по вопросам разработки проектной документации (РГАНТД. Ф. Р-275. Оп. 1 УД ТЗ (1–6). Д.464. Л. 9). Были рассмотрены альтернативные возможности производства антибиотиков, в том числе предпроектные предложения вьетнамской стороны по созданию опытной установки производства тетрациклина (РГАНТД. Ф. Р-275. Оп. 1 УД ТЗ (1–6). Д.464. Л. 4).

Следует отметить, что отдельные научно-исследовательские работы, проведенные советской стороной в рамках обследования и подготовки заключения о возможности использования инфраструктуры и оборудования завода глютаминной кислоты "Тхайшон" в Хошимине для производства антибиотиков, носили вынужденный характер, вследствие отсутствия у вьетнамской стороны проектной документации завода, включая спецификации на оборудование (РГАНТД. Ф. Р-275. Оп. 1 УД ТЗ (1–6). Д.464. Л. 3). Отсутствие у вьетнамской стороны необходимой документации, привело к увеличению сроков и объемов работ, выполняемых советскими учеными и специалистами.

В целом вклад советских ученых в области медицины и медицинской промышленности был весьма значительным. Ключевыми результатами взаимодействия стали повышение квалификации вьетнамского персонала, обмен опытом, получение новых медицинских и фармакологических данных, конкретизация возможностей медицинской промышленности СРВ.

Еще одним важным направлением сотрудничества СССР и СРВ стали совместные исследования, связанные с освоением космоса. В 1979 г. Вьетнам присоединился к Соглашению о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Основными направлениями советско-вьетнамского взаимодействия стали изучение природной среды с помощью космических средств, космическая метеорология, биология и медицина, изучение физических свойств космического пространства, космическая связь [10].

В 1980 г. в рамках пилотируемого космического полета "Союз-37" по программе "Интеркосмос" состоялась совместная советско-вьетнамская экспедиция на орбитальную научную станцию "Салют-6". Итогами совместной работы космонавтов В. Горбатко и Фам Туана стали получение данных о влиянии невесомости на процессы развития растений, изучение реакции системы кровообращения на невесомость, визуально-инструментальные исследования природной среды в интересах народного хозяйства СРВ [11].

Результаты, полученные в рамках реализации программы "Интеркосмос", внесли существенный вклад в развитие космической отрасли. На современном этапе советское наследие выступает фундаментом, позволяющим Российской Федерации и СРВ развивать национальный научно-технический потенциал в сфере освоения космоса.

Советско-вьетнамское научное сотрудничество осуществлялось и в области естественных наук. Особое значение имело выполнение экспедиционных работ. Так, советскими учеными из Института эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцова Академии Наук СССР совместно с вьетнамскими коллегами была организована экологическая экспедиция в целях проведения исследований природной среды.

В 1981 г. в план исследований Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, куда входил Тихоокеанский океанологический институт, был включен проект "Южно-Китайское море", предусматривающий советско-вьетнамское сотрудничество в сфере науки. В период 1981–1983 гг. учеными Тихоокеанского океанологического института совместно с коллегами из Института морских исследований Национального центра научных исследований СРВ были организованы 9 экспедиций, в ходе которых выполнялись исследования в Южно-Китайском море [1].

Проведение уникальных биолого-акустических, гидрологических и акустических исследований, получение новых данных о пространственно-временных характеристиках естественных электромагнитных полей, определение содержания углеводов в воде и донных осадках, составление схематичной карты позднечетвертичных отложений, реализация технологии целенаправленных комплексных геолого-геофизических и газогеохимических исследований, сбор гидролого-акустических, гидробиологических и метеорологических данных – лишь малая часть научно-исследовательской работы, проделанной в ходе совместных экспедиций [1].

В рамках изучения вопросов оценки водных ресурсов СРВ, географических основ управления этими ресурсами, их рационального использования и охраны значимая научно-исследовательская работа была проведена Институтом географии Академии наук СССР совместно с коллегами из вьетнамского Института ирригации и Института наук о Земле. В изучении сейсмических явлений на территории Вьетнама принимали участие Институт физики Земли имени О. Шмидта, Геологический институт Академии наук СССР, Институт сейсмологии Академии наук УзССР [8, с. 88]. Результатом межинститутского взаимодействия стало расширение имевшихся ранее данных о водных ресурсах Вьетнама, конкретизация возможностей их использования.

Вычислительный центр Академии наук СССР взаимодействовал с вьетнамскими научными учреждениями, работающими в области разработки и внедрения вычислительной науки и техники, подготовки научных кадров. Он оказывал содействие вьетнамским специалистам в разработке математических моделей для проектирования оросительных систем, в использовании математических методов для создания моделей русловых течений рек, во внедрении математических методов в управление экономикой [8, с. 87–88].

В целом сотрудничество СССР и СРВ в сфере науки носило разносторонний и взаимовыгодный характер. В результате взаимодействия СССР расширял имеющийся научный базис, советские ученые и специалисты получали опыт научной деятельности в непривычных природных условиях. СССР был заинтересован в модернизации вьетнамской экономики, внедрении результатов научного взаимодействия в ключевые экономические отрасли, в стабильных и гарантированных поставках качественной вьетнамской продукции. Сотрудничество в сфере науки способствовало укреплению экономического базиса Вьетнама, росту уровня жизни населения, повышению квалификации вьетнамских специалистов, росту конкурентоспособности экспортной продукции, ускорению интеграции в социалистическую экономическую систему.

Вместе с этим факторами, тормозящими развитие научного сотрудничества, являлись недостаточная техническая оснащённость вьетнамских научных учреждений, острая необходимость подготовки "квалифицированных кадров для использования и хорошего управления" современными техническими средствами, недостаток "фундаментальной литературы по всем областям общественных наук" [3, с. 67]. Имелся недостаток технических средств для проведения научно-исследовательских работ, в частности генераторов звуковых частот, генераторов импульсов, детекторов, осциллографов, вольтметров, измерителей, усилителей, микроскопов (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 3095. Л. 9–20). При этом следует отметить, что имевшиеся проблемы решались как на уровне ведомств, так и межправительственной советско-вьетнамской комиссии по научно-техническому сотрудничеству.

В сегодняшней нестабильной геополитической ситуации Вьетнам остается важным стратегическим партнером России. Накопленный опыт взаимодействия в сфере науки дает основания полагать, что существуют перспективы углубления сотрудничества между странами.

Литература

1. Власова Г.А. История сотрудничества Тихоокеанского океанологического института с научными организациями Вьетнама // Российско-вьетнамские океанологические исследования в Южно-Китайском море. Владивосток: ТОИ, 2020. С. 11–52. URL: <https://www.poi.dvo.ru/ru/node/1564> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901883310> (дата обращения: 21.11.2022).
3. Доклад П.Н. Федосеева, обсуждение доклада // Вестник Российской Академии наук 1977. № 5. С. 56–67. URL: http://www.ras.ru/publishing/raserald/raserald_articleslist.aspx?magazineid=3cb0789f-709e-47f8-8d50-b4a910b12ff5&print=1 (дата обращения: 21.11.2022).
4. Министр иностранных дел Вьетнама Буй Тхань Шон провел двусторонние встречи с Министром иностранных дел России Сергеем Лавровым // Электронная газета коммунистической партии Вьетнама – 14.11.2022. URL: <https://ru.dangcongsan.vn/vjetnam-i-rossiya/ministr-inostrannih-del-vjetnama-buj-thanjshon-provel-dvustoronnie-vstrechi-s-ministrom-inostrannih-del-rossii-sergeem-lavrovim-13302.html> (дата обращения: 11.09.2022).
5. Конорева И.А. Проблемы Индокитая на завершающем этапе "холодной войны" и политика СССР // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3(19). Т. 2. С. 281–288. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/21> (дата обращения: 09.11.2022).
6. Конорева И.А. Советский союз и Индокитай, 1943–1976. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. 370 с.
7. Селиванов И.Н., Конорева И.А. Критерии гуманизма в оценках индокитайского конфликта 40–70-х гг. XX в. // Гуманизм как теоретическая и практическая проблема XXI века: философские, социальные, экономические и политические аспекты: доклады и выступления на международной научной конференции 3–4 июня 2004 г. в Российской государственной библиотеке / под ред. А.В. Бузгалина. М.: РОХОС: УРСС, 2004. С. 368–371.
8. Сидоренко А.В. Плодотворное научное сотрудничество (20 лет соглашения о сотрудничестве советских и вьетнамских ученых) // Вестник АН СССР. 1981. № 12. С. 82–89.
9. Советский Союз – Вьетнам. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1982. 656 с.
10. Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях от 13 июля 1976 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901850> (дата обращения: 19.11.2022).
11. Союз-37 // Российский государственный архив научно-технической документации. Памятные даты. URL: https://rgantd.ru/news/pamyatnye-daty/soyuz-37/?sphrase_id=56477 (дата обращения: 17.10.2022).
12. Турова А.Д., Сапожникова Э.Н., Вьен Дьок Ли. Лекарственные растения СССР и Вьетнама. М.: Медицина, 1987. 464 с.
13. Logan William S. Russians on the Red River: The Soviet Impact on Hanoi's Townscape, 1955-90 // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. No. 3. P. 443–468.

References

1. Vlasova G.A. The history of cooperation between the Pacific Oceanological Institute and scientific organizations in Vietnam // Russian-Vietnamese Oceanological Research in the South China Sea. Vladivostok: TOI, 2020. P. 11–52. URL: <https://www.poi.dvo.ru/ru/node/1564> (accessed 12.11.2022). (In Russ.).
2. Treaty of Friendship and Cooperation between the Union of Soviet Socialist Republics and the

Socialist Republic of Vietnam // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901883310> (accessed 21.11.2022). (In Russ.).

3. Report by P.N. Fedoseev, discussion of the report // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1977. No. 5. P. 56–67. URL: http://www.ras.ru/publishing/ras Herald/ras Herald_articleslist.aspx?magazineid=3cb0789f-709e-47f8-8d50-b4a910b12ff5&print=1 (accessed 21.11.2022). (In Russ.).

4. Minister of Foreign Affairs of Vietnam Bui Thanh Son held bilateral meetings with the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov // Electronic newspaper of the Communist Party of Vietnam – 14.11.2022. URL: <https://ru.dangcong san.vn/vjetnam-i-rossiya/ministr-inostrannih-del-vjetnama-buj-thanj-shon-provel-dvustoronnie-vstrechi-s-ministrom-inostrannih-del-rossii-sergeem-lavrovim-13302.html> (accessed 11.09.2022). (In Russ.).

5. Konoreva I.A. Problems of Indochina at the final stage of the Cold War and the policy of the USSR // Uchenye zapiski: electronic scientific journal of Kursk State University. 2011. No. 3 (19). V. 2. P. 281–288. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/21> (accessed 09.11.2022). (In Russ.).

6. Konoreva I.A. Soviet Union and Indochina, 1943–1976. Kursk: Publishing house Kursk. state un-ta, 2011. 370 p. (In Russ.).

7. Selivanov I.N., Konoreva I.A. Criteria of humanism in assessments of the Indochinese conflict in the 1940s–1970s 20th century // Humanism as a theoretical and practical problem of the XXI century: philosophical, social, economic and political aspects: reports and speeches at the international scientific conference on June 3-4, 2004 in the Russian State Library / ed. A.V. Buzgalin. M.: ROHOS: URSS, 2004. P. 368–371. (In Russ.).

8. Sidorenko A.V. Fruitful scientific cooperation (20 years of cooperation agreement between Soviet and Vietnamese scientists) // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. 1981. No. 12. P. 82–89. (In Russ.).

9. Soviet Union - Vietnam. Documents and materials. M.: Politizdat, 1982. 656 p. (In Russ.).

10. 10. Agreement on cooperation in the exploration and use of outer space for peaceful purposes of July 13, 1976 // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901850> (accessed 19.11.2022). (In Russ.).

11. Soyuz-37 // Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation. Memorable dates. URL: https://rgantd.ru/news/pamyatnye-daty/soyuz-37/?sphrase_id=56477 (accessed 17.10.2022). (In Russ.).

12. Turova A.D., Sapozhnikova E.N., Vien Dioc Lee. Medicinal plants of the USSR and Vietnam. M.: Medicine, 1987. 464 p. (In Russ.).

13. Logan William S. Russians on the Red River: The Soviet Impact on Hanoi's Townscape, 1955-90 // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. No. 3. P. 443–468.

Владислав Юрьевич КУДРЯВЦЕВ, аспирант кафедры истории России Курского государственного университета, г. Курск, Россия, e-mail: kudrvl62@mail.ru

Vladislav Yu. KUDRYAVTSEV, Postgraduate Student, Department of History of Russia, Kursk State University, Kursk, Russia, e-mail: kudrvl62@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 15.01.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 09.08.2023

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2023

Научная статья
УДК 81-139
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/114-123>

"Владивосток": топоним, термин, ключевое слово

Светлана Михайловна СОБОЛЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, soboleva.sm@dvfu.ru

Аннотация. Цель исследования – определить, в какой мере метод редукции текста помогает выявить когерентные отношения в речевом произведении. Материалом послужила статья американского политолога Дж. К. Смита и публикация советского журналиста В. Г. Чухланцева, посвящённые встрече советского и американского лидеров в ноябре 1974 года во Владивостоке. Задачи исследования – а) создание редуцированных текстов на основе ключевого слова "Vladivostok/Владивосток"; б) анализ коммуникативных особенностей редуцированных текстов в сравнении с полнотекстовыми версиями; в) извлечение неязыковой информации из редуцированных вариантов статей. Поставленные задачи решаются в рамках лингвопрагматических методов, ориентированных на информационную структуру текста.

Ключевые слова: лингвистика текста, лингвистическая экспертиза, связность текста, владивостокский саммит 1974 года, метод редукции текста, топоним

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Приморского края за помощь в подборе материала исследования.

Для цитирования: Соболева С.М. "Владивосток": топоним, термин, ключевое слово // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 114–123. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/114-123>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/114-123>

"Vladivostok": Toponym, Term, Keyword

Svetlana M. SOBOLEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, soboleva.sm@dvfu.ru

Abstract. The purpose of this linguistic research is to determine a) to what extent the method of text reduction is applicable to identify cohesion links in a speech product; b) to what extent a reduced text is able to maintain its communicative potential. The research is based on two texts – an article by the American political analyst J. K. Smith and a publication by the Soviet journalist V. G. Chukhlantsev. Both texts are dedicated to the meeting of the Soviet and American leaders in November 1974 in Vladivostok. The tasks can be outlined as follows: a) creation of reduced texts on the basis of the keyword "Vladivostok/ Vladivostok"; b) analysis of communicative features of the reduced texts against their full-text versions; c) getting non-verbal information from the reduced versions of the articles. The research relies on linguo-pragmatic methods and focuses on the information structure of the texts and the "addresser factor".

Keywords: text linguistics, forensic linguistics, text coherence, the 1974 Vladivostok summit, text reduction method, toponym

The author expresses gratitude to the staff of the State Archive of Primorsky Krai for their assistance in selecting research material.

For citation: Soboleva S.M. "Vladivostok": Toponym, Term, Keyword // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 114–123. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/114-123>

Исторический, политический и культурный контекст как фактор категории связности

Сегодня Владивосток открыт для тысяч иностранных гостей, в его портах швартуются корабли, прибывающие со всего мира. Однако с 1958 по 1992 год он был закрыт для посещения иностранцами. В городе изредка бывали военные моряки из азиатских государств, прибывавшие сюда либо с визитами дружбы, либо для проведения ремонтных работ. Поэтому двухдневный саммит, состоявшийся-

ся во Владивостоке 23 – 24 ноября 1974 года, стал для жителей города событием историческим. После серии переговоров, проводившихся в октябре 1974 года министром иностранных дел СССР Андреем Андреевичем Громыко и госсекретарем США Генри Киссинджером, Владивосток был выбран как место проведения переговоров между Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым и президентом США Джеральдом Фордом. Результатом их диалога стало Совместное советско-американское заявление, в котором стороны подтвердили намерение заключить новое соглашение по ОСВ (*ограничению стратегических вооружений*) на срок до конца 1985 года [3]. Владивостокская встреча советского и американского лидеров в то время широко освещалась прессой в нашей стране и в США [1; 7; 11; 12], она и сейчас представляет значительный интерес для политологов, историков и специалистов в области вооружений. Подача материалов встречи в научных изданиях, ракурс их освещения в СМИ, выбор соответствующих задаче языковых средств – это предмет для лингвистических изысканий. В числе направлений и школ, рассматривающих обозначенные выше вопросы, находится лингвистика текста. В рамках этого направления анализируются характеристики речевого произведения как инструмента коммуникации и когниции, важнейшими из которых являются информативность, цельность, связность, линейность и законченность [2;4;5]. Объем текста может варьировать от нескольких слов до сотен тысяч, при этом детская считалка, состоящая из одного предложения, текстом является, поскольку она отвечает всем обозначенным характеристикам, а орфографический словарь, включающий сто тысяч словарных единиц – нет. Все вышеназванные характеристики текста весьма сложны для их точного определения. Так, информативность текста часто привязывают к степени новизны его содержания [4], но такое представление значительно сужает понятие текста как высшей формы реализации языковых единиц. Действительно, если бы в тексте мы искали лишь новую информацию, вся мировая литература, кинематограф и ряд музыкальных жанров (песня, опера, мюзикл) перестали бы существовать. Представляет разумным привязывать текстовые характеристики к некоторым легко формулируемым вопросам. Так, информативность коррелирует с вопросом "О чем этот текст?", или "Вы можете пересказать содержание текста?", или "Вы можете назвать главное событие рассказа/ повести/ поэмы?" Линейность можно определить вопросами типа "Какую хронологическую последовательность образуют эпизоды текста?" и "Обнаруживается ли между этими эпизодами причинно-следственная связь?" Наиболее трудно определяемой текстовой характеристикой является связность. В лингвистической литературе термин "когезия" (лат. *cohaesus* – "связанный") часто используется как синонимичный термину "связность" [6; 8; 9]. Оба термина чаще всего привязываются к лексико-синтаксической ткани текста. В этом смысле идеальной иллюстрацией текстовой когезии является грамматический принцип согласования времен в английском языке, работающий как в границах одного предложения, так и в границах сверхфразового единства (абзаца или параграфа). Роман Джеймса Джойса "Ulysses" является примером того, как задача установления в речевом произведении связности возлагается автором на читателя. В конечном счёте именно языковая компетенция читателя является основой для восприятия этого романа как цельного связного произведения, пронизанного единым авторским замыслом.

Общепринятым термином для обозначения связности, проявляющейся не столько в единстве лексико-синтаксических средств, сколько в единстве авторского замысла и коммуникативной цели, является "когерентность". Искушённый и начитанный литературный критик, получивший гуманитарное образование, не сомневается в наличии связности-когерентности в романе "Ulysses", поскольку находит исторические, психологические, биографические и литературные отсылки, сделанные автором. Для читателя с низким уровнем информированности содержание романа "Ulysses" будет недоступно, т. к. его картина мира не содержит тех элементов, которые необходимы для цельного и связного восприятия этого произведения.

Владивосток/ Vladivostok: термин или топоним?

Основной принцип лингвистической прагматики, постулирующий равновеликое, хотя и неодинаковое участие автора и читателя (а в случае устной коммуникации – равновеликое участие говорящего и слушающего) в порождении текста и его последующей интерпретации – плодотворная основа для исследований когерентных свойств речевого произведения [13]. Российские исследователи чаще всего понимают когезию/ связность текста как лингвистическую функционально-семантическую категорию, выражающую "информативно-логическую последовательность высказываний посредством использования системы единиц всех уровней языка и определенных способов употребления этих единиц, выступающих в функции средств выражения этой категории" [5, 152]. Известно, что лексические повторы, в частности, повторы в виде цепочек синонимов, – один из наиболее простых и распространенных способов достижения внутритекстовой когезии. Действительно, в распоряжении адресанта оказывается всё лексическое богатство языка, и лишь степень языковой компетенции может ограничить его в построении номинаций. Искусность автора в создании синонимических повторов, принимающих форму метафор, эпитетов и аллегорий, часто становится предметом не столько лингвистического, сколько литературоведческого исследования [10]. Но каким будет речевое поведение создателя текста, если его тема не позволяет ему прибегать к использованию синонимов, например, если его текст тематически привязан к терминологическому сочетанию, в состав которого входит топоним? Крупные международные политические события часто дают толчок к появлению таких сочетаний. Проводившийся в ноябре 1974 года во Владивостоке саммит не стал исключением, он внёс в русский и английский метаязыки политической терминологии несколько весьма востребованных в своё время лексических единиц. Это терминологические сочетания "владивостокская договорённость 1974 года", "встреча во Владивостоке", "the Vladivostok accord", и "the 1974 Vladivostok working meeting" [7;11]. Очевидно, что топоним "Vladivostok"/ "Владивосток" в этих сочетаниях является семантической доминантой, и именно "Владивосток" будет выступать в качестве основы эквивалентных оппозиций типа "владивостокская договорённость" – "женевская договорённость". Наблюдения показывают, что топонимические компоненты текста, в той или иной степени приближающиеся к статусу термина, способны "держаться на себе" внутреннюю текстовую структуру, т. е. когезию. Интересным примером такого функционирования топонима является статья "SALT After Vladivostok", опубликованная в 1975 году в журнале "Journal of International Affairs" (выпуск 29, № 1) [11]. Автором статьи является Джерард К. Смит (Gerard C. Smith) – в то время специальный представитель президента США по вопросам нераспространения ядерного оружия. Английская аббревиатура SALT расшифровывается как Strategic Arms Limitation Talks – *Переговоры об ограничении стратегических вооружений*. Эти переговоры проходили в форме двусторонних встреч представителей СССР и США по вопросу о контроле вооружений и ограничению ядерных запасов. Очевидно, что топоним "Vladivostok" в данном случае использован в метонимическом значении и означает "встреча во Владивостоке", "саммит во Владивостоке", "владивостокская договорённость". Таким образом, на русский язык название статьи можно перевести как "Переговоры об ограничении стратегических вооружений после владивостокского саммита". Общее количество слов в статье около 4500, топоним "Vladivostok" как в прямом, так и в метонимическом значении использован автором в 24 случаях. При том, что слово "Vladivostok" не является в данной статье избыточно частотным, оно играет существенную роль в формировании функционально-смысловой нагрузки текста. Это становится очевидным, если выписать все предложения статьи, содержащие данный топоним, в линейную последовательность, т. е. в той очередности, в какой они даны автором.

Объем этого мини-текста, состоящего из 24 высказываний, равен 661 слову, т. е. одной седьмой части от оригинального, но при этом мини-текст сохраняет логическую последовательность авторского изложения, и хотя иногда на стыках предложений ощущается актуальный разрыв, мини-текст вполне доступен для чита-

тельской интерпретации, т. е. удовлетворяет требованиям когезии. Несмотря на то, что лексема "Vladivostok" есть в каждом предложении мини-текста, она не кажется назойливой или избыточной. Очевидно, это связано с тем, что "Vladivostok" имеет функцию, близкую функции термина, обеспечивающего корректность и однозначность понимания речевого произведения. Автор использовал топоним "Vladivostok" и в названии статьи, и в первом, и последнем предложениях своего текста – факт, свидетельствующий о том, что он рассматривал "Vladivostok" как ключевое слово для поддержания семантической когерентности.

Редуцированный текст "SALT After Vladivostok"

Мини-текст, будучи переведен на русский язык, сохраняет все свои текстовые характеристики: его можно пересказать (т. е. он выполняет функции локутивного акта), его можно обсуждать с точки зрения коммуникативного намерения автора и эффективности использования языковых средств для воздействия на читателей (т. е. он выполняет функцию иллокутивного акта):

Перспектива переговоров об ограничении стратегических вооружений после Владивостокского саммита

Неожиданным результатом "рабочей" встречи президента Форда и председателя Брежнева, состоявшейся в 1974 году во Владивостоке, стало совместное американо-советское заявление, сделанное накануне подписания окончательного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. Теперь становится понятным, что после того, как соглашение, о котором шла речь во Владивостоке, будет достигнуто, переговоры по сокращению вооружений могут действительно начаться, и в любой момент сокращения могут действительно иметь место. Тот факт, что владивостокская договоренность предусматривает большее количество ракет-носителей ядерного оружия, чем на настоящий момент располагают стратегические силы США, вызывает тревогу, так как США теперь могут приступить к наращиванию своих стратегических вооружений. Если владивостокская договоренность превратится в официальное соглашение по ограничению ядерных вооружений, в следующее десятилетие США будут располагать точными данными о максимальном количестве советских ракет-носителей.

Маловероятно, что в мае на первой пятилетней обзорной конференции, предусмотренной Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), владивостокское соглашение получит высокую оценку – ведь оно ничего не содержит в плане разоружения, хотя и стабилизирует ситуацию. Владивостокская договоренность подвергалась критике и из-за высокой численности войск, и из-за отсутствия какого бы то ни было контроля за полезной нагрузкой ракет-носителей.

На пресс-конференции во Владивостоке госсекретарь Киссинджер сказал: "В соглашении нет ничего, что мешало бы США, если они того пожелают, сократить разрыв в полезной нагрузке". Он подчеркнул: "Если мы не придем к соглашению до наступления 1977 года... то, по моему мнению, вы станете свидетелями взрывного роста в области технологий..." Владивостокское соглашение не может предотвратить такой технологический рост, хотя ограничения в области стратегического планирования в случае "более серьезных, чем ожидалось, угроз" должны привести к снижению мотивации в реализации технологических прорывов.

Срок действия владивостокского соглашения вызывает некоторое недоумение. Выражая надежду, что новое соглашение по ОСВ может быть подписано в 1975 году, госсекретарь на пресс-конференции во Владивостоке 24 ноября 1974 года заявил, "что в течение первых двух лет... положения временного соглашения (1972 года) останутся в силе".

Если уровни вооружений, согласованные во Владивостоке, значительны и если существует положение о последующих переговорах о сокращениях, почему бы не превратить владивостокское соглашение в договор на неопределенный срок? При оценке владивостокского соглашения следует учитывать недавнее советское решение не принимать выдвинутое Конгрессом США предложение добавить определенные условия, направленные на увеличение еврейской эмиграции из СССР, к американо-советским торговым соглашениям 1972 года. Владивостокская дого-

воренность трактует вопросы разоружения в том же самом ключе. Владивостокское соглашение следует оценивать не само по себе, а в связи с согласованным в 1972 году лимитом на оборонительные системы ПРО (*противоракетная оборона*) и другими американско-советскими соглашениями.

Чтобы оценить в полной мере значимость владивостокского соглашения, следует рассматривать его как часть процесса, который продолжается уже более пяти лет. В конце года владивостокская договоренность ввела ограничение наступательных систем, которое несмотря на то, что оно имеет относительно короткий срок действия, можно считать аналогом Договора по ПРО. Этим обстоятельством должны руководствоваться наши переговорщики, когда они будут работать над тем, чтобы преобразовать владивостокскую договоренность в официальное соглашение.

Американская сторона серьезно опасалась, что в рамках договора по ОСВ американские межконтинентальные баллистические ракеты окажутся уязвимы, хотя, как уже отмечалось, допустимый во владивостокском соглашении уровень РГЧ ИН (*баллистические ракеты с разделяющимися головками индивидуального наведения*) позволяет предположить, что администрация, возможно, преувеличила эту опасность и теперь решила "жить" с ней еще несколько лет. Владивостокская договоренность не снимает вопрос об уязвимости межконтинентальных баллистических ракет, поскольку этот вопрос, вероятно, будет осложнять советско-американские стратегические отношения в течение долгих лет. Межамериканский договор о взаимной помощи в сочетании с владивостокской договоренностью – это хороший способ сделать ограничение советских и американских стратегических вооружений необратимым процессом. Необходимо с большой осторожностью подходить к разговору о наших стратегических силах и заявленных стратегиях их возможного применения в экстремальных условиях, если мы хотим избежать дестабилизации ядерного баланса и структуры согласованных ограничений, которые, как мы надеемся, будут разработаны на основе владивостокского соглашения и договора по ПРО [11]. (*перевод Соболевой*)

Проводя редукцию оригинального текста по одному лишь критерию, а именно – наличию в предложениях выборки лексемы "Vladivostok", можно было бы ожидать, что мини-текст будет представлять собой хаотическую последовательность несвязанных между собой предложений. Однако редуцированная статья в целом воспринимается как логически выстроенное произведение с вполне узнаваемым авторским замыслом. В мини-тексте присутствуют элементы семантико-логической структуры, группирующей предложения в чётко оформленные смысловые блоки, состоящие из 3 – 6 предложений:

- Историко-политический контекст саммита во Владивостоке.
- Критика результатов Владивостокской встречи.
- Заявления госсекретаря Киссинджера 24 ноября 1974 года во Владивостоке.
- Перспективы советско-американских отношений в свете Владивостокской договорённости.
- Действия американской стороны для закрепления результатов Владивостокского саммита.
- Нерешённые вопросы.

Рассмотренная статья представляет собой пример политологического исследования, выполненного в характерном для таких исследований научном стиле с элементами публицистики. Информационный повод для её написания – советско-американский саммит – является надёжным источником материала не только для политологических изысканий, но и для многочисленных журналистских публикаций. Цель политической журналистики – предложить читателям не только и не столько событийную основу описываемых фактов, сколько интегрировать эти факты в надлежащий политический и идеологический дискурс.

Редуцированный текст "Владивостокская встреча"

Анализируемая ниже газетная публикация также посвящена владивостокскому саммиту 1974 года и в полной мере соответствует цели политической журна-

листики. Её автор Виктор Григорьевич Чухланцев – один из ведущих приморских журналистов того времени и редактор самой авторитетной краевой газеты "Красное Знамя". Статья объёмом около 1050 слов (что составляет одну треть от статьи, размещённой в "Journal of International Affairs") называется "Владивостокская встреча", она была опубликована 1 января 1975 года на третьей странице газеты "Красное Знамя" в рубрике "Вехи минувшего года" [7]. Топоним "Владивосток" и производное прилагательное "владивостокский", использованные автором 24 раза, явились ключевыми словами для редукции этой статьи. Редуцированный мини-текст из 468 слов представлен 24 высказываниями, каждое из которых содержит либо существительное "Владивосток", либо производное прилагательное "владивостокский":

Владивостокская встреча

Владивостокская встреча Л. И. Брежнева и Дж. Форда, явившаяся поворотным пунктом на пути к приостановлению гонки вооружений, – яркое тому свидетельство. Владивостокская встреча... А спустя десяток дней, когда семьдесят корреспондентов газет и радиотелевизионных кампаний прибыли в район Владивостока для освещения хода переговоров, то уже были тёплые рукопожатия, улыбки и откровенные заявления: "Пресс-центр вэри гуд!" Они понимали, что перед участниками владивостокской встречи стоят крупные международные проблемы, скорейшего разрешения которых ждёт всё человечество.

По прибытии в район Владивостока переговоры продолжились и закончились за полночь. Советско-американская встреча, проходившая в районе Владивостока 23 – 24 ноября, была в полном смысле слова рабочей встречей. Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, рассмотрев итоги владивостокской встречи, целиком и полностью одобрили деятельность товарища Л. И. Брежнева и важные политические результаты переговоров... И вполне закономерно, что Коммунистическая партия, весь советский народ рассматривают итоги владивостокской встречи как новый крупный вклад в осуществление Программы мира... Итоги владивостокских переговоров на высшем уровне горячо одобряют братские партии и народы стран социалистического содружества...

В совокупности с советско-американскими соглашениями, достигнутыми ранее, договорённость во Владивостоке, исходящая из принципов равенства и одинаковой безопасности сторон, определяет большой шаг к практическому ограничению гонки вооружений. Состоявшаяся в районе Владивостока встреча ещё раз с новой силой подтверждает исключительную правильность ленинского внешнеполитического курса нашей Коммунистической партии и Советского государства...

В дни переговоров Владивосток внезапно вошёл в жизнь Америки: о нём заговорили, к его голосу прислушались. Корреспондент столичной газеты "Вашингтон пост" сообщал в те дни из Владивостока: "Этот окружённый живописными холмами и глядящий в бухту Золотой Рог и в Амурский залив город с полумиллионным населением напоминает Сан-Франциско и Сизтл..." На владивостокской встрече при невероятно напряжённой работе Леонид Ильич Брежнев исключительно вдумчиво, с громадной деловитостью, партийной принципиальностью отстаивал интересы нашего государства... Президент США Дж. Форд в интервью журналисту "Ньюсуик", касаясь владивостокской встречи, говорил: "...Брежнев – человек, который может быть то очень общительным, очень приятным в общении, много шутить, то вдруг может стать невероятно серьёзным и проявить высшую твёрдость... Очень приятно не только когда мы вели с ним переговоры, но и за обедом, и во время автомобильной поездки, когда по окончании переговоров мы в течение часа ездил по улицам Владивостока".

В памятные дни владивостокской встречи, результаты которой трудно переоценить, многие американские журналисты своими глазами увидели Советское Приморье, совершили поездку по городу и морскую прогулку на теплоходе, встречались с владивостокцами. Журналисты и теле радиокорреспонденты написали и сказали немало добрых слов о понравившемся им Владивостоке. Перед отлётом на

родину президент США Дж. Форд заявил журналистам: "На мой взгляд, очень хорошо, что для нашей встречи был выбран Владивосток... Я даже сказал Генеральному секретарю: может быть нам в следующий раз встретиться во Владивостоке... Особо мне хотелось бы отметить приятное впечатление от Приморского края и вашего Владивостока".

Да, дальневосточники, все советские люди – гостеприимны для тех, кто стремится к укреплению мира и взаимовыгодному сотрудничеству, и отрадно, что владивостокская встреча внесла в это достойный вклад [7].

Политологическое исследование vs журналистская аналитика

На первый взгляд текст В. Г. Чухланцева не имеет ничего общего с текстом Дж. Смита, кроме информационного повода. Во-первых, различаются тематические акценты. Это вполне объяснимо, так как статья Дж. Смита является научным исследованием, для которого характерен академический стиль и соответствующая проблематика, в то время статья В. Г. Чухланцева представляет собой жанр журналистской аналитики, существенную роль в которой играют элементы пропаганды и направленного речевого воздействия.

Во-вторых, как демонстрируют редуцированные мини-тексты, категория связности более равномерно и последовательно реализуется в статье "SALT After Vladivostok" – авторская интенция, причинно-следственные связи и хронологическая линейность просматриваются в этом мини-тексте более отчётливо, чем в мини-тексте "Владивостокская встреча", особенно в начальных абзацах. Мини-вариант статьи В. Г. Чухланцева демонстрирует некоторую стилистическую небрежность автора, которая бросается в глаза в редуцированной версии, но которая проходит совершенно незамеченной в полнотекстовой (Например, "По прибытии в район Владивостока переговоры продолжились и закончились за полночь"). Другой стилистической особенностью текста "Владивостокская встреча" являются многочисленные популярные в то время клише и речевые штампы, являвшиеся обязательными для такого рода речевых произведений. Очевидно, что написание статей, подобных выше проанализированной, для автора было привычной и в каком-то смысле рутинной работой.

В-третьих, топоним "Владивосток/ владивостокский" в статье В. Г. Чухланцева встречается в три раза чаще, чем топоним "Vladivostok" в статье Дж. Смита – общее количество употребления топонима "Vladivostok/Владивосток/ владивостокский" в обеих статьях равно 24, при этом статья американского автора в три раза больше.

Редуцированный текст как источник экстралингвистической информации

При внимательном рассмотрении становится очевидным, что анализируемые статьи обладают рядом общих характеристик, некоторые из них выпадают из области собственно лингвистического исследования.

Во-первых, для их авторов топоним "Vladivostok/ Владивосток/ владивостокский" не просто географическое название, а терминологическая номинация, кодирующая сложные политические и идеологические сущности. Оба автора производят впечатление людей неслучайных, вовлечённых в описываемые ими события и эмоционально на них реагирующих.

Во-вторых, это кольцевая композиция, формальным признаком которой является использование одного и того же ключевого слова в начальном и конечном предложениях текста. Такой приём диктуется личными стилистическими предпочтениями автора и косвенным образом может свидетельствовать об уровне его профессионализма. В тексте "SALT After Vladivostok" ключевое слово "Vladivostok" используется и в названии, и в первом предложении, и в последнем. Статья "Владивостокская встреча" начинается вступительным абзацем (360 слов), набранным более мелким шрифтом, чем остальной текст. Первое предложение собственно статьи представляет собой повтор названия "Владивостокская встреча", набранное прописными буквами шрифта более крупного, чем остальной текст. Последнее предложение статьи снова содержит сочетание "владивостокская встреча".

Нюансы набора текста и расположения материала редко попадают в область лингвистического исследования, а ведь эти факторы являются важными инструментами визуального воздействия на адресата, и в конечном итоге способствуют или препятствуют выполнению текстом его основной лингво-прагматической функции. Опытный автор никогда не пренебрегает такими деталями. Тот факт, что и Дж. Смит, и В. Г. Чухланцев используют специфические приёмы вербального и визуального воздействия на аудиторию, свидетельствует о том, что они на высоком уровне владеют навыками написания соответствующих текстов. Далеко не все авторы способны применять такие инструменты воздействия. Примером тому служит статья "Руководствуясь интересами мира", напечатанная в краевой газете "Тихоокеанский комсомолец" 28 ноября 1974 года [1]. Эта статья также посвящена владивостокской встрече Л. И. Брежнева и Дж. Форда. Ключевой топоним присутствует в первом предложении статьи, но его нет ни в названии, ни в последнем предложении. Объём статьи составляет около 50% от объёма статьи "Владивостокская встреча", и логично было бы ожидать, что количество употреблений топонима "Владивосток/ владивостокский" будет соответствовать этому соотношению, т. е. 12. Однако этот топоним использован только 5 раз в четырёх предложениях, что недостаточно для создания мини-текста с выраженной категорией связанности. Очевидно, что автор не воспринимает лексемы "Владивосток/ владивостокский" как функционально нагруженные.

Информация о профессиональном статусе Дж. Смита и В. Г. Чухланцева, которая была получена в результате формального анализа их статей, нашла подтверждение в открытых биографических источниках, размещённых в сети Интернет. Джерард Коуд Смит, выпускник школы права Йельского университета, возглавлял делегацию США на переговорах по ограничению стратегических вооружений в 1969 году и в дальнейшем занимал высокие посты на государственной службе. Его перу принадлежат несколько книг.

Виктор Григорьевич Чухланцев, один из ведущих приморских журналистов, в течение многих лет был главным редактором одного из наиболее влиятельных дальневосточных изданий, органа Приморского крайкома КПСС и Приморского краевого Совета депутатов трудящихся, краевой газеты "Красное Знамя".

Факты биографии автора текста и его профессиональной деятельности почти никогда не бывают объектом лингвистического исследования, но нередко являются основанием для проведения лингвистической экспертизы. Поэтому лингвисту-эксперту необходимо обращать внимание на особенности текста, позволяющие составить коммуникативный, речевой или профессиональный портрет автора. Вопросы, которые следствием поставит перед лингвистом-экспертом в рамках уголовного либо гражданского дела на предмет установления авторства или определения степени участия автора текста в тех или иных событиях, могут быть вариантами вопроса "Содержат ли представленные на экспертизу материалы признаки личной вовлечённости автора текста в описываемые им события или какой-либо иной связи автора с данными событиями?", или "Содержат ли представленные на экспертизу материалы признаки, по которым можно судить о степени профессионализма автора?" Предлагаемый метод редукции текста на основе ключевого слова позволяет ответить на эти вопросы.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать ряд выводов:

- редуцированные тексты, созданные на основе ключевых слов, "раскрывают" информацию, которая в полнотекстовых версиях закрыта для адресата. В частности, редуцированный текст позволяет судить о степени компетентности автора в затронутой им теме и о мере его вовлечённости в описываемые им события;
- редуцированная версия научной статьи тем более полно реализует когерентные характеристики, чем более компетентен в своей области автор, чем свободнее он владеет материалом;

- использование редуцированных текстов в лингвистической экспертизе позволяет лингвисту ответить на некоторые вопросы следствия, традиционно вызывающие серьёзные трудности;
- редуцированный текст, созданный на основе качественной профессиональной публикации, сохраняет логико-когнитивные связи и информационные отношения всех частей речевого произведения. Редукция текста по ключевому слову может применяться как машинный вариант реферирования.

Литература

1. Баскаков Э. Руководствуясь интересами мира // Тихоокеанский комсомолец. 1974. 28 ноября. № 142 (4310).
2. Величко М. А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. Вып. 2. С. 39–43.
3. Встреча Леонида Брежнева и президента США Джеральда Форда // РИА Новости. 1974. URL: <https://ria.ru/20141123/1034503373.html> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 140 с.
5. Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1988. 170 с.
6. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. Изд-во Едиториал УРСС, 2020. 158 с.
7. Чухланцев В. Г. Владивостокская встреча // Красное Знамя. 1975. 01 января. № 1 (17231).
8. Bamberg B. What Makes a Text Coherent? // College Composition and Communication, 1983. Vol. 34. No. 4. P. 417–429. URL: <https://www.jstor.org/stable/357898> (дата обращения: 15.12.2021).
9. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, Longman Group Limited, 1974. URL: <https://www.jstor.org/stable/42945277?seq=1> (дата обращения: 12.03.2022).
10. Hoey M. Patterns of Lexis in Text. Oxford: Oxford University Press, 1991. 276 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/studies-in-second-language-acquisition/article/abs/patterns-of-lexis-in-text-michael-hoey-oxford-oxford-university-press-1991-pp-xvii-276-2195/B8375E37D5C14C40694D33A8712C6C2E> (дата обращения: 01.03.2022).
11. Smith G. C. SALT After Vladivostok // Journal of International Affairs. 1975. Vol. 29, No. 1, P. 7–18. URL: https://www.jstor.org/stable/24356471?seq=5#metadata_info_tab_contents (accessed 08.01.2022).
12. Summit at Vladivostok: Asian Affairs: An American Review, Vol. 2, No. 1, 1974. P. 51–52. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/30171354.pdf?refreqid=fastly-default%3Abb97f273486e11c75df6f5af50767278&ab_segments=0%2Fbasic_sear_ch_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results (дата обращения: 08.12.2021).
13. Taguchi N. Pragmatic Development as a Dynamic, Complex Process: General Patterns and Case Histories // The Modern Language Journal. 2011. Vol. 95, No. 4. P. 605–627. URL: <https://www.jstor.org/stable/41413383> (дата обращения: 06.01.2022).

References

1. Baskakov E. Guided by the interests of the world // Tikhookeanskiy Komsomolets. 1974. 28 November. No. 142 (4310). (In Russ.).
2. Velichko M.A. Cohesion and coherence: features of delimitation and definition of concepts // Bulletin of the Adygea State University. 2016. Issue. 2. P. 39–43. (In Russ.).
3. Meeting between Leonid Brezhnev and US President Gerald Ford // RIA Novosti. 1974. URL: <https://ria.ru/20141123/1034503373.html> (accessed 15.03.2022). (In Russ.).
4. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. M.: KomKniga, 2006. 140 p. (In Russ.).
5. Kotyurova M.P. On the extralinguistic foundations of the semantic structure of a scientific text (functional-stylistic aspect). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Univ. Publishing House, 1988. 170 p. (In Russ.).
6. Kubryakova E.S. Nominative aspect of speech activity. M.: Publishing House Editorial URSS, 2020. 158 p. (In Russ.).
7. Chukhlantsev V.G. Vladivostok meeting // Krasnoye Znamya. 1975. 1 January. No. 1 (17231). (In Russ.).
8. Bamberg B. What Makes a Text Coherent? // College Composition and Communication, 1983. Vol. 34. No. 4. P. 417–429. URL: <https://www.jstor.org/stable/357898> (дата обращения: 15.12.2021).
9. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, Longman Group Limited, 1974. URL: <https://www.jstor.org/stable/42945277?seq=1> (accessed 12.03.2022).
10. Hoey M. Patterns of Lexis in Text. Oxford: Oxford University Press, 1991, 276 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/studies-in-second-language-acquisition/article/abs/patterns-of-lexis-in-text-michael-hoey-oxford-oxford-university-press-1991-pp-xvii-276-2195/B8375E37D5C14C40694D33A8712C6C2E> (accessed 01.03.2022).
11. Smith G. C. SALT After Vladivostok // Journal of International Affairs. Vol. 29, No. 1, 1975. P. 7–18. URL: https://www.jstor.org/stable/24356471?seq=5#metadata_info_tab_contents (accessed 08.01.2022).

12. Summit at Vladivostok: Asian Affairs: An American Review, Vol. 2, No. 1, 1974. P. 51–52. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/30171354.pdf?refreqid=fastly-default%3Abb97f273486e11c75df6f5af50767278&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results (accessed 08.12.2021).

13. Taguchi N. Pragmatic Development as a Dynamic, Complex Process: General Patterns and Case Histories // The Modern Language Journal. 2011. Vol. 95, No. 4. P. 605–627. URL: <https://www.jstor.org/stable/41413383> (accessed 06.01.2022).

Светлана Михайловна СОБОЛЕВА, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: soboleva.sm@dvvfu.ru

Svetlana M. SOBOLEVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: soboleva.sm@dvvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 02.08.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 21.08.2023

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2023

Стилистические приёмы в рекламных текстах CCTV

Александр Николаевич СБОЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sboev.an@dvfu.ru

Ирина Владимировна ЦУРИКОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tsurikova.iv@dvfu.ru

Аннотация. В работе проведён анализ стилистических приёмов, используемых в рекламных текстах на каналах центрального телевидения Китая CCTV-3, CCTV-6, CCTV-7, CCTV-10, CCTV-12, CCTV-14 и CCTV-17. Отобранные 100 видеороликов были разделены на 4 группы в зависимости от целевой аудитории с целью проследить взаимосвязь целевой аудитории с выбранными в рекламе стилистическими приёмами. Анализ показал, что выбор стилистических средств, используемых в рекламных текстах, зависит от целевой аудитории, на которую направлена реклама.

Ключевые слова: медиадискурс, реклама, стилистические приёмы, целевая аудитория, CCTV

Для цитирования: Сбоев А.Н., Цурикова И.В. Стилистические приёмы в рекламных текстах CCTV // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 124–134. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/124-134>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/124-134>

Stylistic devices in CCTV advertising texts

Aleksandr N. SBOEV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sboev.an@dvfu.ru

Irina V. TSURIKOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, tsurikova.iv@dvfu.ru

Abstract. The paper analyzes the stylistic devices used in advertising texts on Chinese Central Television channels CCTV-3, CCTV-6, CCTV-7, CCTV-10, CCTV-12, CCTV-14 and CCTV-17. The selected 100 videos were divided into 4 groups depending on the target audience: advertising for children and parents, advertising for young people, advertising for the elderly, universal advertising. The purpose of the study is to determine the interconnection of the target audience with the stylistic devices chosen in advertising. The analysis showed that the choice of stylistic devices used in advertising texts depends on the target audience to which the advertisement is directed. The stylistic devices of advertising CCTV channels are very diverse, there are used not only individually, but also in combination, which allows to show the advantages of goods or service and influence the target audience, encourage consumers to buy.

Keywords: Media discourse, advertising, stylistic devices, target audience, CCTV

For citation: Sboev A.N., Tsurikova I.V. Stylistic devices in CCTV advertising texts // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 124–134. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/124-134>

Введение

Люди каждый день сталкиваются с разными видами рекламы, в том числе при просмотре различных телепередач. Телевизионная реклама давно является частью нашей обыденной жизни. Реклама – это особый коммуникационный инструмент, с помощью которого можно оказывать воздействие на аудиторию. Технические возможности телерекламы позволяют воздействовать визуально и аудиально, а также посредством имплицитной информации, раскрывая актуальный для автора видеоролика смысл [13, с. 307]. В это же время сама реклама, её содержание зависят от социально-культурной среды и целевой аудитории, на которую она направлена, что, в свою очередь, определяет её языковые особенности, как раз с помощью которых осуществляется достижение главной (воздействующей) функции рекламы.

Целью работы является выявление на стилистическом уровне в текстах телевизионной рекламы каналов CCTV связи используемых средств рекламы с целевой аудиторией.

В работе были применены традиционные методы лингвистического анализа. Во время подбора примеров для исследования был использован метод сплошной выборки. Во время анализа и классификации стилистических фигур рекламных роликов были применены описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

В качестве источника рассматриваются 100 рекламных текстов, отобранных авторами на семи каналах CCTV.

Стилевая принадлежность и стилистические особенности рекламы

Рекламу сложно отнести к какому-то конкретному стилю, и вопрос о её функционально-стилевом статусе остаётся открытым. Одни исследователи относят эти тексты к публицистическим, так как они социально ориентированы и нацелены на реализацию какой-либо политики. Другие отмечают, что стилистический облик рекламы определяется многостильностью и контаминацией разных жанров и разновидностей [6, с. 387]. Однако большинство исследователей языка рекламы считают, что в рекламных текстах в разном соотношении, в зависимости от объёма рекламы и её адресата, присутствуют элементы различных функциональных стилей. Н. Н. Кохтев, например, выделяет рекламу как особый стиль, в котором используются средства публицистического и разговорного стилей. Элементы различных функциональных стилей "тесно связаны содержанием, целями и задачами высказывания, различаясь внутриязыковыми признаками: принципами отбора, сочетания и организации средств общенационального языка" [7, с. 14–19]. Рекламным текстам близки присущие публицистическому стилю стремление к экономии языковых средств и установка на их доходчивость и эффективную восприимчивость. Н. И. Шевцова также рассматривает рекламу как разновидность публицистического стиля [12, с. 182].

Ю.С. Бернадская выделяет следующие стиливые принципы, которым должен соответствовать рекламный текст:

- краткость,
- конкретность и точность,
- логичность,
- убедительность,
- простота и доходчивость,
- оригинальность,
- выразительность,
- соответствие товару [2, с. 94].

В целом вариативность и креативность играют важную роль в рекламном языке. Способность постоянно изобретать себя заново, создавать всё новые формы и всё более внезапные элементы неожиданности, чтобы привлечь внимание и оставаться в курсе последних событий, является одной из наиболее типичных черт языка рекламы. Язык рекламы всегда пытался изменить и сломать условности [14]. Любой рекламе присущ определённый набор стилистических особенностей. М.Н. Кожина обращает внимание на то, что в рекламных текстах помимо наличия стандартных средств есть ещё и экспрессивность для эффективности воздействия на адресата, которая достигается побудительностью, оценочностью, адресованностью. Эти черты достигаются с помощью особого построения текста. Рекламный текст по форме может быть как монологическим, так и диалогическим, по типу речи повествованием, описанием или рассуждением, может использоваться драматическая форма, с сюжетом, также текст может обладать рифмой. Активно применяются юмористические способы создания текста, а именно: шутка, пародия, приём обманутого ожидания, алогизмы и т. п. Тексты коммерческой рекламы оказывают эмоциональное воздействие, если демонстрируют обращённость производителя к интересам адресата, используют авторитет специалиста, вызывают в воображении мысли о празднике или отдыхе, используют стремление человека к победам, успеху. Подобные тексты наполнены положительно-оценочной и эмоционально-оценочной лексикой. Для создания выразительности упо-

требляются многочисленные стилистические приёмы – тропы и фигуры речи [6, с. 388].

Ю.С. Бернадская пишет, что рекламный текст должен быть привлекательным, что в значительной степени зависит от специфики заголовка, слогана, эхо-фразы [2, с. 96]. Ю.С. Бернадская, как и М.Н. Кожина, также отмечает, что важное значение при создании рекламы имеют образные средства – тропы, т. е. обороты речи, в которых слово или выражение употреблены в переносном значении. К тропам относятся метафоры, эпитеты, метонимии, гиперболы, литоты, сравнения, олицетворения, синекдохи, аллегории и другие обороты.

Несмотря на то, что вопрос о функционально-стилевом статусе рекламы по-прежнему остаётся открытым, стилистические средства, используемые в рекламе, активно изучаются. Тем не менее при всём разнообразии языковых средств воздействия, которое характерно для рекламных текстов, не стоит забывать, что насыщенность вербальной части рекламы различными стилистическими средствами вовсе не служит гарантией успеха. Отличительным признаком удачной рекламы является гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами, которые данной идее наиболее соответствуют. Это выражается, в частности, в нахождении той единственно верной тональности рекламного обращения, которая придаёт тексту особую энергетику, усиливая его совокупное образно-языковое воздействие на массовую аудиторию [4, с. 144]. Следовательно, к выбору стилистических средств нужно подходить с осторожностью, они должны отвечать основной цели рекламы, быть привычными для целевой аудитории, и их не должно быть слишком много.

Китайская телевизионная реклама

28 января 1979 г. в китайской истории появилась первая телереклама, которую показывали восемь раз по Шанхайскому каналу. В декабре 1979 г. CCTV начала транслировать рекламу товаров и магазинов по пять минут в день. В октябре 1987 г. на CCTV была открыта новая гуманитарная реклама, появление которой повысило авторитет телеканала [9]. В 1995 г. был принят основной "Закон о рекламе КНР". Он был разработан для того, чтобы упорядочить деятельность в сфере рекламы, содействовать здоровому развитию рекламной отрасли, защищать законные права и интересы потребителей, поддерживать социально-экономический порядок и раскрыть активную роль рекламы в социалистической рыночной экономике. Под рекламой в данном Законе понимается коммерческая реклама [5]. Телевидение Китая за счёт политического регулирования находится под стабильной защитой. По данным на 2009 г., около 90% передач, фильмов и рекламы являлись продукцией отечественного производства [8, с. 81]. В настоящее время существует двадцать телеканалов CCTV общенационального характера, которые охватывают практически все основные сферы общественной жизни страны. Китайское телевидение, по данным на 2016 г., охватывало вещанием более 1,1 млрд человек, что составляло 90% всей численности населения [3, с. 146–147], а в 2020 году уже 1,24 млрд человек [15]. Реклама на китайском телевидении открыто обозначается и занимает 20% времени по будням и 10% по выходным дням [10, с. 233].

В целом для китайской телевизионной рекламы характерны следующие особенности:

1) В большинстве исследуемых роликов объект показан в сопровождении субтитров. Таким образом, звуковые эффекты, слова, картинка, иероглифы в широком смысле могут быть названы языком рекламы. Язык телерекламы проявляется в двух формах: звуковой – голос диктора или актёра, и визуальной – надписи на экране.

2) Многие ролики сопровождаются справочным материалом: номером телефона горячей линии, либо QR-кодом, который направляет на сайт производителя либо на его магазин в приложении WeChat (微信).

3) Рекламные ролики длятся от 5 секунд до 2 минут, чаще всего встречаются ролики длительностью около 15 секунд.

4) Тематическая структура рекламы культуроспецифична, она связана с традициями Китая. Так, присутствует большое количество рекламы риса, чая и лекарств китайской медицины.

5) Рекламные ролики отличаются между каналами по своей направленности. Так, для детского канала (CCTV14-少儿) характерна реклама детских товаров. Вместе с тем есть ролики, которые появляются на разных каналах.

6) К числу наиболее часто рекламируемых товаров относятся лекарственные препараты и продукты питания.

7) Реклама затрагивает все возрастные группы людей, от детей до пожилых людей. И, соответственно, в рекламе, направленной на ту или иную группу, часто принимает участие её представитель.

Особенности рекламных текстов в зависимости от целевой аудитории

Рекламные тексты можно разделить на категории в зависимости от направленности на определённую аудиторию: пожилых людей, молодых женщин, родителей и т. д. Направленность рекламного текста на целевую аудиторию тесно взаимосвязана с объектом рекламы. Так, реклама, ориентированная на пожилых людей, сосредоточена в основном на товарах для здоровья, а реклама для детей – на сладостях или игрушках. Реклама, направленная на молодых обеспеченных женщин, часто сосредоточена на модной одежде, предметах дорогой косметики, парфюмерии. Аналогично объекту рекламы направленность рекламы на определённый сегмент массовой аудитории влияет на язык и стиль рекламного текста [4, с. 141]. Так, язык рекламы напрямую зависит от целевой аудитории и общей целеустановки. Навряд ли стоит использовать бытовой язык, описывая какой-либо технический товар [2, с. 93]. Таким образом, для придания воздействующей силы создатели рекламных сообщений пользуются всей стилистической палитрой языка. Коммерческая реклама делит аудиторию не только по степени материальной состоятельности, но и по полу, возрасту. В рекламе для подростков и молодёжи обращаются к разговорности, иногда к жаргону, в рекламе для женщин используется высокая поэтика, которая позволяет влиять эмоционально, для текстов, направленных на мужчин, предпочтительно употребление фактологической аргументации, выражающейся в опоре на научный или официально-деловой стиль [6, с. 392]. Так как хорошее рекламное сообщение должно отражать текущие социальные ценности и тенденции, рекламировать товары людям пожилого возраста и молодёжи, используя одни и те же стилистические средства не имеет смысла [1, с. 81].

Все отобранные нами 100 рекламных роликов на каналах CCTV-3 综艺 (Искусство и развлечения), CCTV-6 电影 (Кино), CCTV-7 国防军事 (Военный), CCTV-10 科教 (Наука и образование), CCTV-12 社会与法 (Общество и закон), CCTV-14 少儿 (Детский), CCTV-17 农业农村 (Сельскохозяйственный) мы разделили на 4 группы по целевой аудитории:

- реклама для пожилых,
- реклама для молодёжи,
- реклама для детей и родителей,
- реклама для всех.

Реклама, ориентированная на пожилых людей, сосредоточена в основном на товарах для здоровья, в особенности лекарственных препаратах. Часто рекламируются товары для суставов, а реклама для детей – на сладостях (желе, печенье) или игрушках. Родителям рекламируют детские молочные смеси и другие продукты питания для детей, а также полезные гаджеты, например, умные часы, позволяющие отслеживать местоположение ребёнка. Как отмечает О. И. Шабалина: "Родители изображаются либо в роли покупателей товаров для детей; либо заботящихся об их здоровье, досуге, успеваемости в школе и т. д." [11, с. 122]. Реклама для молодёжи сосредоточена на украшениях, машинах, гаджетах и прочем.

Все рекламные ролики были разделены на группы по целевой аудитории для того, чтобы обозначить концептуальную структуру современной рекламы, а также ответить на такие вопросы, как: насколько зависит выбор стилистических

средств от целевой аудитории, на которую направлена та или иная реклама, как именно стилистика рекламы связана с аудиторией, какие стилистические особенности характерны для рекламных текстов, предназначенных для определенной группы людей.

Учитывая общие стилистические особенности рекламы и применяя их к выделенным группам, можно говорить об определённых особенностях, присущих конкретной из групп.

Для рекламных роликов, которые предназначены для детей и родителей, характерно применение следующих стилистических приёмов:

Опосредованное сравнение:

哇! 红色的奥利奥! 还有字。年年有福。爷爷! 牛。牛气冲天! 扭一扭, 泡一泡。大吉大利。一起奥利奥 玩出年味道! ("红色的奥利奥" (Орео)). – Реклама печенья Орео: *Вау! Красное "Орео"! Ещё и с иероглифами. Ежегодного благополучия. Дедушка! Бык. Бычьего упрямства! Покрути, обмакни. Много счастья и успеха. Вместе с "Орео", насладись вкусом Нового года!* В данном примере под вкусом Нового года подразумевается вкус нового печенья Орео. Это сделано для того, чтобы побудить людей покупать печенье к новогоднему столу, потому что без него не будет ощущения праздника.

Повтор:

不管你在哪里, 一个电话 马上能找到你, 马上能找到你, 马上能找到你。 ("小天才 电话手表"). – Реклама умных часов для детей: *Не важно где ты, один телефонный звонок тут же найдёт тебя, тут же найдёт тебя, тут же найдёт тебя.* Здесь повторяется основная функция часов для того, чтобы сделать акцент на преимуществе товара. В данном примере также используется олицетворение, так как телефонный звонок не может найти ребенка, а родитель, позвонив на часы, сможет.

开心时间巧克趣。开心时间, 开心时间巧克趣, 巧克趣真好吃, 饼干条沾巧克力。我们大家都爱吃。开心时间巧克趣。 ("开心时间 巧克趣"). – Реклама печенья с шоколадом: *Печенье "Кайсинь шицзянь", "Кайсинь шицзянь", печенье "Кайсинь шицзянь Цяокэцзюй", печенье "Цяокэцзюй" очень вкусно, макните печенье в шоколад. Мы все его очень любим есть. Печенье "Кайсинь шицзянь Цяокэцзюй Цяокэцзюй" ("Счастлирое время шоколадное веселье").* Здесь также повторяется название товара для лучшего запоминания.

Парное построение:

长大 我要开航天飞机。带妈妈去太空旅游。妈妈给我鼓励 还有我爱吃的喜之郎果冻。童年梦想 成就未来。喜之郎 多点关心多点爱。 ("喜之郎" (Cici)). – Реклама мармелада: *Когда я вырасту, я буду летать на космическом корабле, и возьму маму в космическое путешествие. Мама поощряет меня и даёт мармелад "Strong", который я люблю. В детстве мечтаем – осуществляем в будущем. Желе "Strong" большие заботы и большие любви.* В этом примере парное построение "в детстве мечтаем – осуществляем в будущем" зеркальное, в первой части сначала временной промежуток, а потом глагол, а во второй части наоборот. А во фразе "больше заботы и больше любви" парно построены отдельные слова. Парное построение также способствует запоминанию текста рекламы и самого товара.

Последовательное построение:

第一个期待 第一份关怀 第一次选择 完达山菁菜奶粉 真品质 放心每一克。为所爱尽所能 完达山。 ("完达山 菁菜 奶粉"). – Реклама молочной смеси: *Первая надежда, первая забота, первый выбор, сухая молочная смесь "Ваньдашань цзинцзай найфэн", настоящее качество, будьте уверены в каждом грамме, всё возможное ради любви. "Ваньдашань".* Здесь последовательно построены словосочетания "первая надежда, первая забота, первый выбор", чтобы обратить внимание покупателя на достоинства товара.

Гипербола:

澳牧儿童成长牛奶 来自澳大利亚专属 黄金牧场。哇, 超好喝。澳牧儿童成长牛奶 澳大利亚 原装进口。Australia's own 澳牧。 ("儿童成长牛奶"). – Реклама детского молока: *Детское молоко с австралийских лугов для роста производится на специальном золотом ранчо Австралии. Вау, супер вкусно. Детское молоко с австралийских лугов*

для роста импортируется из Австралии в исходной упаковке. *Australia's own*. В данном примере гиперболой является фраза *超好喝 супер вкусно*, обозначающая преимущество товара.

Для рекламных роликов, которые предназначены для молодёжи, характерны следующие стилистические приёмы:

Гипербола:

我的炫迈口香糖可以嚼多久。现在 未来 时空转变。不变的是炫迈的美味。根本停不下来。炫迈无糖口香糖。美味持久 久到离谱。(“炫迈 Stride”)。– Реклама жевательной резинки: *Как долго я могу жевать жевательную резинку "Stride"? Сейчас, в будущем, время и пространство меняются. Что остаётся неизменным, так это вкус "Stride". Просто не могу остановиться. "Stride" жевательная резинка без сахара. Вкус держится долго, долго до нереальности. Здесь продолжительность, с которой сохраняется вкус жевательной резинки, является преувеличением. В данном примере также используется парное построение *现在未来 сейчас, в будущем*, и последовательное присоединение *美味持久 久到离谱 вкус держится долго, долго до нереальности*, первая часть заканчивается на *久 долго*, а вторая начинается.*

Парное построение:

什么才是高档装修? 密缝铺贴 才高档 简一大理石瓷砖 密缝铺贴 效果更出彩 空间更大气 高档装修 不用大理石 就用简一。(“简一 大理石瓷砖”)。– Реклама керамической плитки: *Что такое элитная отделка? Выкладка плотным швом только высокого класса, керамическая плитка "Цзяньи", выкладка плотным швом, результат более выдающийся, пространство более атмосферное, высококачественная отделка, нет необходимости в мраморе, просто используйте "Цзяньи".* В данной рекламе парно построены существительные и наречие *更 более* в сочетании с прилагательными. В данном случае также используется противопоставление данной плитки и плитки среднего качества, тем самым доказывается преимущество именно этого товара.

Последовательное построение:

苹果, 橙子, 萝卜, 鸡蛋, 大米, 花果茶, 买吃的喝的, 就上淘宝特价版。口红, 面霜, 衣服, 袜子, 纸巾, 电动牙刷, 买穿的用的, 就上淘宝特价版。(“淘宝特价版App”)。– Реклама приложения: *Яблоки, апельсины, морковь, яйца, рис, цветочно-фруктовые чаи, чтобы купить то, что можно есть и пить, заходите в специальную версию приложения Таобао. Помады, кремы, одежда, носки, полотенца, электрические зубные щётки, чтобы купить то, что можно носить и использовать, заходите в специальную версию приложения Таобао.* Здесь последовательно перечисляются товары, которые можно купить в приложении (яблоки, апельсины, морковь и т. д.), все эти слова состоят из двух иероглифов, за исключением *花果茶 цветочно-фруктовые чаи* и *电动牙刷 электрические зубные щётки*, но они создают рифму. В этом примере также используется парное построение глаголов с атрибутивной частицей *的*: *吃的喝的,穿的用的 то, что можно есть и пить, то, что можно носить и использовать.*

Скрытое сравнение (метафора):

你永远是我的优乐美。我要把你捧在手心里。奶茶 我爱优乐美。(“优乐美奶茶”)。– Реклама молочного чая: *Я твоя "Юлэмей"? Ты всегда будешь моей "Юлэмей". Я хочу держать тебя в руках и в сердце. Молочный чай, я люблю "Юлэмей".* В этом примере сравнивается чай с любимым человеком, который также хочется держать в руках и в сердце.

Каламбур:

"玉"见赫峰 "石"时相伴 赫峰台面 温暖你我。(“Horizon”)。– Реклама столешницы: *Встречайте "Horizon", всегда с вами, столешница "Horizon" согревает нас с вами.* В данном примере мы видим элемент языковой игры, основанной на омонимии. Вместо *遇* в *遇见* *встречать* используется *玉 нефрит* и вместо *时* в *时时相伴* *всегда вместе* используется *石 камень*, чтобы подчеркнуть, что столешница выполнена из качественных материалов.

匠心练就明星 超级都市SUV。风光580星版。匠心"智"造 闪耀上市 星的热爱。(“风光580星版”)。– Реклама автомобиля: *Мастерство делает супер-городской внедорожник звездой. Версия "Фэнгуан 580 синбань". Гениальное производство, сверкая, появляется в продаже, звёздная любовь.* В данном примере также на основе омонимии вместо

制 制造 *производство* используется *智 мудрость, ум*, чтобы подчеркнуть, что компания относится к производству автомобилей с умом.

Противопоставление:

非蓝1号 专业的燃气灶电池 高温下更耐用 打火突破4500次 燃气灶电池 就用非蓝1号 全国销量领先。 ("非蓝1号"). – Реклама батареек: *Специализированные батарейки "Фэйлань" № 1 для газовой плиты более долговечны при высокой температуре, а воспламенение превышает 4500 раз. В батарее газовой плиты используется батарея "Фэйлань" № 1, которая лидирует в стране по продажам.* В этом примере противопоставляются специализированные батарейки и обычные батарейки, чтобы доказать, что батарейки этого производителя действительно лучшие.

Олицетворение:

头屑总说你坏话。海飞丝深入毛囊持久去屑别让头屑说坏话。 ("Head&Shoulders"). – Реклама шампуня против перхоти: *Перхоть всегда говорит о вас плохо. "Head&Shoulders" глубоко проникает в волосяные фолликулы, чтобы надолго избавить от перхоти. Не позволяйте перхоти говорить о вас плохо.* Здесь перхоть наделяется способностью человека говорить, таким образом перхоть воспринимается как противник, которого можно одолеть с помощью шампуня.

Для рекламных роликов, которые предназначены для пожилых, характерно применение следующих стилистических приемов:

Повтор:

足力健 年货大礼包来了。新鞋 新衣 新年货 回家过年 足力健。足力健 年货大礼包 新鞋 新衣 新年货 专为老人脚型设计的新款足力健老人鞋 新春上市。特别研发 动态助力系统 后脚跟内置 吸能暖震垫 缓解落地冲击力 前脚掌搭载 助力高弹片 增强起步回弹力 软弹助力 走路轻快脚不累。 ("足力健"). – Реклама товаров для пожилых: *"Цзулицзянь" ("Сила ног"), новогодние подарки прибыли, новая обувь, новая одежда, новогодние товары. Возвращайтесь домой на китайский Новый год, "Цзулицзянь". "Цзулицзянь" новогодний подарочный набор, новая обувь, новая одежда, новогодние товары, обувь для пожилых "Цзулицзянь" создана специально для стоп пожилых, выпущена к Новому году. Специально разработанная система динамического усиления, встроенная задняя пятка, энергопоглощающая тёплая амортизирующая подкладка для облегчения удара при приземлении, передняя часть стопы оснащена высокопрочными эластичными вставками для повышения стартовой устойчивости, мягкая эластичная опора для быстрой ходьбы без усталости ног.* В данном примере повторяется прилагательное *新 новый*, так как товары приурочены к Новому году, а также повторяется название для запоминания. Здесь также используется последовательное построение отдельных слов (новая обувь, новая одежда, новогодние товары), чтобы обратить внимание на то, какие товары рекламируются.

Явное сравнение:

– 爷爷，奶奶 这是给你们买的足力健。

– 过新年就要穿新鞋。这新款足力健 缓震可好了 让您走路更轻松 更省劲。

– 确实轻松。

– 就像踩在弹簧上 走起路来特别轻快。

– 这足力健运动服也太好看了。

– 真合身 跟量身定做的一样。 ("足力健老人鞋"). – Реклама обуви для пожилых: – *Дедушка, бабушка, это вам "Цзулицзянь" ("Сила ног").*

– *Отмечать Новый год нужно в новой обуви. Это новая модель "Цзулицзянь", хорошая амортизация сделает вашу прогулку более лёгкой и менее напряжённой.*

– *Действительно легко.*

– *Словно встаешь на пружину, очень легко ходить.*

– *Спортивная одежда "Цзулицзянь" ещё и очень красивая*

– *Идеальная посадка, как будто сделано на заказ.*

В данном примере хорошая амортизация, которая позволяет легко ходить, сравнивается с пружиной, чтобы зрителям было проще понять достоинство товара.

Олицетворение:

我是肺, 人类的生命 依赖我每天超20000次的呼吸。我也容易受外邪入侵 咳嗽 气喘 是我不健康的表现。关注肺健康 中药补肺丸。组方源自600年前补肺汤。补肺益气 止咳平喘。治疗喘咳 气短 干咳 痰黏。你需要注意补肺 中药补肺丸 专治咳痰喘。 ("中药补肺丸")。 – Реклама препарата для укрепления лёгких: *Я лёгкие, и от моих более чем 20 000 вдохов в день зависит жизнь человека. Я также уязвим для внешних неблагоприятных условий. Кашель, астма – все это проявления моего нездоровья, обратите внимание на здоровье лёгких, пилюли китайской медицины для укрепления лёгких "Чжунъяо буфэй-вань". Рецептuru получена из отвара для укрепления лёгких 600 лет назад, укрепляет лёгкие и пополняет Ци, останавливает кашель и устраняет симптомы астмы. Лечит астму, одышку, сухой кашель и вязкую мокроту. Вам необходимо обратить внимание на укрепление лёгких. Пилюли китайской медицины для укрепления лёгких "Чжунъяо буфэй-вань" специально используются для лечения кашля, мокроты, одышки.* В данном случае реклама ведётся от лица лёгких, чтобы обратить внимание людей на то, как важно заботиться об этом органе, и побудить купить средство, которое в этом помогает.

Парное построение:

这老人冬天出门就拍俩事儿, 一是天冷冻脚, 二是走路打滑。我建议您现在就换上 足力健老人鞋 又舒服, 又暖和, 出门不冻脚, 更安全。 (足力健老人鞋)。 – Реклама обуви для пожилых: *Когда пожилые люди зимой выходят из дома, тут же возникают две проблемы, одна – это ноги мёрзнут, а вторая – скользят. Я советую вам переобуться в обувь для пожилых "Цзулициянь" ("Сила ног"), в ней удобно и тепло, выходя на улицу ноги не замерзают, что ещё безопаснее.* Здесь используется одинаковая конструкция при упоминании двух проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди зимой, а именно числительное со связкой 是 и четыре иероглифа, обозначающие эти проблемы. В данном примере также употребляется парное построение (又舒服, 又暖和 удобно и тепло) и противопоставление со старой моделью, чтобы показать, что новая модель 更安全 ещё безопаснее, все это подчёркивает достоинства товара.

Последовательное построение:

寒冷冬季 咳 痰 喘 你补过肺吗? 喘咳 气短 干咳 痰黏 你需要注意补肺。 ("中药补肺丸")。 – Реклама таблеток для укрепления лёгких: *Зимой кашель, мокрота, одышка, ты укреплял лёгкие? Одышка с кашлем, нехватка воздуха, сухой кашель, вязкая мокрота. Тебе необходимо обратить внимание на укрепление лёгких.* Здесь в первом предложении последовательно перечисляются три симптома, с которыми сталкиваются пожилые люди (кашель, мокрота, одышка). В этом примере также используется парное построение четырёх симптомов во втором предложении, которые состоят из двух иероглифов (喘咳 气短 干咳 痰黏 одышка с кашлем, нехватка воздуха, сухой кашель, вязкая мокрота).

Универсальная реклама включает в себя особенности всех групп.

Таким образом, можно отметить, что для всех категорий характерно парное и последовательное построение. Наиболее распространённым видом параллелизма является последовательное построение членов предложения, в особенности отдельных слов. Однако для рекламы, направленной на молодёжь, также характерно построение целых предложений. Повтор характерен не только для рекламы, направленной на пожилых, но и направленной на детей (особенно дошкольного возраста) для лучшего запоминания, в основном повторяются слова, характеризующие назначение товара, и названия. В рекламе для детей и родителей могут повторяться целые предложения. В рекламе для молодёжи повтор не встречается вообще. Что касается сравнения, то для рекламы, направленной на пожилых, характерен только наиболее простой его вид – явное сравнение. В рекламе для молодёжи, для детей и родителей данный приём не используется. В рекламе для детей и родителей встречается опосредованное сравнение, а для рекламы, направленной на молодёжь, характерен наиболее сложный вид сравнения – метафора. Рекламе для молодёжи также характерен каламбур. В целом для рекламы свойственно редкое использование таких приёмов, как гипербола, олицетворение и противопоставление. Результаты исследования представлены в виде табл. 1.

Приёмы	Целевая группа			
	Пожилые	Молодёжь	Дети и родители	Все
Опосредованное сравнение			+	+
Повтор	+		+	+
Парное построение	+	+	+	+
Последовательное построение	+	+	+	+
Гипербола		+	+	+
Каламбур		+		+
Скрытое сравнение		+		+
Противопоставление		+		+
Олицетворение	+	+		+
Явное сравнение	+			+

Табл. 1. Результаты исследования.

Источник: составлено авторами.

Table 1. Research results.

Source: compiled by the authors.

Выводы

Чтобы повысить образность рекламы, привлечь аудиторию, усилить впечатление аудитории от рекламируемого продукта, необходимо уделять внимание стилистике, усиливать выразительность при создании рекламы. В соответствии с разными видами рекламы, различными типами аудитории и разными видами товаров выбираются конкретные стилистические средства. Однако при всём разнообразии языковых средств воздействия, которое характерно для рекламных текстов, не стоит забывать, что удачной рекламой является та, в которой гармонично соединены основная рекламная идея и наиболее соответствующие ей средства.

Стилистические средства китайской телевизионной рекламы разнообразны и используются не только по отдельности, но и в совокупности, чтобы лучше достичь основной цели. В результате анализа рекламных роликов, разделённых в зависимости от целевой аудитории, был сделан вывод, что парное и последовательное построение характерно для всех категорий рекламы, так как данные приёмы позволяют придать тексту ритм, яркость и убедительность, что улучшает художественное самовыражение, усиливает выразительность и эмоциональное воздействие текста, а также делает язык рекламы сжатым и усиливает коммуникативный эффект за счёт единообразной структуры и гармоничного звучания. Наиболее распространённым видом параллелизма является последовательное построение членов предложения (отдельных слов). Однако для рекламы, направленной на молодёжь, также свойственно последовательное построение целых предложений. Повтор используется не только в рекламе, направленной на пожилых, но и направленной на детей (особенно дошкольного возраста), чтобы выделить отдельные компоненты, придать им особый смысл, а также для лучшего запоминания. Явное сравнение используется в рекламе, направленной на пожилых, так как память пожилой аудитории имеет свойство ухудшаться, опосредованное сравнение – в рекламе для детей и родителей, потому что детская аудитория мыслит просто, а скрытое сравнение – в рекламе для молодёжи, так как она обладает активным мышлением. Каламбур встречается только в рекламе для молодёжи, так как подобная реклама может выразить более глубокий смысл и передать

большее количество информации. В целом для рекламы характерно редкое использование таких приёмов, как гипербола, олицетворение и противопоставление. Самыми распространёнными стилистическими средствами являются явное и скрытое сравнение, парное построение, последовательное построение, повтор (последовательное повторение). Все это доказывает, что выбор стилистических средств, используемых в рекламных текстах, зависит от целевой аудитории, на которую направлена реклама. Так или иначе, все стилистические средства рекламных текстов выполняют свою функцию, а именно: информирования, убеждения, воздействия и побуждения к приобретению рекламируемого продукта.

Таким образом, китайская реклама, как и любая реклама в мире, нацелена на привлечение людей, побуждение их к приобретению товара или услуги, а чтобы достичь этого, используется весь арсенал языковых и неязыковых средств, в том числе вся стилистическая палитра языка. Стилистические средства рекламы каналов CCTV очень разнообразны, они используются не только по отдельности, но и в совокупности, что позволяет ещё лучше раскрыть достоинства товара или услуги, повлиять на целевую аудиторию и побудить её к покупке.

Литература

1. Базанова А. Е. Особенности языка рекламы как одной из разновидностей средств массовой коммуникации / А. Е. Базанова, Н. П. Кириленко // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2013. № 2. С. 78–82.
2. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов ВУЗов, обучающихся по 032401 (350700) "Реклама". М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.
3. Ван Юэ. Основные традиционные каналы внешней коммуникации в Китае // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 142–150.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
5. Закон КНР "О рекламе" // Официальный сайт Торгового представительства Российской Федерации в Китайской Народной Республике. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-useful-info/China_law_reklama.pdf (дата обращения: 30.01.2023).
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 464 с.
7. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова. М.: МГУ, 1997. 96 с.
8. Ли Хун. Китайское телевидение на современном этапе // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2009. № 3. С. 78–82.
9. Ли Янь. Основные периоды в развитии национального телевидения Китая (1958–1990 г.) // Электронный научный журнал "Медиаскоп". 2006. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/основные-периоды-в-развитии-национального-телевидения-китая-1958г-1990г> (дата обращения: 07.03.2022).
10. Меньшикова Г. А. Телевидение в системе социального управления (сравнительный анализ телевизионных передач России и Китая) / Г. А. Меньшикова, Т. А. Санжимитупова, Хуан Синь // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 1. С. 224–235.
11. Шабалина О. И. Социальная идентификация персонажей в телевизионной рекламе Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2013. Т. 13. № 3. С. 114–125.
12. Шевцова Н.И. Стилистика Современного китайского языка: курс лекций. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. 264 с.
13. Чжу Ц. Ценностные ориентации имплицитной информации в российской и китайской телерекламе / Ц. Чжу, Л. Г. Золотых, Ю. А. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 10. С. 307–312. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.60>.
14. Sekhar T. R. Stylistic features in advertising language: a brief study // Research Journal of English Language and Literature (RJELAL). 2017. Vol. 5. Issue 4. P. 309–315. URL: <http://www.rjelal.com/5.4.17a/309-315%20Dr.%20T.%20RAJA%20SEKHAR.pdf> (дата обращения: 18.02.2022).
15. 2020中国媒体市场趋势 // 央视市场研究. URL: https://www.ctrchina.cn/static/upload/20200907meiti_20210511174038221.pdf = Тенденции медиарынка Китая 2020 года // Исследование рынка Центрального телевидения Китая (дата обращения: 20.04.2023).

References

1. Bazanova A.E. Features language of advertising as one of the species of mass communication / A.E. Bazanova, N.P. Kirilenko // RUDN journal of Studies in literature and journalism. 2013. Vol. 2. P. 78–82. (In Russ.).
2. Bernadskaya Yu. S. Text in advertising: textbook for university students studying on the specialties 032401 (350700) "Advertising". M.: UNITI-DANA, 2008. 288 p. (In Russ.).
3. Wang Yue. The main traditional channels of external communication in China // RUDN journal of Studies in literature and journalism. 2016. Vol. 2. P. 142–150. (In Russ.).
4. Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: modern English media speech: a textbook. M.: Flinta: Nauka, 2008. 264 p. (In Russ.).
5. The Advertising Law of the People's Republic of China // Official website of the Trade Representation of the Russian Federation in the People's Republic of China. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-useful-info/China_law_reklama.pdf (accessed 30.01.2023). (In Russ.).
6. Kozhina M. N. Stylistics of the Russian language: textbook / M. N. Kozhina, L. R. Duskaeva, V. A. Salimovsky. 2nd ed. M.: Flinta: Nauka, 2010. 464 p. (In Russ.).
7. Kokhtev N. N. Advertising: the mastery of word. M.: MGU, 1997. 96 p. (In Russ.).
8. Li Hong. Chinese television at the present stage // RUDN journal of Studies in literature and journalism. 2009. Vol. 3. P. 78–82. (In Russ.).
9. Li Yan. Main periods in the development of Chinese national television (1958–1990) // Electronic scientific journal "Mediascope". 2006. Vol. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/основные-периоды-в-развитии-национального-телевидения-китая-1958г–1990г> (accessed 07.03.2022). (In Russ.).
10. Men'shikova G.A. Television in the system of social management / Men'shikova G.A., Sanzhimitupova T.A., Huang Xin // Vestnik of St. Petersburg State University. Psychology. Sociology. Pedagogy. 2012. Vol. 1. P. 224–235. (In Russ.).
11. Shabalina O. I. Social identity of characters in Chinese TV commercials // Vestnik NSU. Series: Social and economics sciences. 2013. Vol. 13 (3). P. 114–125. (In Russ.).
12. Shevtsova N. I. Stylistics of the Modern Chinese language: a course of lectures. Vladivostok: FEFU, 2018. 264 p. (In Russ.).
13. Zhu J. Value Orientations of Implicit Information in the Russian and Chinese TV Advertising / J. Zhu, L. D. Zolotykh, Yu. A. Vasil'eva // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2020. Vol. 13 (10). P. 307–312. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.60>. (In Russ.).
14. Sekhar T. R. Stylistic features in advertising language: a brief study // Research Journal of English Language and Literature (RJELAL). 2017. Vol. 5. Issue 4. P. 309–315. URL: <http://www.rjelal.com/5.4.17a/309-315%20Dr.%20T.%20RAJA%20SEKHAR.pdf> (accessed 18.02.2022).
15. 2020 China Media Market Trends // CVSC-TNS RESEARCH. URL: https://www.ctrchina.cn/static/upload/20200907meiti_20210511174038221.pdf (accessed 20.04.2023). (In Chin.).

Александр Николаевич СБОЕВ, канд. филол. наук, доцент кафедры китайоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sboev.an@dvfu.ru

Ирина Владимировна ЦУРИКОВА, магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: tcurikova.iv@dvfu.ru

Aleksandr N. SBOEV, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sboev.an@dvfu.ru

Irina V. TSURIKOVA, Master Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tcurikova.iv@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 02.02.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 08.08.2023

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2023

Научная статья
УДК 327(571.6+5)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/135-144>

Уроки 2019 г. для стран Корейского полуострова

Лариса Вячеславовна ЗАБРОВСКАЯ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, larisa_zabrovskaya@mail.ru

Аннотация. В хронологической последовательности проанализированы ключевые события, произошедшие на Корейском полуострове в 2019 г. Важным результатом явилось то, что военно-политическая ситуация смягчилась. КНДР прекратила испытания ядерного оружия. Определена степень влияния на внешнюю политику РК американско-северокорейских отношений. Власти РК были вынуждены регулировать экономические трения с Японией и разрешать военно-политические разногласия с США. Дана сравнительная характеристика методов реализации лидерских качеств главами обоих корейских государств. Многие проблемы не были решены, но обострения ситуации не произошло. Были извлечены уроки мирного сосуществования КНДР и РК.

Ключевые слова: корейский полуостров, КНДР, РК, Россия, США, Китай, Япония

Для цитирования: Забровская Л.В. Уроки 2019 г. для стран Корейского полуострова // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 135–144. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/135-144>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/135-144>

Lessons of 2019 for Countries of Korean Peninsula

Larisa V. ZABROVSKAYA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, larisa_zabrovskaya@mail.ru

Abstract. It was analyzed in chronological order the key events that took place on the Korean Peninsula in 2019. An important result was that the military-political situation softened. North Korea has stopped testing nuclear weapons. It was determined the degree of influence of US-North Korean relations on the foreign policy of the Republic of Korea. The authorities of the Republic of Korea were forced to regulate economic tensions with Japan and resolve military-political differences with the United States. A comparative description of the methods for implementing leadership qualities by the heads of both Korean states is given. Many problems were not solved, but the situation did not worsen. Lessons were learned from the peaceful coexistence of the DPRK and the ROK.

Keywords: Korean Peninsula, the DPRK, the ROK, Russia, the USA, China, Japan

For citation: Zabrovskaya L.V. Lessons of 2019 for Countries of Korean Peninsula // Oriental Institute Journal. 2023. No. 3. P. 135–144. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/135-144>

Введение

Со времен Корейской войны 1950–1953 гг. Корейский полуостров находится в центре внимания стран Северо-Восточной Азии (СВА). Вопросы формирования системы безопасности для противодействия военно-политической конфронтации в СВА, как правило, касались непосредственно этого региона. В последние два года наблюдается некоторое ослабление международной напряженности на Корейском полуострове. США активно включились в процесс обсуждения проблем Корейского полуострова, но не проявили намерения кардинально изменить характер своей политики в отношении КНДР. В 2019 г. прошло две официальные встречи между лидерами США и КНДР – Д. Трампом и Ким Чен Ыном. Кроме того, президент Д. Трамп второй раз [4, с. 49] посетил с официальным визитом РК, что еще раз подчеркнуло важность для США этого региона и необходимость осуществ-

вления контроля над Корейским полуостровом. Благодаря таким важным событиям 2019 г. стал особенно значимым для этого региона США.

В результате акцентирования внимания на состоянии американо-северокорейских отношений РК впервые оказалась в тени КНДР. Это сильно раздражало южнокорейскую оппозицию и вызывало недовольство политикой президента Мун Чжэ Ина. В то же время оба корейских государства испытывали экономические трудности и их лидерам приходилось выстраивать свою внешнеполитическую линию, исходя из внутризкономических обстоятельств.

Япония неожиданно для себя самой выпала из процесса решения каких-либо вопросов на Корейском полуострове и попыталась напомнить о себе посредством давления на РК. Россия и Китай проявили заинтересованность в сотрудничестве с северокорейским руководством, продемонстрировав намерение сохранить КНДР в качестве суверенного государства и поддерживая северокорейскую позицию относительно путей ядерного разоружения на Корейском полуострове.

Учитывая вышесказанное, целью настоящего исследования является анализ событий 2019 г. и оценка, насколько ситуация, сложившаяся благодаря вовлечению в переговорный процесс КНДР, способна сохранять мир на Корейском полуострове. При этом обращается внимание на методы, к которым прибегали лидеры обоих корейских государств в формировании своей политики как с союзниками, так и военно-политическими противниками. Кроме того, представлена сравнительная характеристика этих методов.

КНДР: создание благоприятного окружения

Для КНДР это был год корректировок стратегических задач, так как не всё шло по ранее задуманному плану. Если в начале 2018 г. Ким Чен Ын, рассчитывая на поступление значительных иностранных инвестиций, объявил судьбоносной целью рост экономического развития, то в 2019 г. он уточнил, что ключ к реализации этой задачи лежит в русле "развития за счёт собственных ресурсов", поскольку не предвиделось снятия экономических санкций и, соответственно, не оправдались надежды на значительную иностранную помощь и инвестиции. В частности, Ким Чен Ын заявил: "Наш народ в длительной, жестокой обстановке, которую история до сих пор не знала, усвоил метод жить нашими силами, усвоил метод одолеть врага и трудности, и метод защитить своё достоинство и право. Собственными, хоть и затягивая пояс, самообогащением и процветанием, собственными силами необходимо защитить достоинство страны и победить империалистов" [12]. По всей видимости, Ким Чен Ын решил в новых исторических реалиях реанимировать ранее успешно опробованный его дедом экономический приём "опоры на собственные силы".

Зарубежные эксперты окрестили программу "жить своими силами" как "традиционный китайско-корейский социалистический лозунг" [17, р. 7]. В такой оценке заключался намёк на несбыточность поставленных целей. Скорее всего, провозгласив в 2018 г. курс на интенсивное экономическое развитие, Ким Чен Ын рассчитывал на внешнюю экономическую помощь, главным образом, из Китая и/или США, но не получив таковую и не встретив понимания о необходимости сокращения всего объёма антисеверокорейских экономических санкций, он был вынужден скорректировать задачу перед своим народом.

В новогоднем послании 2019 г. была определена главная стратегическая линия, заключающаяся в "сосредоточении всех усилий на экономическом строительстве" [7]. Ранее об этом говорилось на апрельском 2018 г. пленуме ЦК ТПК 7-го созыва. В следующем году Ким Чен Ын усилил аргументацию в пользу акцента на необходимости создания "самодостаточной экономики" в условиях сохраняющегося военно-политического давления США и международных санкций. В очередной раз он призвал прекратить проведение ежегодных американо-южнокорейских военных учений и запретить развертывание американских стратегических вооружений на юге Корейского полуострова [12].

Кроме того, в новогодней речи Ким Чен Ын положительно оценил межкорейское взаимодействие в 2018 г. и совместное участие корейских спортивных команд

в соревнованиях на зимних Олимпийских играх в Пхёнчане. Это, по мнению Ким Чен Ына, могло бы стать хорошим примером для США в их политике по улучшению американо-северокорейских отношений. Он также предложил возобновить межкорейское экономическое сотрудничество и вновь начать "без всяких предварительных условий" работу двух межкорейских проектов – индустриальный парк в г. Кэсон и туристический комплекс в горах Кымгансан [7].

Вместе с тем Ким Чен Ын упомянул и о важности "ядерного сдерживания", обеспечивающего безопасность КНДР. Это было воспринято зарубежными обозревателями как намёк на возможность новых ядерных испытаний. Однако вопреки ожиданиям Ким Чен Ын начал 2019 г. с поездки в Китай и провёл свой 35-й день рождения в компании Си Цзиньпина [1].

Этот визит стал четвёртым посещением Китая и заметно укрепил китайско-северокорейские политико-экономические связи. В ходе переговоров Ким Чен Ын заявил китайскому руководству, что перед вторым саммитом с Д. Трампом во Вьетнаме он стремится создать "благоприятную внешнюю среду" [19].

Однако февральский саммит с президентом Д. Трампом в Ханое принёс разочарование Ким Чен Ыну, который рассчитывал на хотя бы частичное снятие экономических санкций в обмен на продолжение моратория на ракетно-ядерные испытания. Такое предложение не заинтересовало Д. Трампа, который занял непримиримую позицию и не обещал прекратить "враждебную политику", заключающуюся в проведении военных манёвров у границ КНДР и продолжении экономических санкций.

Как видно, в американской политике в отношении КНДР продолжала сохраняться инерция старых стереотипов. Так, с марта 2019 г. США и РК начали проводить очередные военные учения под названием Key Resolve и Foal Eagle. Вместе с тем учения стали проводиться не столь масштабно, как ранее, но более часто и малыми военными подразделениями [13, р. 87]. К тому же РК получила первую партию истребителей-невидимок F-35A, что вызвало новые протесты со стороны КНДР.

Не имея возможности самостоятельно противостоять недружественным действиям США и РК, северокорейское руководство решило расширить круг своих сторонников путём налаживания прямых контактов с российским лидером. В связи с этим следующим шагом Ким Чен Ына явился визит во Владивосток, где в конце апреля прошёл саммит с российским президентом В. Путиным, который "одобрил проведение двусторонних переговоров между США и КНДР", заметив при этом, что "они не могут заменить многостороннего мирного механизма, каким были шестисторонние переговоры" [8]. Судя по всему, В. Путин дал понять, что Россия, как участник шестисторонних переговоров, готова принять активное участие в решении вопроса о денуклеаризации на Корейском полуострове.

Российско-северокорейские переговоры завершились без подписания совместной декларации. Президент В. Путин самостоятельно провёл пресс-конференцию, на которой заявил о сложившемся взаимопонимании и укреплении связей с КНДР. В частности, президент В. Путин сказал, что для отказа от ядерного оружия КНДР нужны международные гарантии безопасности. Он пояснил, что решить проблемы Корейского полуострова получится, когда "международное право, а не "кулачное право" будет определять ситуацию в мире". Далее он подчеркнул, что "многосторонний формат переговоров по ситуации в Северной Корее понадобится, когда Пхеньяну будут готовы дать международные гарантии сохранения суверенитета" [8]. По всей видимости, он имел в виду, что противники КНДР пока не намерены сесть за стол переговоров и детально обсудить весь пакет необходимых документов по денуклеаризации на Корейском полуострове.

Комментируя характер связей КНДР с Китаем и Россией, аналитик ЦРУ Кент Харрингтон отметил различие во внешнеполитических подходах Ким Чен Ына и его предшественников. По мнению К. Харрингтона, если дед и отец Ким Чен Ына, играя на идеолого-политических противоречиях между Китаем и СССР, извлекали из этого ограниченную политико-экономическую выгоду, то внук оказался более

изобретательным и активно использует Китай и Россию для "изменения геополитического пространства в свою пользу" [15]. Иными словами, он полагает, что Ким Чен Ын применяет собственные методы для создания новых сдержек и противовесов между странами СВА и делает это довольно успешно, повышая свою значимость в глазах мирового сообщества.

Отсутствие гарантий по безопасности подтолкнуло КНДР к возобновлению испытаний ракет. Так, в мае КНДР начала запуски ракет малого и среднего радиуса действия [10]. В течение года КНДР 11 раз осуществляла пуски ракет в акваторию Японского моря [9]. На этот раз многочисленные запуски северокорейских ракет не вызвали яростного осуждения соседних государств. Скорее всего этому поспособствовало замечание президента Д. Трампа о том, что в отличие от предыдущих лет это "не нарушает соглашения, подписанного на встрече в Сингапуре летом 2018 г." [17].

Одновременно с запусками ракет власти КНДР использовали въездной туризм из Китая как "не запрещенный санкциями путь внешнеэкономической деятельности для зарабатывания иностранной валюты" [5, с. 101–102]. Так, с 15 мая 2019 г. китайская компания международного туризма "Хунчунь-Фанчуань" совместно с северокорейским агентством путешествий "Туманган" начали осуществлять туристические поездки китайских граждан в северные провинции КНДР [20]. Благодаря обслуживанию китайских туристов в СЭЗ "Раджин-Сонбон", предприятия которой из-за санкций ООН лишились права выполнять свои торгово-экономические обязанности, северокорейцы смогли легально зарабатывать иностранную валюту. К тому же развитие международного туризма в этом регионе КНДР способствовало созданию новых рабочих мест.

20–22 июня в Пхеньяне принимали китайского главу государства Си Цзиньпина. На китайско-северокорейском саммите обсуждались помимо военно-политических тем вопросы расширения ассортимента и объёма двусторонней торговли, создания условий для увеличения китайских инвестиций в КНДР, повышения привлекательности туризма и культурного обмена. Укрепление политических связей с Китаем и заметный рост китайско-северокорейского товарооборота стали весомым фактором, который придал руководству КНДР больше уверенности во взаимоотношениях с США и РК.

Далее Ким Чен Ын проявил новую инициативу и, воспользовавшись официальным визитом президента Д. Трампа в Республику Корея, предложил встретиться с американским лидером на северокорейской территории. Так, 30 июня произошла встреча между Ким Чен Ыном и Д. Трампом в демилитаризованной зоне. При этом Ким Чен Ын лично позволил Д. Трампу перейти пограничную линию и символически побывать на территории КНДР. К сожалению, и эта встреча завершилась безрезультатно. Ким Чен Ын так и не получил никаких гарантий безопасности в случае отказа от своей ядерной программы [13, р. 65].

Вследствие этого Ким Чен Ын ещё раз заявил о необходимости усиления внимания развитию самодостаточной экономики. Одновременно в КНДР прошли кадровые перестановки в высшем руководстве страны. Затем в августе Ким Чен Ын был объявлен официальным главой государства и председателем всесильной Комиссии по делам государства, состоящей из 14 высокопоставленных руководителей ТПК и военнослужащих [11]. Занятие должности главы государства должно было повысить престиж Ким Чен Ына и поставить его вровень с американским президентом.

После того как в начале октября на американо-северокорейских неофициальных переговорах в Швеции не было достигнуто каких-либо позитивных военно-политических подвижек, Ким Чен Ын принял решение усилить работу по укреплению продовольственной безопасности. Он посетил ряд сельскохозяйственных ферм, призвав к внедрению инноваций в агрохимии для улучшения ситуации с продовольствием. Увеличение производства зерновых и проведение политики, направленной на укрепление продовольственной независимости, он назвал "собственным путём развития" КНДР [16].

В конце декабря 2019 г. прошло внеочередное 5-е заседание ЦК ТПК, где Ким Чен Ын выступил с четырёхчасовой речью. Подытожив события 2019 г., он заявил о том, что КНДР не считает себя связанной какими-либо обязательствами перед США и РК по денуклеаризации и заморозке ядерных испытаний и запусков баллистических ракет. Ким Чен Ын также подчеркнул, что корейскому народу предстоит пройти путь к процветанию в условиях непрекращающихся экономических санкций. Он также подверг жесткой критике политику США в отношении корейской нации [12]. Поэтому многие зарубежные наблюдатели предположили, что в 2020 г. произойдёт возобновление ядерных испытаний. Однако, северокорейское руководство хотя и выразило возмущение действиями администрации президента Д. Трампа, но так и не приступило к новым ядерным испытаниям и запускам баллистических ракет. Таким образом Ким Чен Ын оставил дверь открытой для возобновления переговоров с США. Это решение способствовало снижению накала военно-политического противостояния и позволило выдвинуть предположение о возможности в недалеком будущем провести сокращение всего объёма антисеверокорейских экономических санкций.

Республика Корея: в роли догоняющего

В первой половине 2019 г. южнокорейцы находились под впечатлением от серии встреч между северокорейским лидером Ким Чен Ыном и главами ведущих зарубежных государств. Первоначально это вызывало надежду на смягчение военно-политической обстановки на Корейском полуострове. Между тем такие встречи лишь подтвердили наличие значительных различий в позициях КНДР, США и РК по вопросу о пути проведения денуклеаризации на Корейском полуострове. Несовпадение точек зрения явилось причиной продолжения военно-политической конфронтации между Севером и Югом и не способствовало сокращению южнокорейских затрат на оборону. Более того, согласно плану на 2020–2024 гг., южнокорейские военные расходы должны в среднем возрасть на 7,1% каждый год и в целом составить 290,5 трлн вон [14], что в период экономического кризиса и пандемии COVID-19 стало тяжёлым бременем для южнокорейской экономики.

Японские исследователи из ведущего Национального института по изучению вопросов безопасности (National Institute for Defense Studies) пристально изучают положение на Корейском полуострове, отмечая в своём ежегоднике за 2020 г., что хотя в южнокорейской Белой книге по обороне за 2018 г. было исключено упоминание о ядерной угрозе со стороны КНДР, но сохранилось положение о "различных потенциальных угрозах безопасности" со стороны соседних стран, в частности, указывалось на необходимость противостоять посягательствам на водное пространство вокруг островов Токто/Такесима [13, р. 89]. Такое южнокорейское утверждение вызвало критические комментарии со стороны японских исследователей, которые расценили это как прозрачный намёк на необходимость противостояния претензиям Японии на морские ресурсы на шельфе у этих островов. Они также заметили, что южнокорейское правительство планировало закупить новые военные корабли и построить транспортное судно, способное принимать на борт военные самолёты. Власти РК избегают называть это судно авианосцем, но вместе с тем полагают, что такого рода военный корабль "необходим для патрулирования в морях у Корейского полуострова и на океанских просторах" [18]. Наличие авианосца предоставит РК возможность патрулирования морского пространства на значительном расстоянии от своих прибрежных вод. Иными словами, даже в условиях смягчения отношений с КНДР южнокорейские власти обнаруживают другие угрозы своей безопасности и не намерены отказываться от наращивания обороноспособности страны. Южнокорейские военные планы вызывают беспокойство в Японии, что приводит к трениям на межправительственном уровне.

В апреле 2019 г. состоялся ранее незапланированный визит президента Мун Чжэ Ина в Вашингтон для обмена мнениями о прошедшем американско-северокорейском саммите в Ханое и обсуждении планов на будущее. В ходе переговоров Мун Чжэ Ин пригласил Д. Трампа посетить РК после июньского саммита G20 в Оса-

ка. Д. Трамп согласился посетить РК второй раз и встретился с Ким Чен Ыном в демилитаризованной зоне.

Кроме того, южнокорейский президент надеялся, что США одобряют его предложение по восстановлению экономического сотрудничества с КНДР. Однако в администрации президента Д. Трампа отрицательно отнеслись к намерению южнокорейского бизнеса возобновить участие в работе индустриального парка в г. Кэсон и туристического комплекса в горах Кымгансан. По всей видимости, американская сторона не желала, чтобы КНДР получала таким путём иностранную валюту и тем самым ослаблялись экономические санкции. Одновременно с этим США одобрили южнокорейские планы оказывать КНДР гуманитарную помощь через международные фонды. В результате РК направила в World Food Programme 50 тыс. т риса и в United Nations Children's Fund (UNICEF) 8 млн долл., а через World Health Organization – 5 млн долл. Однако КНДР отвергла такого рода помощь [13, p. 82], поскольку надеялась на прямые южнокорейские инвестиции в северокорейскую экономику.

К сожалению, налаживание личных контактов между Ким Чен Ыном и Мун Чжэ Ыном и снижение напряженности между обоими корейскими государствами не улучшило внутриэкономическую обстановку в РК. В стране ухудшалось экономическое положение, продолжился рост безработицы. К тому же экономические меры южнокорейского правительства по предоставлению помощи мелкому и среднему бизнесу не принесли желаемого результата. Темпы экономического роста не превысили 2% в год, что способно привести южнокорейскую экономику к стагнации. Южнокорейское правительство попыталось улучшить материальное положение трудящихся и придать новый импульс экономическому развитию посредством повышения минимальной заработной платы на 3% [17, p. 7]. Однако такие меры вызвали финансовые затруднения у малых и средних предприятий, что ещё более ухудшило общее состояние южнокорейской экономики.

В мае-июне в связи с возобновлением испытаний северокорейских ракет в южнокорейской прессе разгорелась дискуссия о бесполезности встреч на высшем уровне. Появились предположения о том, что Д. Трамп ведёт двойную игру и его целью является не помощь своему союзнику (Республике Корея), а собственные политические амбиции. Утверждение о неэффективности американо-северокорейских переговоров по смягчению военной напряженности на Корейском полуострове привели к трениям в рамках американо-южнокорейского договора по безопасности. Видимо, это послужило толчком к тому, что президент Мун Чжэ Ын отказался продлевать с Японией Соглашение об обмене военной информацией по безопасности (General Security of Military Information Agreement – GSOMIA) [13, p. 65]. Ранее это соглашение рассматривалось как трёхстороннее (между Японией, США и РК) сотрудничество по борьбе с северокорейской ядерной угрозой, а также растущей военной мощью Китая.

США расценили этот шаг РК как отказ от выполнения основополагающего условия американо-южнокорейского военного союза. Более того, критики президента Мун Чжэ Ына считали, что в условиях неопределённости на американо-северокорейских переговорах РК не должна изолироваться от своих военно-политических союзников, а, напротив, сделать всё, чтобы защитить свою национальную безопасность путём укрепления военных контактов со своими союзниками и улучшить военно-политические связи с соседями.

По всей видимости, руководствуясь такими соображениями, представители южнокорейских военных кругов выразили намерение развивать военно-техническое сотрудничество с российской стороной. Об этом было заявлено в мае 2019 г. на международной конференции по безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе "Шангри-Ла Диалог". В рамках встречи главы делегаций России и РК обсудили вопросы глобальной и региональной безопасности, а также подтвердили обоюдный настрой на дальнейшее развитие сотрудничества между военными ведомствами двух стран [6]. Возможно, что обсуждение этого вопроса могло бы быть продолжено во время ответного визита российского президента В. Путина в Сеул.

Напомним, что южнокорейский президент Мун Чжэ Ин посетил Москву в 2018 г. Однако в связи с продолжающейся пандемией COVID-19 визит В. Путина был перенесён на неопределённое время. Контакты на высшем уровне между руководителями России и РК могли бы уравновесить дипломатическую активность Ким Чен Ына и повысить международный престиж южнокорейского президента. Однако этого не произошло по объективным причинам.

В то же время южнокорейский бизнес почувствовал себя ущемлённым из-за повышения Японией пошлин на экспорт в РК высокотехнологичных составляющих деталей для южнокорейской электронной промышленности, производящей полупроводники и панельные дисплеи. Японские власти объясняли это подозрением о том, что "Сеул перепродает санкционированные и стратегически важные японские товары в КНДР" [2, с. 21]. Поэтому в июле Япония ввела экспортные ограничения в отношении РК, запретив экспорт компонентов для производства полупроводников. На это южнокорейские власти ответили призывом к своим гражданам бойкотировать всё японское – "не покупать японские товары, не посещать Японию и ни в чем не уступать Японии" [17]. Это также поставило под угрозу продолжение японо-южнокорейского сотрудничества в области безопасности.

В результате напряжённых переговоров и давления со стороны США 22 ноября южнокорейское правительство всё же согласилось продлить GSOMIA на следующий срок, поставив при этом условие, что Япония должна отказаться от ужесточения правил и пошлин по поставкам электронных комплектующих для южнокорейских фирм. По мнению американского эксперта Т. Кима, противоречия в треугольнике Япония–США–Республика Корея пошатнули их традиционные военно-политические связи. Это также способно "нарушить баланс сил в СВА и ослабить противодействие северокорейской ядерной угрозе" [17]. Т. Ким пришел к выводу, что такие негативные подвижки стали возможными после прихода к власти президента Д. Трампа, который, выдвинув лозунг "Сделаем Америку вновь великой!", стал уделять основное внимание внутренним проблемам США и забыл об американских обязательствах в отношении своих восточноазиатских союзников.

Помимо экономического давления со стороны Японии южнокорейская экономика столкнулась с многочисленными внутренними проблемами, среди которых явилось значительное сокращение экспорта, рост безработицы, общее снижение доходов населения, ведущее к демографическому спаду. На фоне американо-китайской торговой войны сократился южнокорейский экспорт в Китай, что ещё больше усугубило положение южнокорейской экономики. Из-за ухудшения внешнеэкономических условий и непрекращающихся испытаний северокорейских ракет снизился объём иностранных инвестиций в южнокорейскую экономику. Снижение экономических показателей привело к появлению порочного круга проблем: сокращение производства товаров вызвало падение доходов и потребления населением, а затем и сокращение инвестиций в производство, что в итоге привело к падению уровня рождаемости и ускорило старение южнокорейского общества.

Как видно, военно-политические трения со своими союзниками и внутренние экономические проблемы не позволили РК в полной мере воспользоваться налаживанием контактов с КНДР, оказывать ей широкую гуманитарную помощь, начать инвестирование в ее экономику, расширить торговые связи и в итоге закрепить снижение конфронтации в межкорейских отношениях.

Выводы

По всей видимости, в 2019 г. основные военно-политические проблемы Корейского полуострова не были полностью решены, но обострения ситуации не произошло поскольку соседи КНДР не были заинтересованы в усилении напряжённости в этом регионе. К тому же у каждого из региональных противников КНДР были собственные внутренние затруднения, на решение которых РК и Япония направили своё главное внимание. При этом Япония пристально следила за развитием событий в КНДР и намеревалась включиться в переговорный процесс по решению проблем Корейского полуострова. Для этого ей необходимо улучшить отношения с РК и заручиться поддержкой США.

Внутренние трудности обоих корейских государств непосредственно влияли на их внешнюю политику. Для КНДР хронической проблемой являлся недостаток продовольствия и иностранной валюты, которую её власти намеревались получить в процессе расширения внешней торговли. В связи с этим КНДР активизировала связи не только со своим союзником КНР, но и с Россией, одновременно создав сдержки и противовесы против своих региональных военно-политических противников.

Несмотря на то что в 2019 г. американо-северокорейские встречи на высшем уровне завершились без видимого успеха для КНДР, тем не менее они заложили основу для продолжения диалога. При смене американской администрации заложенный в 2019 г. фундамент американо-северокорейских отношений не позволил обострить связи двух стран до предвоенного состояния. В данном случае заслуживает внимания мнение российского эксперта О. Давыдова, который полагает, что "...несмотря на большую соблазн прибегнуть к инструментам военного давления, ... стороны будут действовать ... предельно осторожно, дозируя угрозы, дабы не заступить за "красные линии", отделяющие их от реального конфликта" [3, с. 111].

На переговорах с Д. Трампом Ким Чен Ын в отличие от Мун Чжэ Ина имел возможность для широкого манёвра и выдвижения новых инициатив, поскольку получал безоговорочную поддержку как внутри страны, так и со стороны России и Китая. Если Ким Чен Ын придерживался наступательной тактики, инициируя встречи с лидерами ведущих держав, то Мун Чжэ Ину приходилось следовать в фарватере политики Д. Трампа, что нивелировало его усилия по налаживанию межкорейского диалога и одновременно вызывало критику со стороны политических противников. В результате это привело к тому, что Мун Чжэ Ин уступал Ким Чен Ыну в искусстве дипломатии. В свою очередь, это давало Ким Чен Ыну преимущество и повысило его значимость на международной арене.

К тому же руководству РК не удалось создать надежную коалицию из своих союзников и с её помощью перехватить у КНДР инициативу на международной арене. Мун Чжэ Ин оказался зажатым между военно-политическими обязательствами перед США, давлением со стороны Японии и критикой со стороны южнокорейской оппозиции. В связи с такими обстоятельствами он не смог сформулировать весомые аргументы, устраивающие США и Японию, для выдвижения собственных инициатив в диалоге с Ким Чен Ыном.

Сложности внутриэкономической ситуации в РК: замедление роста экономики, увеличение безработицы, экономическое давление со стороны Японии и др. – также стали тормозом для выдвижения внешнеполитических инициатив, в частности, расширения круга контактов с КНДР и закрепления с ней экономических связей. Сохранение стереотипов внешнеполитического поведения обоими корейскими государствами и США не позволяют им прийти к взаимопониманию. В ближайшей перспективе прямая зависимость от состояния внутриэкономической ситуации в обоих корейских государствах будет сказываться на активности их внешнеполитического курса. Несомненно, что все эти обстоятельства повлияют на развитие межкорейского диалога в будущем.

Россия и Китай остаются заинтересованными в мирном развитии межкорейского взаимодействия. Они и далее будут прилагать усилия по сохранению государственного суверенитета КНДР и поддерживать её дипломатические инициативы. В настоящее время военно-политическое положение на Корейском полуострове не вызывает опасений. Поэтому в перспективе можно ожидать опосредованное внимание российской политики к региональным событиям на Корейском полуострове. В любом случае российским дипломатам необходимо учитывать особенности реализации политического лидерства в обоих корейских государствах.

В целом 2019 г. оказался важным и перспективным в отношении решения проблем Корейского полуострова. Расширение переговорного процесса на Корейском полуострове положительно повлияло на сохранение мирной обстановки в СВА. В течение следующих четырёх лет КНДР не проводила испытания ядерного оружия, что подтверждает мнение о том, что путь переговоров с КНДР более продуктив-

вен, чем военно-политическое давление. Тенденции развития событий этого года и уроки сотрудничества могли бы быть продолжены и в следующем 2020 г., если бы этому не помешала пандемия COVID-19. Тем не менее достигнутые в 2019 г. положительные подвижки во взаимоотношениях стран СВА способны закрепить достигнутые результаты в последующие годы.

Литература

1. Высший руководитель Ким Чен Ын отправился с официальным визитом в Китай // Korean Life: сайт. URL: <http://korealife.do.am/blog/2019-01-09-1969> (дата обращения: 23.01.2022).
2. Горячев Н.Н., Горячева Е.А. Торговая война между Японией и Южной Кореей: конец альянса // У карты Тихого океана. 2019. № 3. С. 20–22.
3. Давыдов О. Перспективы урегулирования северокорейской ядерной проблемы в свете президентских выборов в США // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С. 105–113.
4. Жебин А.З. Корейский конандрум // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 44–56.
5. Захарова Л.В. Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 91–103.
6. Минобороны договорилось развивать сотрудничество с Южной Кореей // Новости агентства "Рамблер": сайт. URL: <https://news.rambler.ru/troops/42274136-minoborony-dogovorilos-razvivat-sotrudnichestvo-s-yuzhnoy-koreey/amp/> (дата обращения: 12.02.2022).
7. Новогодняя речь председателя Госсовета товарища Ким Чен Ына // "Rodong Sinmun": сайт. URL: <https://www.rodong.rep.kp> (дата обращения: 21.02.2022).
8. Первый визит Ким Чен Ына в Россию: главное // Новости Мэйл.ру: сайт. URL: <http://www.news.mail.ru/politics/37097807/> (дата обращения: 24.02.2021).
9. Пхеньян провел испытания тактической ракеты // Svoboda: сайт. URL: <http://www.svoboda.org/a/north-korea/29920434.html> (дата обращения: 24.06.2022).
10. Северная Корея провела запуск двух ракет // Golos Ameriki: сайт. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/north-korea-launch-upd2/4910463.html> (дата обращения: 20.05.2022).
11. Северокорейский лидер Ким Чен Ын официально стал главой КНДР // Golos Ameriki: сайт. URL: <http://www.svoboda.org/a/north-korea/30052834.html> (дата обращения: 20.05.2022).
12. Сообщение о 5-м пленуме ЦК ТПК 7-го созыва (2) // Korean Life: website. URL: <http://korealife.do.am/publ/15-1-0-910/> (дата обращения: 20.05.2022).
13. East Asian Strategic Review, 2020. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 2020. 236 p.
14. Five year National Defense Plan // "Arirang": website. URL: <http://www.arirang.com> (дата обращения: 20.05.2022).
15. Harrington Kent. Kim Jong Un's Moneyball Strategy // Japan Times. 2019. 26 April. P. 7.
16. Hotham Oliver. Kim Jong Un Tours Military-Run Farm in First Appearance in Almost a Month // NK News: website. URL: <https://www.nknews.org/2019/10/kim-jong-un-tours-military-run-farm-in-first-appearance-in-almost-a-month/> (дата обращения: 20.05.2022).
17. Kim E. Tammy. Japan and South Korea Feud // Japan Times. 2019. 26 August. P. 7.
18. South Korea's 2021 Defense Budget to increase by 5% to US\$ 43.4 bil. // "Arirang": website. URL: <http://www.arirang.com> (дата обращения: 20.05.2022).
19. Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks, reaching important consensus // Xinhuanet: website. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-01/10/c_13772051.html (дата обращения: 20.05.2022).
20. 张雪楠. 发展海洋旅游 构建环海旅游经济带. "大图们倡议"第八届东北亚旅游论坛在珲举行 = Чжан Сюэнань. Развитие морского туризма. Создание морского туристического кольца. 8-ой туристический форум СВА, проведенный в г. Хуньчунь // Сайт "图们新闻" = Новости Тумангана". URL: <http://www.tmjnews.net/List.asp?ID=42339> (дата обращения: 20.10.2019) (In Chin.).

References

1. Senior Leader Kim Jong Un went to China on an Official Visit // Korean Life: website. URL: <http://korealife.do.am/blog/2019-01-09-1969> (accessed 23.01.2022). (In Russ.).
2. Gorjachev N.N., Gorjacheva E.A. Trade War between Japan and South Korea: The End of the Alliance // U karty Tihogo Okeana [Near the Map of the Pacific Ocean]. 2019. No. 3. P. 20–22. (In Russ.).
3. Davydov O. Prospects for the Settlement of the North Korean Nuclear Problem in the Light of the US Presidential Elections // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2020. Vol. 64. No. 9. P. 105–113. (In Russ.).
4. Zhebin A.Z. Korean konandrum // Problemy Dal'nego Vostoka. 2018. No. 2. P. 44–56. (In Russ.).
5. Zaharova L.V. The Modern Economy of the DPRK and the Prospects for Its Transformation // Problemy Dalnego Vostoka. 2019. No. 2. P. 91–103. (In Russ.).
6. The Defense Ministry agreed to develop Cooperation with South Korea // "News Rambler": website. URL: <https://news.rambler.ru/troops/42274136-minoborony-dogovorilos-razvivat-sotrudnichestvo-s-yuzhnoy-koreey/>

amp/ (accessed 12.02.2022). (In Russ.).

7. New Year's speech by Chairman of the State Council Comrade Kim Jong Un // "Rodong Sinmun": website. URL: <https://www.rodong.rep.kp> (accessed 21.02.2022). (In Russ.).

8. Kim Jong Un's First Visit to Russia: the Main Point // Novosti Mail.ru: website. URL: <http://www.news.mail.ru/politics/37097807/> (accessed 24.02.2021). (In Russ.).

9. Pyongyang tested a Tactical Missile // Svoboda: website. URL: <http://www.svoboda.org/a/north-korea/29920434.html> (accessed 24.06.2022). (In Russ.).

10. North Korea Launched Two Missiles // Golos Ameriki (сайт). 09.05.2019. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/north-korea-launch-upd2/4910463.html> (accessed 20.05.2022). (In Russ.).

11. North Korean leader Kim Jong Un Officially becomes Head of the DPRK // Golos Ameriki: website. URL: <http://www.svoboda.org/a/north-korea/30052834.html> (accessed 20.05.2022). (In Russ.).

12. Announcement of the 5th plenum of the Central Committee of the WPK of the 7th convocation (2). // Korean Life: website. URL: <http://korealife.do.am/publ/15-1-0-910/> (accessed 20.05.2022). (In Russ.).

13. East Asian Strategic Review, 2020. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 2020. 236 p.

14. Five year National Defense Plan // "Arirang": website. URL: <http://www.arirang.com> (accessed 20.05.2022).

15. Harrington Kent. Kim Jong Un's Moneyball Strategy // Japan Times. 2019. 26 April. P. 7.

16. Hotham Oliver. Kim Jong Un Tours Military-Run Farm in First Appearance in Almost a Month // NK News: website. URL: <https://www.nknews.org/2019/10/kim-jong-un-tours-military-run-farm-in-first-appearance-in-almost-a-month/> (accessed 20.05.2022).

17. Kim E. Tammy. Japan and South Korea Feud // Japan Times. 2019. 26 August 26. P. 7.

18. South Korea's 2021 Defense Budget to increase by 5% to US\$ 43,4 bil. // "Arirang": website. URL: <http://www.arirang.com> (accessed 20.05.2022).

19. Xi Jinping, Kim Jong Un hold Talks, Reaching Important Consensus // Xinhuanet: website. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-01/10/c_13772051.html (accessed 20.05.2022).

20. Zhang Suenan. Development of a Sea Tourism. The Creation of a Sea Tourist Ring. 8th NEA Tourism Forum held in Hunchun // Tumenjian Xinwen (сайт). URL: <http://www.tmjnews.net/List.asp?ID=42339> (accessed 20.10.2019). (In Chin.).

Лариса Вячеславовна ЗАБРОВСКАЯ, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: larisa_zabrovska@mail.ru
Larisa V. ZABROVSKAYA, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: larisa_zabrovska@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 10.11.2022

Добрена после рецензирования
(Approved) 25.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/145-161>

Роль политического взаимодействия России и Китая в обеспечении международной стабильности

Татьяна Николаевна БУКРЕЕВА

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия;
Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орёл, Россия, bukreeva@gmail.com

Аннотация. Политическое взаимодействие России и Китая представляет собой согласованное сотрудничество, рассмотренное в статье в рамках отдельных аспектов китайской философии и теоретических школ международных отношений. Автор определяет спектр вопросов взаимодействия в области поддержания стабильности, представляет периодизацию контактов двух стран и ивент-анализ российско-китайских встреч и международных событий, сопутствующих им. В статье предложена реализация российско-китайского взаимодействия активного лидерства с применением нестандартных решений и опорой на дипломатический и военный опыт России и Китая.

Ключевые слова: политическое взаимодействие, международная стабильность, сотрудничество, безопасность, Россия, Китай, китайские стратегемы

Для цитирования: Букреева Т.Н. Роль политического взаимодействия России и Китая в обеспечении международной стабильности // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 145–161. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/145-161>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/145-161>

The role of Russia-China political interaction in order to ensure international stability

Tatiana N. BUKREEVA

Southwest State University, Kursk, Russia;
Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPА, Orel, Russia, bukreeva@gmail.com

Abstract. The political interaction between Russia and China is a coordinated cooperation, considered in the article within the framework of certain aspects of the Chinese philosophy and theoretical schools of international relations. The author defines the range of issues in the field of maintaining stability, presents a periodization of contacts between the two countries and an event analysis of Russian-Chinese meetings and international events accompanying them. The article proposes to introduce the Russian-Chinese interaction of active leadership using non-standard solutions and relying on the diplomatic and military experience of Russia and China.

Keywords: political interaction, international stability, cooperation, security, Russia, China, Chinese stratagems

For citation: Bukreeva T.N. The role of Russia-China political interaction in order to ensure international stability // Oriental Institute Journal. 2023. No. 3. P. 145–161. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/145-161>

Введение

Взаимодействие государств является неотъемлемой частью реализации внешней политики, направленной на защиту национальных интересов и обеспечение стабильности внутри стран. В общем виде в философии взаимодействие представляет собой взаимообусловленный процесс, при котором происходит воздействие одного объекта на другой. В.А. Морозов подчеркивает, что при рассмотрении взаимодействия в социальном плане уместно говорить "не об отдельном взаимодействии, а об их (взаимодействиях) рядах, последовательностях, системах, обеспечивающих непрерывность сложных процессов не только в пространстве, но и во времени" [13, с. 1313]. Таким образом, взаимодействие служит своеобразным инструментом достижения определенного результата, причем усложнение мировых процессов неизбежно приводит и к усложнению систем взаимодействия. В условиях нарастания геополитической напряженности взаимодействие также

становится важным инструментом предупреждения и противодействия угрозам регионального и глобального масштаба, мощным орудием сдерживания внешнего вмешательства во внутреннюю политику страны (стран). Учитывая политическую значимость, экономический и ресурсный потенциал, а также региональное местоположение России и Китая, характер взаимодействия двух стран приобретает стратегическое значение, что неоднократно было подтверждено лидерами обоих государств.

Цель данной работы – проанализировать российско-китайское взаимодействие на высшем и высоком уровнях в период с 2020 по август 2022 года, определить спектр актуальных вопросов взаимодействия в сфере обеспечения стабильности и факторы, влияющие на активность двустороннего взаимодействия, а также предложить формат взаимодействия как ответ на растущую угрозу со стороны США.

В данной работе взаимодействие будет рассмотрено с позиции согласованного и взаимовыгодного сотрудничества, основанного на гармоничных отношениях, выстроенных на взаимных интересах, что соответствует идеям миропонимания в китайской философии, характеризующей гармоничные взаимоотношения двуединостью, взаимодополняемостью (инь и ян) и двусторонностью движения. Исходя из такого понимания взаимодействия, можно предположить следующее: как нарушение взаимодействия инь и ян ведет к сбою равновесия и, как следствие, к катастрофам, также и нарушение взаимодействия между акторами международных отношений (например, несоблюдение условий соглашения) порождает возникновение деструктивных явлений, в том числе различного рода конфликтов, вплоть до вооруженных столкновений и полномасштабных войн. Ярким примером может служить несоблюдение Украиной политических договоренностей в рамках "минских соглашений", что послужило одной из причин начала специальной военной операции России (СВОР) на территории ДНР и ЛНР (признанные 22.02.2022 г. Россией территории в качестве независимых). Подобных ситуаций за всю историю человечества было множество, что обусловило объективный научный интерес к таким вопросам, как международное (в т.ч. межгосударственное) взаимодействие.

Вопросы межгосударственного взаимодействия становились предметом исследования представителей различных политических школ. Так, теоретики реализма рассматривали вопрос сотрудничества, прежде всего, в контексте обеспечения безопасности. Согласно реалистам, движущей силой взаимодействия государств выступают эгоистичные интересы сторон государств по большей части без привязки к понятиям морали. Исходя из этого, Роберт Джервис ставит вопрос о том, насколько уместно говорить о сотрудничестве в контексте реализма, поскольку эгоистичный подход государств всегда будет порождать конфликт интересов, и результатом сотрудничества станут приобретения одной стороной за счет потерь другой [18, с. 45]. Однако эта точка зрения реалистов может быть обоснована историческими фактами, когда именно наличие интересов (а не цели обеспечения устойчивого мирового развития и безопасности) приводили к взаимодействию, то есть сотрудничество осуществлялось по принципу "враг моего врага – мой друг", при этом один из союзников работал на ослабление своего партнера (примером служит политика Великобритании XIX – XX веков). Таким образом, побудительным мотивом выступало совпадение интересов в конкретный момент времени, что и обуславливало взаимодействие до определенного момента. Такое поведение также вполне соответствует утверждениям "гибкого" реализма Д. Сандерса, указывающего на возможность сотрудничества между государствами, образования ими блоков (военно-политических союзов), а также взаимодействия между блоками (аналогично взаимодействию государств) при условии наличия угрозы и невозможности ее самостоятельного преодоления (сходство интересов безопасности) и (или) общности экономических интересов [15, с. 418]. В этом ключе можно привести цитату знаменитого британского государственного деятеля лорда Палмерстона (1784–1865), которая уже стала девизом британской политики: "У нас нет ни

вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг" [4, с. 185].

Говоря о внешнеполитическом курсе Китая, А.В. Ломанов со ссылкой на китайского ученого Ли Синя из Пекинского педагогического университета отмечает, что, по мнению некоторых китайских ученых, в китайско-американских отношениях должен преобладать реализм, а в отношениях между Россией и Китаем "должен учитываться идеализм" [12, с. 44]. Однако современный этап международного политического, экономического и военного противостояния диктует необходимость в рамках двухстороннего взаимодействия России и Китая в вопросе обеспечения международной стабильности соответствовать политике реализма. Данное утверждение основано на торгово-экономических, внешнеполитических и военных (например, в рамках ШОС) связях, которые носят исключительно прагматичный характер.

В свою очередь, представители либерализма указывали на то, что главным средством достижения цели является не сила, а экономические или правовые рычаги, таким образом выстраивается взаимосвязь между политикой и экономикой. Использование экономических рычагов и их взаимосвязь с военными действиями и специальными операциями приведены во многих работах, в частности, в книге Дж. Перкинса "Исповедь экономического убийцы".

В либеральном подходе в качестве акторов международных отношений рассматриваются не только государства, но и международные институты (межправительственные и неправительственные организации), участвующие в разрешении конфликтов и поддержании стабильности. Однако опасность многостороннего взаимодействия заключается в вероятности возникновения коалиций внутри самой международной организации, что наблюдается сейчас в ООН, где четко прослеживается тенденция формирования антироссийской группировки, действия которой направлены не на решение конфликта на Украине, исходя из всесторонней проработки проблемы, а принятие решений исключительно для получения абсолютной выгоды отдельными государствами во главе с США. Эту проблему видит и Китай, подтверждением чему служит голосование Китаем против предложения о лишении России права вето в Совбезе ООН, с которым выступила Япония 14 марта 2022 г. Таким образом, конфликтная ситуация не решается, а наоборот, затягивается, а общечеловеческие (глобальные) побуждения либералов к миру переходят в плоскость эгоистических.

Вопросы личного (эгоистичного) интереса являются объектом размышления китайской философии. Так, в древнекитайском трактате "И Цзин" (易经) ("Книга Перемен") понятие личного (эгоистичного) интереса (будь то "мелкого человека" 小人 (сяожэнь) или отдельного государства-актора международных отношений), вознесенного выше истины и долга, трактуется в контексте упадка, из чего следует, что достижение конечной цели (в нашем случае безопасности и стабильности) будет довольно сомнительным. Таким образом, Т. П. Григорьева, анализируя "И Цзин" в контексте его вклада в формировании ключевых представлений китайской философии о протекании жизненных ситуаций с позиции постоянных изменений и развития, отмечает, что согласно гексаграмме 62 "Перерождение малого" (小过) именно малая величина (т.е. личный интерес отдельного индивида или актора международных отношений), положенная в основу стабильности, превращает последнюю в стагнацию и застой [6, с. 66], иначе говоря, тормозит устойчивое развитие и в системе международных отношений препятствует своевременному и адекватному реагированию мирового сообщества на возникающие угрозы. В качестве примера можно привести деятельность США против СССР в 1980-е годы, когда культивировался исламский радикализм в Афганистане. В итоге из-за интересов США в противостоянии Советскому Союзу на мировой арене появилось мощное движение террористического толка – исламский радикализм, – отголоски которого прослеживаются повсеместно: на Балканском полуострове в 1990-е гг., Сирийской Арабской Республике (САР) и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая в 2010-е годы, России – 1990-е – начало 2000-х годов. Таким образом, до-

стижение определенных эгоистических целей в противостоянии СССР привело к дестабилизации в разных регионах мира, причем процесс продолжается.

Лебедева М.М. условно проводит параллель между реализмом (в период его становления), не принимающим во внимание силовой фактор в отношениях между государствами, и китайским военачальником Сун-цзы с его трудом "Искусство войны" (孙子兵法) о выстраивании отношений посредством расчетливого во всех отношениях взаимодействия с оппонентом таким образом, чтобы одержать победу на поле боя, зачастую даже не переходя к открытым боевым действиям [11, с. 23]. Данный трактат тесно переплетается с другим уникальным китайским "путеводителем", определяющим стратегию взаимодействия государств, алгоритм разрешения дипломатических задач и принятия внешнеполитических решений для реализации национальных интересов трактатом "36 Стратегем" (三十六计). В дипломатической практике Китая, а как отмечает швейцарский синолог Харро фон Зенгер примеры стратегемного мышления можно найти и в политических технологиях США [8, с. 672], довольно широко используются отсылки к этому древнекитайскому труду. Так, политика нейтралитета Китая вполне вписывается в стратегию 9 隔岸观火 "гэ ань гуань хо" (букв. наблюдать огонь с противоположного берега), а ситуация вокруг регулярного патрулирования НОАК острова Тайвань на фоне активной военной поддержки Тайваня США соответствует модели поведения стратегемы 13 打草惊蛇 "да цао цзин шэ" (букв. бить по траве, чтобы спугнуть змею); гегемонистские замашки США в разжигании и поддержании тлеющих конфликтов по всему миру соответствуют стратегеме 20 混水摸鱼 "хунь шуй мо ю" (букв. мутить воду, чтобы поймать рыбу); выстраивание Индией отношений с Китаем китайские специалисты в области международных отношений описывают как 远交近攻 "юань цзяо цзинь гун" (стратегема 23), что буквально означает "дружить с дальним и воевать с ближним"; вмешательство США во внутренние дела Сирии под предлогом борьбы с терроризмом китайские средства массовой информации описывают стратегемой 24 假途伐虢 "цзя ту фа го" (букв. потребовать прохода, чтобы напасть на Го).

С началом СВОР на Украине в китайском интернете, в частности на одном из популярных новостных сайтов 163.com (网易), стали появляться публикации, проводящие параллели между этапами специальной военной операции России, внешнеполитическими шагами президента России В. В. Путина и китайскими стратегемами [22]. Если военный и стратегический опыт России в том или ином виде пересекается с китайским (в частности, военные и дипломатические технологии схожи со стратегемным оснащением китайцев), то вполне можно предположить, что сотрудничество двух сторон в критических ситуациях (например, противостояние санкционной политике) с привлечением двустороннего национального опыта будет продуктивным для обеих сторон.

Таким образом, взаимное изучение национальной культуры, особенностей менталитета и исторического опыта партнера принимает особую важность для выстраивания взаимодействия и дипломатических отношений с тем или иным государством. В частности, в контексте процесса развития цивилизаций исследователи характеризуют Запад как динамичную модель, в которой одна противоположность сменяется другой (черное – белым), а китайскую модель – умеренно динамичной со своими особенностями восприятия времени (исчисление времени в Древнем Китае проходило по интервалам смены стражи императора – по 2 часа) [6, с. 123]. Такая характеристика китайской модели обеспечивает ее устойчивость, а система отношений отличается отсутствием поспешности и спонтанности в принятии решений, всесторонним оцениванием возможных последствий принятых решений, а также демонстрацией сдержанности в заявлениях, в том числе внешнеполитических. Затруднительно представить Китай, выступающим с предложением о признании США террористическим государством, в то время как США в Стратегии национальной безопасности-2022 назвали Китай главной угрозой в Индо-Тихоокеанском регионе, а Россию – в Европе [17].

Профессор Чумаков А.Н. полагает, что взаимодействие, выстраиваемое на основе культурно-цивилизационного диалога, является практически единственным способом разрешения глобальных противоречий в современном мире. В основе такого взаимодействия, по мнению ученого, должны лежать определенные условия, которые в общем виде включают в себя общепризнанную (общечеловеческую) мораль, общую (глобальную) правовую систему и религиозную толерантность (приоритет светской власти при разделении церкви и государства) [16, с. 12]. В свою очередь, можно добавить, что сотрудничество в вышеуказанном формате с большей долей вероятности будет отличаться гибкостью принятия решений, долгосрочностью и доверительностью, что вполне соответствует системе взаимоотношений между Россией и Китаем, в которой осуществляется учет взаимных интересов в противовес эгоистическим мотивам.

Алешковский И.А. и Гаспаришвили А.Т. говорят о том, что продуктивность взаимодействия двух стран может быть обеспечена за счет глобальных универсальных ценностей, разделяемых всеми участниками взаимодействия при условии, если они (глобальные ценности) не противоречат национальной культуре каждого участника отношений. В этой связи необходимо отметить обращение политического вектора Китая к духовной культуре, в частности к конфуцианству, тезисы которого прочно вошли не только во внутривнутриполитический курс страны (концепция о построении 小康社会 "общества средней зажиточности" при Дэн Сяопине и тезис "управление на основе добродетели" 以德治国 при Цзян Цзяньцзэ и т.д.), но и во внешнеполитическую повестку страны. Так, в выступлении на саммите 60-летия образования ООН в 2005 году лидер КНР Ху Цзиньтао обозначил направление новой геополитической концепции Китая, основанной на идее "гармоничного мира" 和谐世界 о всестороннем сотрудничестве Китая и всего мира [1, с. 28]. В продолжение Си Цзиньпин в 2012 году предложил концепцию строительства "сообщества единой судьбы человечества" 人类命运共同体, направленной на совместное преодоление государствами глобальных проблем и угроз человечеству. Таким образом, Китай предлагает миру выстраивать глобальное взаимодействие, ориентируясь на универсальные конфуцианские понятия о гуманности, разумности, справедливости, долге и т.п.

В России на первом месте среди общечеловеческих ценностей, согласно реализованному в 2018 году в МГУ имени В. М. Ломоносова проекту под названием "Научное обоснование существования глобальных ценностей как основания развития современного общества", стоит безопасность как основа жизни в нестабильном мире [2, с. 68]. Благодаря тому, что и Россия, и Китай демонстрируют схожий подход к понятию безопасность (защита населения внутри страны, защита соотечественников за рубежом, противостояние вмешательству во внутренние дела страны и т.п.) сотрудничество двух стран вышло на новый уровень, что было обозначено в двух заявлениях, сделанных 5 июня 2019 года о развитии двусторонних отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического партнерства, а также укреплении стратегической стабильности.

Это является очередным свидетельством того, что одним из актуальных направлений российско-китайского взаимодействия является сотрудничество в области обеспечения международной стабильности на мировом и региональном уровнях. В данном контексте приоритетными повестками взаимодействия остаются проблемы, угрожающие мирному существованию населения как в масштабах отдельного государства, региона, так и в глобальном масштабе. К числу таких проблем прежде всего относятся вопросы, связанные с обеспечением безопасности, т.е. борьба с терроризмом и наркобизнесом, противодействие киберугрозе, противостояние агрессивной политике недружественных стран, навязывающих свое видение картины мира остальным акторам международных отношений. Обобщая повестки встреч и переговоров, проводимых Россией и Китаем в 2021–2022 г., можно выделить спектр регулярно обсуждаемых актуальных вопросов, лежащих в области поддержания стабильности и обеспечения безопасности. Этот период нами определяется как постковидный, когда возобновляется активность

межгосударственного взаимодействия, связанная с затуханием панических настроений и ростом уверенности (чему поспособствовала вакцинация, основная фаза которой приходится на конец 2020 и начало 2021 г.). В то время происходит восстановительный рост мировой экономики, однако увеличиваются геополитические и геоэкономические риски. Среди ключевых предметов обсуждений в этот период присутствовали следующие:

- взаимодействие на площадках международных организаций (ООН, ШОС, БРИКС и т.д.) по вопросам, связанным с международной стабильностью;
- ситуация на Корейском полуострове и ее урегулирование на основе совместных российско-китайских инициатив;
- ближневосточная повестка ("афганский вопрос", ситуация в Сирии, палестино-израильский конфликт и др.);
- положение на Украине;
- проблемы сотрудничества в постковидный период.

Таким образом, Россия и Китай в качестве одних из ведущих держав мира постоянно работают над вопросами международной стабильности, в том числе обеспечения международной безопасности военно-политического характера. Комплексность вопросов стабильности связана с системностью международных отношений, в которых каждый отдельный элемент может оказать существенное влияние на состояние всей целостности. В итоге можно этот процесс представить как перманентный, так как взаимодействие не прекращается ввиду протяженности границ (что обуславливает постоянное взаимодействие на различных уровнях, начиная от контактов между физическими или юридическими лицами до сотрудничества органов власти разного уровня и сферы деятельности) и интернационализации внешних связей, прежде всего, экономических. Это в первую очередь касается таможенных органов, правоохранительных структур, специальных служб.

В рамках вопросов международной стабильности как одного из ключевых вопросов двусторонних и многосторонних встреч динамика фактов российско-китайского взаимодействия на уровнях от представителей посольств двух стран и специальных представителей до первых лиц государств представлена на рис. 1. Помимо этого осуществляется постоянное взаимодействие в рамках иных госорганов и бизнес-структур.

Несомненно, предусмотрены регулярные встречи (например, в рамках проблематики Корейского полуострова), а также контакты, продиктованные постоянно меняющейся внешнеполитической обстановкой, международной повесткой и иными обстоятельствами, затрагивающими интересы российской и китайской сторон.

Кроме того, регулярные политические консультации на высшем уровне по широкому спектру вопросов глобального, регионального и двустороннего уровней стали важной чертой китайско-российских отношений с конца 1990-х гг. Как отмечает В. Кашин, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года фактически сделал такие консультации обязательными во время международных кризисов, влияющих на безопасность России или Китая (статья 9 договора) [19, с. 6]. Таким образом, уместно утверждать, что в период обострения обстановки на международной арене (конфликт, кризис, военные действия) и нарастающей угрозе безопасности двух стран количество контактов увеличивается, сторонами принимаются важные внешнеполитические решения. Это характерно не только для России и Китая, а свойственно всем государствам как субъектам мировой политики. Так, угроза терроризма 11 сентября 2001 года подстегнула страны НАТО начать "справедливую войну" с терроризмом за пределами зоны своей ответственности, направив военный контингент в Ирак и Афганистан, реализуя в такой форме ответные меры. В тоже время общими усилиями взаимодействий России и Китая немногим до терактов 11 сентября (июнь 2001 г.) была учреждена Шанхайская организация сотрудничества, деятельность которой направлена на обеспечение стабильности, безопасности и борьбу с терроризмом.

Цикличность взаимодействий России и Китая, которая видна на рисунке 1, позволяет выделить определенные периоды активности контактов, связанные со значимыми событиями кризисного (деструктивного) характера, происходившими с января 2021 года по август 2022 года: январь – июнь 2021 г., август – декабрь 2021 г., февраль – апрель 2022 г., июнь – август 2022 г.

Взаимодействие России и Китая в первой половине 2021 года (до вывода американских вооруженных сил с территории Афганистана) происходило на фоне вступления Дж. Байдена на пост президента США (20 января 2021 г.), а также отдельных событий во внутри- и внешнеполитической жизни России и Китая с непосредственным или опосредованным участием американской стороны, к таковым событиям можно отнести: организованные не без поддержки стран Запада массовые протесты по всей России в поддержку определяемого в ряде СМИ в качестве оппозиционера А. Навального (январь 2021 г.), арест китайскими властями активистов гонконгских выступлений против государственной власти и, как следствие, применений Западом санкционного давления на китайских бизнесменов (6 января 2021 г.), продление сроков российско-американского Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (5 февраля 2021 г.), очередная "уйгурская волна" обвинений китайских властей в ущемлении прав уйгуров (китайско-американская встреча на высшем уровне, г. Анкоридж, 19 марта 2021 г.). В табл. 1 представлена выборка мероприятий (прежде всего, на высшем и высоком уровнях в двустороннем и многостороннем форматах) с участием России и Китая с международной общеполитической (актуальные вопросы двустороннего взаимодействия) или тематической (кризис в Афганистане) повесткой дня.

В череде встреч с августа по декабрь 2021 года отправной точкой активизации российско-китайского взаимодействия стал вывод американских вооруженных сил с территории Афганистана (имеет общий участок границы с Китаем, а также бывшими республиками СССР), в связи с чем наблюдалось нарастание ситуации напряженности в пограничных районах в соседствующих с Афганистаном странах Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) и, как следствие, проведение внеочередного заседания ОДКБ по реализации в регионе дополнительных мер безопасности (23 августа 2021 г.) и ряда встреч в рамках ШОС (16–17 сентября 2021 г.). На фоне событий в Афганистане в сентябре 2021 года был основан AUKUS – альянс Австралии, Великобритании и США, в отношении которого российская и китайская стороны неоднократно демонстрировали схожесть позиций, указывая на дестабилизирующую роль альянса в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), а на очередном заседании 76-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (25 сентября 2021 г.) С. В. Лавров назвал AUKUS стремлением Европы к "стратегической автономии" [10]. В сентябре-октябре 2021 года был проведен ряд двусторонних встреч, а также взаимодействия "на полях" международных организаций (БРИКС, ШОС, G20), отдельной проблемой в повестке заседаний которых обсуждался "афганский вопрос". В табл. 2 приведены мероприятия с участием России и Китая по проблеме Афганистана.

2021 год завершился двусторонней видеоконференцией России и Китая на высшем уровне (15 декабря 2021 г.), которой предшествовало общение Си Цзиньпина с Дж. Байденом (16 ноября 2021 г.) и В. В. Путина с американским президентом (7 декабря 2021 г.). В ходе общения В. В. Путин и Си Цзиньпин выразили схожесть позиций по вопросу распространения деструктивного влияния США посредством деятельности в АТР военных альянсов AUKUS и Quad. Необходимо отметить, что со стороны России неприемлемость внешнеполитического курса США и стран НАТО была официально представлена 17 декабря 2021 г. проектом договора о гарантиях безопасности с акцентом о нерасширении НАТО, с китайской стороны – пресс-конференцией официального представителя Министерства иностранных дел КНР Чжао Лицзяня (21 декабря 2021 г.), прошедшей в ключе обвинительной риторики в адрес США, спекулирующих инструментом внешнеполитического давления под названием "права человека в Синьцзяне" [21].

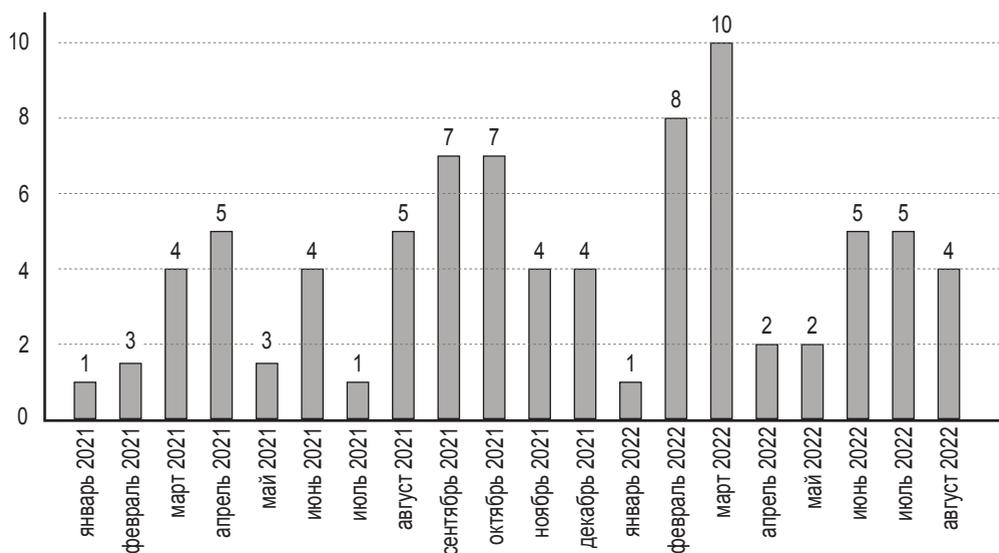

Рис. 1. Количество встреч по вопросам международной стабильности официальных представителей России и Китая.

Источник: составлено автором на основе [2; 4; 6; 13; 21].

Fig. 1. Number of meetings on international stability between official representatives of Russia and China.

Source: compiled by the author based on sources [2; 4; 6; 13; 21].

В начале 2022 года можно отметить рост числа контактов в феврале-марте 2022 г., т.е. в период подготовки и начала СВОР на юго-востоке Украины (бывшие территории Украины (признаны Россией 22.02.2022 г.) – Донецкая и Луганская Народные Республики – и такие регионы Украины, как Харьковская, Сумская, Херсонская и Запорожская области) по демилитаризации и денацификации соседней страны. В табл. 3 приведен список основных контактов России и Китая за указанный период. Так, только 24 февраля 2022 г. (день начала СВОР на Украине, ДНР и ЛНР) состоялся двусторонний контакт на уровне министров иностранных дел (телефонный разговор глав МИД С.В. Лаврова и Ван И), а 25 февраля 2022г. – телефонный разговор глав государств (президента РФ В.В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина). В первом случае основной целью контакта являлись вопросы признания Россией независимости ДНР и ЛНР, обмен мнениями о ситуации на востоке Украины (в результате заявлено единство позиции в отношении роли США и их союзников в отказе украинских властей от реализации "минских договоренностей"); во втором – обсуждение признания Россией ДНР и ЛНР, а также причин начала специальной военной операции на Украине, в итоге определена обоюдная готовность взаимной поддержки в ООН и других международных площадках, а также высказано осуждение односторонних нелегитимных санкций.

Вполне понятно, что на международном пространстве Китай выступает против проведения прямых параллелей между СВОР на Украине и ситуацией вокруг материкового Китая и Тайваня, тем самым защищая свои внешнеполитические интересы, однако это не мешает двум странам продолжать укреплять партнерские отношения, подкрепляя их взаимными мерами доверия в военной сфере и предоставлением гарантий безопасности в Центральной Азии [9, с. 134].

Говоря о взаимодействии России и Китая в феврале-марте 2022 года на многосторонней основе, прежде всего, на полях ООН (Генеральной Ассамблеи ООН, Совбеза ООН, Совета ООН по правам человека, Международного суда ООН и т.п.), то, учитывая характер заседаний с явной тенденцией формирования антироссийской коалиции внутри организации, Китай неоднократно в свойственной ему сдержанной манере, воздерживаясь при голосовании, выступал с позиции всестороннего рассмотрения проблемы, учитывая все обстоятельства сложившейся ситуации.

Дата \ Место	Уровень	Официальный представитель с российской стороны	Официальный представитель с китайской стороны	Цель встречи (мероприятия)
28.06. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	20-летие подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.
01.06. 2021	Многосторонний "на полях" СММД БРИКС (видео-конференция)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Вопросы террористической угрозы, международная информационная безопасность, взаимодействие на площадках международных организаций.
25.05. 2021 Москва	Двусторонний, 16-ый раунд российско-китайских консультаций по вопросам стратегической безопасности	Секретарь Совета безопасности Н. Патрушев	Глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзечи	Актуальные вопросы российско-китайского взаимодействия, проблематика международной и региональной безопасности.
21.05. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель Министра иностранных дел России М.Л. Богданов	Специальный посланник Правительств КНР по Ближнему Востоку Чжай Цзюнь	Палестино-израильский кризис
30.04. 2021 Доха	Многосторонний в рамках расширенной "тройки" (Россия, Китай, США, Пакистан)	Специальный представитель Президента России по Афганистану, З.Н. Кабулов	Спецпредставитель МИД КНР	Урегулирование ситуации в Афганистане
22-23.03 2021 Гуйлинь	Двусторонний	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Взаимодействие в условиях пандемии, актуальные проблемы международных отношений, подготовка двусторонних контактов на высшем и высоком уровнях.
18.03. 2021 Москва	Многосторонний в рамках расширенной "тройки" (Россия, Китай, США, Пакистан)	Спецпредставитель Президента России по Афганистану, директор З.Н. Кабулов	Спецпредставитель МИД КНР	Урегулирование ситуации в Афганистане
24.02. 2021	Двусторонний	Спецпредставитель Министра иностранных дел РФ по БВУ В.К. Сафронов	Советник-посланник Посольства КНР в Москве Су Фанцю	Палестинская проблема
04.02. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	График контактов на высшем и высоком уровнях в 2021 году, актуальные вопросы международной повестки.

Табл. 1. Значимые российско-китайские контакты в феврале–июне 2021г.

Источник: составлено автором на основе [5; 7; 14; 23].

Table 1. Significant Russian-Chinese contacts in February–June 2021.

Source: compiled by the author based on [5; 7; 14; 23].

Дата \ Место	Уровень	Официальный представитель с российской стороны	Официальный представитель с китайской стороны	Цель встречи (мероприятия)
30.10.2021 Рим	Многосторонний (в рамках G20)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Обсуждение перспектив взаимодействия России и Китая в рамках "Группы 20", региональные и международные проблемы, в т.ч. по проблематике Афганистана.
27.10.2021 Тегеран	Многосторонний, встреча премьер-министров шести стран-соседей Афганистана (Иран, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Пакистан, Китай).	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Ситуация в Афганистане, решение вопросов достижения мира, стабильности и национального примирения.
13.10.2021 Москва	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел И.В. Моргулов	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Наращивание двустороннего гуманитарного сотрудничества в условиях противоэпидемических мер; ситуация вокруг Афганистана.
12.10.2021	Многосторонний, чрезвычайный саммит G20 по Афганистану (видео-конференция)	Заместитель Министра иностранных дел И.В. Моргулов и спецпредставитель президента по Афганистану З. Кабулов.	Министр иностранных дел Ван И	Гуманитарная помощь афганскому населению, борьба с терроризмом, передвижение внутри страны и открытые границы.
22.09.2021 Кабул	Многосторонний (Россия, Китай, Пакистан, Афганистан)	Спецпредставитель Президента России З.Н. Кабулов	Спецпредставитель МИД КНР Юэ Сяюэн	Политические изменения в Афганистане, развитие экономических и гуманитарных связей, инклюзивность правительства, поддержка борьбы с терроризмом и нарко-трафиком
17.09.2021 Душанбе	Многосторонний (юбилейный саммит ШОС)	Президент РФ В.В. Путин (онлайн)	Председатель КНР Си Цзиньпин (онлайн)	Разрешения кризиса, вызванного пандемией, согласование позиции по Афганистану
16.09.2021 Душанбе	Многосторонний "на полях" СГГ ШОС (Россия, Китай, Пакистан, Иран)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Афганский вопрос
09.09.2021	Многосторонний (XIII саммит БРИКС) (видео-конференция)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Политика и безопасность, в т.ч. противодействие терроризму, экономика и финансы, культурные и гуманитарные обмены

08.09.2021 Москва	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ А.Ю. Руденко	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Проблематика центральноазиатского региона на фоне афганских событий
----------------------	--------------	--	-------------------------------------	---

Табл. 2. Основные контакты России и Китая по повестке Афганистана (сентябрь–октябрь 2021 г.).

Источник: составлено автором на основе [7; 14; 23].

Table 2. Main contacts between Russia and China on the Afghanistan agenda (September–October 2021).

Source: compiled by the author based on [7; 14; 23].

Так, представитель Китая в Международном суде ООН Сюэ Ханьцин стала единственным судьей, который вместе с представителем России, проголосовал против решения, обязывающего Россию остановить СВО на Украине, что косвенно демонстрирует учет взаимных интересов.

Снижение количества контактов на высоком политическом уровне в апреле-мае 2022 г., а также в прочие периоды не стоит считать "затуханием" взаимодействия по вопросам международной стабильности, т.к. ключевые векторы отношений были определены, а повестка переросла в экономическую плоскость. Тем не менее одним из значимых событий апреля 2022 года стало выступление Си Цзиньпина на Беоаском азиатском форуме с предложением новой инициативы в сфере глобальной безопасности, которая подверглась активной критике в западных дипломатических кругах и средствах массовой информации, поскольку положения данной инициативы во многом пересекаются с концепцией "неделимой безопасности", поддерживаемой Россией.

В июне-июле 2022 г. взаимодействие несколько учащается, что позволяет отметить зависимость динамики контактов от целесообразности. Причем представители двух государств не решают только свои "узкополитические и военные" вопросы, а направляют общие усилия на повышение уровня международной стабильности, используя для этого многосторонние встречи. В частности, 22 июля 2022 г. состоялся телефонный разговор заместителя Министра иностранных дел России И. В. Моргулова и специального представителя Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомина по вопросам ситуации на Корейском полуострове, а 28 июля 2022 г. в г. Ташкент (Узбекистан) в рамках СМВД ШОС Министр иностранных дел России С. В. Лавров и Министр иностранных дел Китая Ван И обсудили региональную и международную повестку дня: интеграционные процессы в Центральной Азии, "афганский вопрос", ситуацию на Украине, в результате была продемонстрирована готовность наращивать двустороннее взаимодействие и координацию в рамках многосторонних форматов с участием двух стран.

Таким образом, несмотря на провокации ряда стран, на которые приходится отвечать как России, так и Китаю, а также сложную внешнеполитическую и внешнеэкономическую ситуацию, взаимодействие не только не сворачивается, напротив, продолжает развиваться.

Говоря о двустороннем взаимодействии, необходимо отдельно обозначить встречи на высшем уровне, выступающие в качестве вектора, задающего направления развития отношений между государствами. Частота таких встреч и их результативность являются показателем уровня межгосударственного доверия, демонстрируют степень слаженности взаимодействия и схожесть позиций во внешней политике, а также закладывают перспективы дальнейшего сотрудничества. Кроме того, значимую роль играют и межличностные отношения между лидерами двух стран, именно этот фактор уже стал растиражированным аргументом среди западных средств массовой информации в отношении общения между В. В. Путиным и Си Цзиньпином.

В 2021 году исполнилось 20 лет со дня подписания договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, что стало повесткой целого ряда встреч в 2021 году, в том числе между В. В. Путиным и Си Цзиньпином. Как видно из табл. 4, в 2021 году В. В. Путин и Си Цзиньпин участвовали в 5 совместных мероприятиях, три из кото-

Дата \ Место	Уровень	Официальный представитель с российской стороны	Официальный представитель с китайской стороны	Цель встречи (мероприятия)
30-31.03.2022 Тунси	Многосторонний "на полях" 3-ей конференции министров иностранных дел стран-соседей Афганистана	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Ситуация вокруг Украины, глобальная и региональная повестки дня, включая текущее положение дел в Афганистане и Центральной Азии.
21.03.2022 Москва	Двусторонний	Заместители Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин и А.Ю. Руденко	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Внешнеполитическая повестка дня с акцентом на ситуацию вокруг Украины, а также взаимодействие на международных площадках.
21.03.2022 Москва	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.А. Рябков	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Актуальные темы внешнеполитической повестки дня, в т.ч. военно-биологическая деятельность США на территории Украины.
18.03.2022 Пекин	Двусторонний	Посол РФ в КНР А. Денисов	Специальный представитель МИД КНР по вопросам внешней безопасности Чэн Гопин	Вопросы двустороннего сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и противодействия терроризму в рамках имеющихся механизмов
17.03.2022 Москва	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Взаимодействие России и Китая на международных площадках.
10.03.2022	Двусторонний (видео-конференция)	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Заместитель Министра иностранных дел КНР Ма Чжаосюй.	Проблематика российско-китайского взаимодействия в Генеральной Ассамблее ООН, Совете ООН по правам человека, в рамках БРИКС.
07.03.2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Текущие вопросы взаимодействия
05.03.2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России А.Ю. Руденко	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Обмен мнениями по ситуацию вокруг Украины, договоренности об эвакуации граждан КНР из зоны боевых действий.
01.03.2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Текущие вопросы российско-китайского стратегического взаимодействия, обсуждение договоренностей, достигнутых лидерами двух стран в Пекине 04.02.2022.

25.02.2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Признание Россией ДНР и ЛНР, причины начала специальной военной операции на Украине.
24.02.2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Признание Россией независимости ДНР и ЛНР, обмен мнениями о ситуации на востоке Украины.
19.02.2022 Нью-Йорк	Многосторонний встреча с постоянными представителями Венесуэлы, Китая и Сирии	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Постоянный представитель КНР при ООН Чжан Цзюнь	Укрепление взаимодействия трех стран на международных площадках и в рамках в рамках Группы друзей в защиту Устава (ГДУ) ООН
18.02.2022 Нью-Йорк	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	С главами миссий постоянных членов Совбеза ООН	Ситуация в Афганистане, Йемене, Сирии, Сахаро-Сахельском регионе, а также ситуации вокруг Украины.
04.02.2022 Пекин	Двусторонний	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Двусторонняя повестка, в т.ч. военно-техническое сотрудничество
03.02.2022 Пекин	Двусторонний	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Обсуждение глобальных и региональных проблем, включая ситуацию в Афганистане, на Корейском полуострове и в целом в АТР с акцентом на деятельность США по созданию блоковых структур и объединений.

Табл. 3. Основные контакты России и Китая в феврале–марте 2022 г.

Источник: составлено автором на основе [3; 7; 14; 23].

Table 3. Main contacts between Russia and China in February–March 2022.

Source: compiled by the author based on [3; 7; 14; 23].

рых носили двусторонний характер. В первой половине 2022 года частота взаимодействия лидеров двух стран увеличилась, что продиктовано началом СВОР. Всего в течение 10 лет (с 2013 г. по август 2022 г.) В. В. Путин и Си Цзиньпин встречались в различных форматах более 40 раз, что, по мнению китайского новостного агентства Chinanews (中国新闻网), является своеобразным дипломатическим рекордом по общению между главами государств [24]. Помимо двусторонних встреч первые лица России и Китая регулярно встречаются на площадках международных организаций (ШОС, БРИКС).

Из табл. 4 можно увидеть, что контакты между руководителями России и Китая происходят в различных форматах, включая дистанционный (телефонные переговоры и видеоконференции), и по разным вопросам от геополитических до социально-экономических и технических. Также можно обратить внимание на тот факт, что основными повестками переговоров становятся, исходя из представленной информации, ключевые действия на международной арене: признание Россией ЛНР и ДНР, начало СВОР, а ранее активность США и сформированных ими альянсов в АТР.

В связи с этим следует отметить, что каждый факт взаимодействия В.В. Путина и Си Цзиньпина привлекает внимание международной общественности, особенно

Дата \ Место	Уровень мероприятия	Повестка мероприятия
23-24.06.2022	Многосторонний, в рамках XIV саммита БРИКС (видеоконференция)	Укрепление высококачественного партнерства БРИКС, вступающего в новую эру глобального развития.
15.06.2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Ситуация на Донбассе и Украине
25.02.2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Признание Россией ДНР и ЛНР, причины начала специальной военной операции на Украине.
04.02.2022 Пекин	Двусторонний	Двусторонняя повестка, в т.ч. военно-техническое сотрудничество
15.12.2021	Двусторонний (видеоконференция)	Активность США в АТР, деятельность альянсов AUKUS и Quad как дестабилизирующего фактора в регионе.
17.09.2021 Душанбе	Многосторонний (юбилейный саммит ШОС)	Разрешения кризиса, вызванного пандемией, согласование позиции по Афганистану.
09.09.2021	Многосторонний (XIII саммит БРИКС) (видеоконференция)	Политика и безопасность, в т.ч. противодействие терроризму, экономика и финансы, культурные и гуманитарные обмены
25.08.2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Ситуация в Афганистане, борьба с терроризмом и наркотрафиком.
28.06.2021	Двусторонний (телефонный разговор)	20-летие подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Табл. 4. Мероприятия с участием В.В. Путина и Си Цзиньпина (2021 – по июнь 2022).

Источник: составлено автором на основе [14; 23].

Table 4. Events with the participation of Vladimir Putin and Xi Jinping (2021 – June 2022).

Source: compiled by the author based on [14; 23].

США и их союзников. Такое активное взаимодействие глав двух государств можно рассматривать как реакцию на растущую напряженность в китайско-американских и российско-американских отношениях, однако в настоящее время это больше вопрос дополняемости двух стран, а не формирование альянса для отражения внешних угроз.

Заключение

Многие эксперты сходятся во мнении, что вмешательство США в сферы национальных интересов России и Китая, в том числе выраженные в привлечении сторонников из числа государств, расположенных вдоль границ двух стран, работает на сближение отношений России и Китая, подталкивая обе страны к еще более тесному взаимодействию. Ярким примером является деструктивная деятельность и освещение проблем со стороны североамериканской страны в отношении территории на юго-востоке Украины, где проживает значительное количество граждан России или этнических русских по национальности, а в Китае подобная ситуация прослеживается в отношении Тайваня, Гонконга, Синьцзяна. В качестве стран, используемых для создания пояса нестабильности или недружественности национальным государствам России и Китая можно выделить прибалтийские государства, а также Грузию на границе с РФ, а с КНР – Индию и Непал. Принимая во внимание то обстоятельство, что Украина и коллективный Запад открыто обвинили Китай в соучастии в СВОР на Украине, приводя довод в совершении кибератак из Китая на 600 сайтов украинской военной инфраструктуры за день до

начала операции [20], Китай вынуждают отходить от политики нейтралитета и выстраивать с Россией инициативное взаимодействие (активного лидерства) в условиях тотальных санкций и попыток Запада изолировать Россию. В современных условиях такое российско-китайское взаимодействие в полной мере соответствует внешнеполитическим мотивам "гибкого" реализма: обеспечение безопасности, получение выгоды и поддержание (а в случае Китая утверждение за собой) статуса сильной военной державы. В общем виде политическое взаимодействие активного лидерства должно отличаться большей открытостью (в отношении стран) и меньшей сдержанностью в сфере обеспечения защиты национальных интересов, то есть допускать возможность перехода к активным (наступательным) действиям с применением нестандартных решений, руководствуясь дипломатическим и военным опытом обеих стран (стратегическое оснащение Китая и опыт участия в реальных военных действиях России). В связи с этим если страны признают (официально) в США главного врага (в отличие от сегодняшней ситуации, когда ключевым врагом является международный терроризм, сепаратизм и экстремизм, а также экологические проблемы человечества), то согласованное взаимодействие России и Китая в отношении геополитического противника может выстраиваться в наступательном векторе (не обязательно в военном плане). Особенно это возможно, когда достигнуто превосходство или, по крайней мере, состояние паритета. В этой связи ускоренно подталкиваемые навстречу друг другу коалицией западных стран и их союзников (Японией, Австралией) Китай и Россия обладают значительным суммарным потенциалом (экономическим, военно-политическим, геополитическим, человеческим и т.д.), что позволит противостоять практически любому союзу. Насколько данный сценарий реализуется, покажет только время, но неизбежность развития взаимодействия носит объективный характер, что обусловлено прежде всего территориальной близостью и общностью интересов и подтверждается интенсивностью контактов (особенно в кризисных ситуациях), что показано в работе. Свидетельством данного вывода является факт назначения 13 сентября 2022 г. послом РФ в КНР И. В. Моргулова, который долгое время занимал пост заместителя Министра иностранных дел России. Данный факт положительно оценивается китайскими экспертами в области международных отношений, они видят в этом перспективы дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества.

Литература

1. Алаберт А.В. Культурные коды китайского социализма. М.: ООО "Международная издательская компания "Шанс", 2021. 283 с.
2. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т. Глобальные универсальные ценности как основа российско-китайского взаимодействия / И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаришвили // Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. ред. А.Н. Чумаков, Ли Хэй. М.: Издательство Проспект, 2022. 352 с.
3. Андрей Денисов встретился со спецпредставителем МИД КНР Чэн Гопином // Официальный сайт посольства Российской Федерации в Китайской Народной Республике. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/andrey_denisov_vstretilsya_so_spetspredstavitelem_mid_knr_chen_gopinom/ (дата обращения: 20.08.2022).
4. Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
5. В Москве состоялся 16-ый раунд российско-китайских консультаций по вопросам стратегической безопасности // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2996/> (дата обращения: 15.08.2022).
6. Григорьева Т.П. Китай, Россия и Всечеловек. М.: Новый Акрополь, 2011. 472 с.
7. Двусторонние отношения с Китайской Народной Республикой // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://mid.ru/ru/maps/cn/> (дата обращения: 31.08.2022).
8. Зенгер Х.ф. Полное собрание 36 знаменитых китайских стратегов в одном томе. М.: Эксмо, 2014. 1040 с.
9. Клименко А.Ф. Система региональной безопасности на пространстве ШОС: проблема повышения дееспособности // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития Организации / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2019. 344 с.
10. Лавров прокомментировал создание партнерства AUKUS // Известия: сайт. URL: <https://iz.ru/1226950/2021-09-25/lavrov-prokommentiroval-sozdanie-partnerstva- aukus> (дата обращения: 20.08.2022).

09.09.2022).

11. Лебедева М.М. *Мировая политика: учебник*. М.: КНОРУС, 2020. 254 с.
12. Ломанов А. В. Россия и Китай в "новую эпоху": вызовы и перспективы // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020. Т. 25. № 25. С. 34–50. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10002>.
13. Морозов В.А. Взаимодействие: понятие, виды и свойства // *Креативная экономика*. 2015. 9(10). С.1309–1318.
14. Последние события // *Официальный сайт президента России*. URL: kremlin.ru/events/president/news (дата обращения: 29.08.2022).
15. Сандерс Д. *Международные отношения: неореализм и неолиберализм* // *Политическая наука: новые направления*. М: Вече, 1999. С. 410–424.
16. Чумаков А.Н. *Теория и практика диалога в современном мире / Теория и практика российско-китайских отношений: монография / А.Н. Чумаков, Ли Хэй*. М.: Издательство Проспект, 2022. 352 с.
17. Fact Sheet: 2022 National Defense Strategy // *Official website of the U.S. Department of Defense*. URL: <https://media.defense.gov/2022/Mar/28/2002964702/-1/-1/1/NDS-FACT-SHEET.PDF> (дата обращения: 15.08.2022).
18. Jervis R. Realism, Neoliberalism, and Cooperation: Understanding the Debate // *International Security*. 1999. Vol. 24. No. 1. P. 42–63. URL: <http://www.jstor.org/stable/2539347>. (дата обращения: 04.09.2022).
19. Kashin V. Russia-China Cooperation: A Russian Perspective. *Sino-Russian Relations. Perspectives from Russia, China, and Japan*. NBR Special Report #79, May 2019. 62 p. URL: http://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr79_sino-russian_relations_may2019.pdf (дата обращения: 25.08.2022).
20. Tucker M. China accused of hacking Ukraine days before Russian invasion // *The Times*: сайт. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/china-cyberattack-ukraine-z9gfkbgmf> (дата обращения: 01.09.2022).
21. 2021年12月21日外交部发言人赵立坚主持例行记者会 // *中华人民共和国外交部 = 21 декабря 2021 года официальный представитель МИД Чжао Лицзянь провел очередную пресс-конференцию* // *Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202112/t20211221_10473728.shtml (дата обращения: 25.08.2022).
22. 普京玩三十六计？对中国的文化精髓，我们怎样才能比他更精通呢 // *网易 = Путин разыгрывает тридцать шесть стратегов? Как мы можем лучше него разбираться в китайской культуре?* // Wangyi. URL: <https://www.163.com/dy/article/HE7F34TO05430QB5.html> (дата обращения: 20.08.2022).
23. *外事日程* // *中华人民共和国外交部 = Календарь зарубежных событий* // *Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики*. URL: http://mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/wsrc_674883/ (дата обращения: 30.08.2022).
24. 习近平与普京“云端”再会晤，共释中俄关系高在何处 // *中国新闻网 = Си Цзиньпин и Путин снова встречаются в "облаке", чтобы совместно прокомментировать куда стремятся китайско-российские отношения* // *Новостное агентство Чжунго синьвэньван: сайт*. URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2021/12-16/9631591.shtml> (дата обращения: 25.08.2022).

References

1. Alabert A.V. *Cultural codes of Chinese socialism*. М.: LLC International Publishing Company Shans, 2021. 283 p. (In Russ.).
2. Aleshkovskii I.A., Gasparishvili A.T. *Global universal values as the basis for Russian-Chinese Cooperation / Theory and practice of Russian-Chinese relations: monograph / ed. by A.N. Chumakov, Li Hei*. М.: Izdatel'stvo Prospekt, 2022. 352 p. (In Russ.).
3. Andrey Denisov has met the special representative of the Ministry of Foreign Affairs of China Cheng Guoping // *Official website of the Russian embassy in China*. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/andrey_denisov_vstretilsya_so_spetspredstavitelem_mid_knr_chen_gopinom/ (accessed 20.08.2022). (In Russ.).
4. Vinogradov V.N. *Lord Palmerston in European diplomacy* // *Modern and Contemporary History*. 2006. no.5. P. 182-209. (In Russ.).
5. The 16th round of Russian-Chinese consultations on strategic security issues took place in Moscow // *Official website of the Security Council of the Russian Federation*. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2996/> (accessed 15.08.2022). (In Russ.).
6. Grigor'eva T.P. *China, Russia and Allman*. М.: Novyj Akropol', 2011. 472 p. (In Russ.).
7. *Bilateral relations with the People's Republic of China* // *Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://mid.ru/ru/maps/cn/> (accessed 31.08.2022). (In Russ.).
8. Senger H.f. *The complete set of the 36 famous Chinese stratagems in one volume*. М.: Eksmo, 2014. 1040 p. (In Russ.).
9. Klimenko A.F. *The regional security system in the SCO space: the problem of increasing capability / Prospects for multilateral cooperation between the SCO and international structures in the interests of the development of the Organization / ed. by Yu.V. Morozov*. М.: IDV RAN, 2019. 344 p. (In Russ.).
10. Lavrov commented the creation of the AUKUS partnership // *Izvestiya: site*. URL: <https://iz.ru/1226950/2021-09-25/lavrov-prokomentiroval-sozdanie-partnerstva-aucus> (accessed 09.09.2022). (In

Russ.).

11. Lebedeva M.M. World politics: coursebook. M.: KNORUS, 2020. 254 p. (In Russ.).
12. Lomanov A. V. Russia and China in the "new era": challenges and perspectives // China in world and regional politics. History and modern age. 2020. Vol. 25. no.25. P. 34–50. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10002>. (In Russ.).
13. Morozov V.A. The interaction: concept, types and features // Creative Economy. 2015. 9(10). P.1309–1318. (In Russ.).
14. The latest events // Official website of the President of Russia. URL: kremlin.ru/events/president/news (accessed 29.08.2022). (In Russ.).
15. Sanders D. International Relations: Neorealism and Neoliberalism // Political Science: New Directions. M: Veche, 1999. P. 410–424. (In Eng.).
16. Chumakov A.N. Theory and practice of dialogue in the modern world / Theory and practice of Russian-Chinese relations: monograph / ed. by A.N. Chumakov, Li Hei. Moskva: Izdatel'stvo Prospekt, 2022. 352 p. (In Russ.).
17. Fact Sheet: 2022 National Defense Strategy // Official website of the U.S. Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2022/Mar/28/2002964702/-1/-1/1/NDS-FACT-SHEET.PDF> (accessed 15.08.2022). (In Eng.).
18. Jervis R. Realism, Neoliberalism, and Cooperation: Understanding the Debate // International Security. 1999. Vol. 24. No. 1. P. 42–63. URL: <http://www.jstor.org/stable/2539347>. (accessed 04.09.2022). (In Eng.).
19. Kashin V. Russia-China Cooperation: A Russian Perspective. Sino-Russian Relations. Perspectives from Russia, China, and Japan. NBR Special Report #79, May 2019. 62 p. URL: http://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr79_sino-russian_relations_may2019.pdf (accessed 25.08.2022). (In Eng.).
20. Tucker M. China accused of hacking Ukraine days before Russian invasion // The Times: website. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/china-cyberattack-ukraine-z9gfkbmvgf> (accessed 01.09.2022). (In Eng.).
21. On December 21, 2021 Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian hosted a regular press conference // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhs_l_673025/202112/t20211221_10473728.shtml (accessed 25.08.2022). (In Chin.).
22. Does Putin play thirty-six stratagems? How can we be more proficient than him on the essence of Chinese culture? // Wangyi: website. URL: <https://www.163.com/dy/article/HE7F34TO0543OQB5.html> (accessed 20.08.2022). (In Chin.).
23. Foreign Affairs Schedule // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/wsrc_674883/ (accessed 30.08.2022). (In Chin.).
24. Xi Jinping and Putin meet again in the "cloud" to show the high level of Sino-Russian relations // China Xinhua News Agency: website. (accessed 25.08.2022). (In Chin.).

Татьяна Николаевна БУКРЕЕВА, старший преподаватель кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия; аспирант Средне-русского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орёл, Россия, e-mail: bukreeva@gmail.com

Tatiana N. BUKREEVA, Senior Lecturer, Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russia; Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPА, Orel, Russia, e-mail: bukreeva@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 06.10.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 17.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Проблемы имиджевого позиционирования и информационного продвижения экономического и гуманитарного сотрудничества Дальнего Востока России со странами Юго-Восточной Азии

Петр Юрьевич САМОЙЛЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, petersam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы развития экономического и гуманитарного сотрудничества российского Дальнего Востока со странами Юго-Восточной Азии на современном этапе. Автор уделяет внимание таким проблемам, как развитие полноценного торгово-экономического сотрудничества и инвестиционных проектов на Дальнем Востоке России с участием экономик АСЕАН, перспективам и проблемам имиджевого позиционирования и продвижения такого сотрудничества и регионов российского Дальнего Востока в Юго-Восточной Азии. В качестве типичного примера рассматриваются отношения России и Вьетнама как одного из государств ЮВА, традиционно тяготеющего к сотрудничеству с нашей страной, отношения с которым в настоящее время имеют тренд к новой фазе постепенного развития и сотрудничества. В статье отмечается, что экономическое, деловое и гуманитарное сотрудничество помимо своих непосредственных целей также может увеличивать и общее влияние России в Юго-Восточной Азии, которое на сегодняшний день остается явно недостаточным для развития современной российской политики "Разворота на Восток" и обеспечения национальных интересов в пределах всего Азиатско-тихоокеанского региона.

Ключевые слова: Азиатско-тихоокеанский регион, Юго-Восточная Азия, Российский Дальний Восток, АСЕАН, Приморский край, экономическое и гуманитарное сотрудничество, инвестиционные проекты, внешнеэкономическая деятельность, национальные интересы, политика "Разворота на Восток"

Для цитирования: Самойленко П.Ю. Проблемы имиджевого позиционирования и информационного продвижения экономического и гуманитарного сотрудничества Дальнего Востока России со странами Юго-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 162–172. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/162-172>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/162-172>

Problems of image positioning and information promotion of economic and humanitarian cooperation between the Russian Far East and the countries of Southeast Asia

Peter Yu. SAMOYLENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, petersam@mail.ru

Abstract. The article deals with topical issues of development of economic and humanitarian cooperation between the Russian Far East and the countries of Southeast Asia at the present stage. The author pays attention to such issues as the development of full-fledged trade and economic cooperation and investment projects in the Russian Far East with the participation of the ASEAN economies, the prospects and problems of image positioning and promotion of such cooperation and the regions of the Russian Far East in Southeast Asia. As a typical example, relations between Russia and Vietnam are considered as one of the states of Southeast Asia, traditionally gravitating toward cooperation with our country, relations with which are currently trending towards a new phase of gradual development and cooperation. The article notes that economic, business and humanitarian cooperation, in addition to their immediate goals, can also increase the overall influence of Russia in Southeast Asia, which today remains clearly insufficient for the development of the modern Russian policy of "Pivot to the East" and ensuring national interests in throughout the Asia-Pacific region.

Keywords: Asia-Pacific region, South-East Asia, Russian Far East, ASEAN, Primorsky Krai, economic and humanitarian cooperation, investment projects, foreign economic activity, national interests, "Pivot to the East" policy

For citation: Samoylenko P.Yu. Problems of image positioning and information promotion of economic and humanitarian cooperation between the Russian Far East and the countries of Southeast Asia // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 162–172. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/162-172>

Одной из важнейших задач в развитии Дальнего Востока России и Приморского края в настоящее время является усиление сотрудничества со странами Азиатско-тихоокеанского региона. Это обусловлено как реалиями современной российской

политики "Разворота на Восток", так и массовыми западными антироссийскими санкциями, введенными в 2022 году, которые побуждают к переориентации сотрудничества в определенной мере с западного на восточное направление.

Следует отметить, что в настоящее время ключевыми торговыми партнерами России в АТР являются преимущественно экономики Северо-Восточной Азии – Китай, Республика Корея и Япония. При этом около 80% оборота приходится на КНР. Страны Юго-Восточной Азии и других субрегионов АТР в гораздо меньшей степени включены в сотрудничество с Россией и ее Дальним Востоком как территориально самой близкой частью. Однако именно с данным регионом перспективно развитие сотрудничества, поскольку там существует спрос на российские товары и услуги, имеются возможности транзита грузов через территорию российского Дальнего Востока с использованием его транспортной инфраструктуры [1]. Также регион ЮВА пока еще слабо охвачен российским влиянием, и движение в этом направлении является закономерным шагом при желании России диверсифицировать свои взаимосвязи с ведущими экономиками АТР и выйти в вопросах партнерства за пределы СВА как самого охваченного интенсивным сотрудничеством – субрегиона Тихоокеанской Пацифики [6, с. 42].

Взятый Россией еще в начале 2000-х годов внешнеполитический курс "Поворота к Азии", в 2010-е трансформировался в "Разворот на Восток". В этом отношении вполне логичным представляется развитие отношений со странами Юго-Восточной Азии, а не только взаимодействие с ведущими экономиками Северо-Восточной Азии, которое сохраняется в качестве доминирующего "азиатского вектора" в настоящее время. Несмотря на создание определенного фундамента для развития двухстороннего и многостороннего сотрудничества со странами АТР, его потенциал по состоянию на нынешнее время раскрыт далеко не полностью, можно даже говорить, что оно находится в начальной точке своего потенциального развития. Другие великие державы, прежде всего США и КНР, ведут гораздо более активное сотрудничество со странами АТР, в том числе и с экономиками Юго-Восточной Азии, с которыми у России исторически были взаимосвязи. В настоящее же время мы можем говорить о том, что этот регион начинает играть все более важную роль для России в АТР, особенно в рамках форсайта на среднесрочную и долгосрочную временную перспективу. Такой приоритет должен однозначно учитываться, поскольку, как известно, российскими властями неоднократно подчеркивалось, что развитие сотрудничества со странами АТР является для России приоритетом на весь XXI век.

Регион ЮВА и страны АСЕАН стали приобретать стратегическое значение для России, во-первых, по экономическим соображениям, учитывая стабильную динамику роста их доли в общем экономическом сальдо АТР и возможности его вовлечения в российские интеграционные проекты. Во-вторых, это произошло по геополитическим соображениям, исходя из оценки вклада региона в формирование архитектуры безопасности в АТР, принципы построения которой в целом согласуются с российскими стратегическими интересами, реализующимися в рамках дипломатического и военно-политического сближения со странами ЮВА и постепенным поступательным ростом влияния России в АТР, приверженности концепции многополюсного мира [19, с. 175]. Можно говорить о том, что в настоящее время в выстраивании своих отношений со странами этого региона Россия исходит из неоднократно озвучиваемой в последнее время российским руководством приверженности к доктрине многополярности, из того, что ее более активное участие в региональных процессах может стать фактором, препятствующим установлению гегемонии одной из великих держав в регионе, что в целом отвечает интересам и самих стран ЮВА. Вместе с тем в поисках силы, способной обеспечить стабильность в регионе, выбор стран ЮВА вряд ли может быть сконцентрирован только на России либо на ней в какой-то существенной степени, поскольку реальный уровень политического влияния нашей страны в регионе остается по-прежнему невысоким и существенно "проседает", к примеру, в сравнении с регионом СВА. Это возможно только при условии существенного увеличения влияния России на

страны региона ЮВА, усиления взаимодействия с ними [20]. И в этом смысле именно экономическое и инвестиционное сотрудничество может стать перспективным и наиболее быстрореализуемым направлением движения по данному пути [22].

Следует отметить, что гуманитарное сотрудничество со странами региона может иметь важнейшее значение, потому что изучение культуры местных народов и особенностей жизни и хозяйственного оборота в странах ЮВА будут давать широкие возможности для полноценного партнерства во всех сферах, включая увеличение экспорта дальневосточных товаров и услуг в регион и формирование их узнаваемости и положительного имиджа. К числу характерных особенностей местной культуры в большинстве стран ЮВА исследователи относят растущую популярность поп-культуры, особенно корейской, активное использование смартфонов и сети Интернет, большое значение шоппинга и фастфуда, растущий запрос на образование и туризм, в особенности среди представителей среднего класса. С точки зрения менталитета местного населения важнейшим аспектом является открытость для нового, в том числе иностранного, но при условии адаптации к местным реалиям [21]. Поэтому гуманитарное сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии имеет важнейшее значение, так как позволяет решить две задачи: подробно узнать особенности местного менталитета, а также продвинуть русскую культуру в регион, существенно повысить информированность местного населения о России, ее населении, товарах и услугах. Такие направления гуманитарного сотрудничества, как образование, туризм и различные программы культурных обменов, являются ключевыми в решении вышеуказанных задач. Среди стран региона в числе "опорных точек" для такой стратегии можно рассматривать прежде всего Вьетнам и Лаос как наиболее исторически связанные с Россией страны.

В рамках экономического сотрудничества России со странами ЮВА в последние годы взаимодействие между ними в сфере двусторонних отношений немного укрепилось, прежде всего, в торговле. При этом Россия имеет положительное сальдо в товарообороте со странами региона. Однако инвестиционное сотрудничество между ними по-прежнему невелико по объему и не играет заметной роли в экономиках стран АСЕАН, то есть Россия там сегодня не рассматривается как приоритетный и значимый партнер. Успех экономических отношений России со странами ЮВА будет во многом зависеть от того, признает ли она их не менее важными партнерами, чем, к примеру, Китай, Индия или Республика Корея. Скорее всего, никакие политические шаги России в ЮВА не приведут к усилению ее позиций в регионе, если не будут сопровождаться ее экономическим сотрудничеством, то есть не будут наполнены полноценным содержанием, которое как раз и подразумевается в рамках политики "Восточного вектора".

Статистика развития экономик Юго-Восточной Азии, многие из которых являются быстрорастущими и относятся к так называемым "азиатским тиграм", показывает наиболее перспективные страновые направления сотрудничества России в ЮВА [13]. Так, четыре ведущих экономики региона, как по общим валовым показателям, таким как ВВП, так и по темпам экономического роста и развития – это Индонезия (ВВП 1058,42 млрд. долл. США), Таиланд (501,64), Малайзия (337,01) и Вьетнам (271,16 млрд.) [16, с. 89]. При этом именно Вьетнам является исторически наиболее близким для России государством региона, с которым на протяжении десятилетий выстраивались достаточно теплые и в то же время наполненные реальным содержанием отношения [5, с. 40].

Рассматривая товарную структуру внешней торговли между Россией и АСЕАН, следует отметить, что если российский экспорт в регион отличается сырьевой направленностью, то импорт РФ – преобладанием готовой промышленной продукции. Еще одна тенденция товарной структуры внешней торговли между РФ и АСЕАН связана с большей диверсификацией российского импорта, когда порядка 93% импорта составляют 25 товарных групп против 10 групп российского экспорта в страны АСЕАН. Также следует отметить, что импорт в РФ из ЮВА превышает экспорт, что, с одной стороны, показывает дисбаланс внешней торговли, с другой – говорит о наличии возможностей расширения экспорта.

Юго-Восточная Азия сегодня связана с большим количеством стереотипов, касающихся восприятия деловой среды государств региона и специфики входа на рынок со своими товарами и услугами для иностранных партнеров. Вместе с тем, эксперты из числа предпринимателей, которые имеют опыт работы в ЮВА и Индокитае, отмечают, что регион имеет ряд преимуществ для экспорта, но требует специальных подходов к имиджевому позиционированию товаров. В то время как в большинстве развитых стран потолок по проникновению интернета уже достигнут, в ЮВА горизонт роста все еще большой, как и темпы развития цифровых сервисов. В 2015 году в регионе насчитывалось 260 млн интернет-пользователей, в 2020 – 400 млн. За последние годы в регионе сильно повысился уровень доверия к цифровым сервисам. Они начали проникать в традиционные сегменты, такие как оплата счетов ЖКХ и стритфуд. Электронные денежные переводы и платежи стали нормой для большинства уличных торговцев. Смартфоны открыли доступ к дополнительному источнику дохода для целого пласта владельцев уличных киосков, торгующих бытовыми предметами и продуктами. Перспективы региона тоже обнадеживают. Объем рынка интернет-экономики составляет около 105 млрд долларов, при этом прогнозируемое значение среднего ежегодного роста (CAGR) феноменально высокое – около 24% в год. Учитывая специфику культуры и менталитета местного населения, особо актуальной будет локализация рекламного контента под традиционные продуктовые привычки и визуальные нормы страны, то есть кастомизация продвижения российских дальневосточных товаров. О возможности кастомизации нужно думать еще на уровне разработки архитектуры приложения или интернет-сервиса, а основу продвижения должны составлять именно Интернет-сервисы по описанным выше причинам [21].

Именно Вьетнам можно рассматривать как пример страны региона, с которой России, в том числе и через проекты на Дальнем Востоке, можно и нужно выстраивать отношения и взаимовыгодное сотрудничество. При этом структура внешнеэкономического взаимодействия Вьетнама со своими партнерами показывает достаточно типичную "матрицу" сотрудничества с экономикой ЮВА [10, с. 30].

Основными инвесторами в экономику Вьетнама сегодня являются Сингапур, Республика Корея, Китай и Япония. Инвестиции в основном направляются в производство и переработку, недвижимость, энергетику, сферу питания, строительство, торговлю (в том числе электронную), транспортировку, хранение и добычу полезных ископаемых. Особо следует отметить приток финансов в электронную промышленность, благодаря которым Вьетнам стал важным производителем и экспортером передающих устройств, мобильных телефонов, электрических устройств и интегральных схем [4, с. 24]. Ведущую роль в этой сфере играет корейская компания "Samsung", на продукцию которой приходится более 20% вьетнамского экспорта. В результате за последние годы в стране была создана весьма эффективная экономика, производящая конкурентоспособную продукцию, пользующуюся спросом на мировом рынке. Указанная модель в общем характерна и для других стран ЮВА, некоторые из которых, к примеру, Малайзия, уже достаточно давно и раньше Вьетнама применили на практике ее принципы.

Ведущими рынками сбыта вьетнамской продукции в 2021 г. были США (96,3 млрд долл. США), Китай (56 млрд), Республика Корея (22 млрд), Япония (20,1 млрд) и Гонконг (12 млрд). Импорт осуществлялся в основном из Китая (109,9 млрд), Республики Корея (56,2 млрд), Японии (22,7 млрд), Тайваня (20,8 млрд) и США (15,3 млрд). Основные позиции вьетнамского экспорта – телефоны, электроприборы и компьютеры, машинное оборудование, текстиль и обувь, импорта – электроприборы и компьютеры, машинное оборудование, телефоны, ткани и пластмассы в первичных формах.

Россия занимает лишь 24-ю строку в списке зарубежных инвесторов во Вьетнам, реализуя 117 проектов на общую сумму 953 млн долл. США [7, с. 59]. Основная сфера сотрудничества – энергетика, что объясняется, с одной стороны, линией правительства страны на развитие топливно-энергетического комплекса, с другой – возможностями и интересами российских компаний. В основном взаимодей-

стве ведется по линии крупного российского бизнеса, таких масштабных и опытных на мировом рынке игроков, как "Газпром" и "Роснефть", которые совместно со своими вьетнамскими партнерами реализуют проекты по добыче и переработке углеводородов на прибрежном шельфе в Южно-Китайском море, а также осуществляют проекты по развитию во Вьетнаме атомной энергетики.

Начиная с 2017 г. товарооборот и российский импорт из Вьетнама имели устойчивую тенденцию к росту. Так, объем товарооборота с 2015 г. (3,90 млрд долл. США) вырос за 6 лет в 1,82 раза (7,13 млрд в 2021 г.), а импорт – в 2,33 раза с 2,1 до 4,9 млрд. При этом экспорт России во Вьетнам увеличился лишь в 1,24 раза (рисунок 4), а в 2019 г. он сократился на 19,11% по сравнению с 2018 годом вследствие сокращения поставок средств наземного транспорта на 575,5 млн долл. США, злаков (369,5), черных металлов (211,8), электрических машин и оборудования (77,9)27. При этом доля России во внешней торговле Вьетнама выросла незначительно – с 0,7% в 2015 г. до 0,9% в 2021 г. [4, с. 40].

С 2015 по 2020 гг. произошло существенное увеличение поставок России в СРВ злаков (в 3095 раз), мяса и мясных субпродуктов (в 38 раз), черных металлов (в 33 раза), разных пищевых продуктов (в 32), готовых продуктов из зерна злаков, муки и молока (в 11,9 раза), древесины и изделий из нее (в 9,2 раза), жиров и масел животного или растительного происхождения (в 7,2 раза), пластмасс и изделий из них (в 5,9 раза), фармацевтической продукции (в 3,6 раза), минерального топлива, нефти и продуктов их перегонки (в 2,8 раза). Вырос также экспорт бумаги и картона, печатной продукции, алюминия и изделий из него. Огромный рост экспорта злаков и разных пищевых продуктов объясняется тем, что объем поставок этих позиций в "точке отсчета" в 2015 г. был минимальный. В то же время сократились поставки таких крупных по стоимости позиций, как суда, лодки и плавучие средства (в 40 раз), электрические машины и оборудование (в 6,8 раза), удобрения (в 1,7 раза), а также инструменты и оптическая, фотографическая и киноаппаратура, изделия из черных металлов, в результате чего объем экспорта в 2020 г. был ниже уровня 2015 г. и лишь в 2021 г. его превысил в 1,2 раза. [15, с. 89]

Из существенных статей импорта сокращение объемов коснулось лишь черных металлов, и то всего в 1,2 раза. Как следствие отрицательное сальдо торгового баланса в 2020 г. было -2,42 млрд долл. США, а в 2021 г. – -2,66 млрд. В структуре российского экспорта во Вьетнам преобладают минеральные продукты (коды 25-27 ТН ВЭД ЕАЭС) – 35,6% в 2020 г. и 18,5% в 2021 г. от общего объема поставок России в СРВ, металлы и изделия из них (коды 72-83) – соответственно 20,3% и 27,7%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (коды 01-24) – 23,7% и 15,3%, химическая продукция (коды 28-40) – 7,5% и 24,2%, машины, оборудование и транспортные средства (коды 84-90) – 5,6% и 8,5%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия (коды 44-49) – 5,8% и 3,9% [8, с. 30].

В структуре импорта России из СРВ ведущие позиции занимали машины, оборудование и транспортные средства (коды 84-90) – 61,1% в 2020 г. и 60,3% в 2021 г. от общего объема поставок товаров из Вьетнама, текстиль и обувь (коды 50-67) – соответственно 20,3% и 20,2%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (коды 01-24) – 11,7% и 12,0%, химическая продукция (коды 28-40) – 2,2% и 4,9%, – металлы и изделия из них (коды 72-83) – 1,2% и 1,1% [9, с. 155].

Что касается импорта из Вьетнама, то существенно выросли объемы поставок таких позиций, как инструменты и оптическая, фотографическая и киноаппаратура (в 13,9 раза), игрушки, игры и спортивный инвентарь (в 2,7 раза), электрические машины и оборудование (в 2,3 раза), текстильные изделия (в 2,0 раза), обувь (в 1,7 раза), котлы, оборудование и механические устройства (в 1,7 раза). Вырос также импорт текстильных материалов, меди и изделий из нее, мебели и постельных принадлежностей, изделий из черных металлов, ковров, химических волокон, каучука, резины и изделий из них [17, с. 122].

Инвестиционные проекты Вьетнама в России в ближайшее время, скорее всего, будут сфокусированы на производстве молочной продукции и пошиву швейных

изделий. В энергетической сфере будет продолжаться сотрудничество по добыче и переработке углеводородов, а также атомной энергетике [15, с. 91].

К числу перспективных направлений российско-вьетнамского экономического сотрудничества относится кибербезопасность. В настоящее время во Вьетнаме реализуется проект создания электронного правительства, для которого необходимо обеспечить защиту информации, в том числе при ее обмене между государственными организациями. Другое перспективное направление – использование возможностей созданных в России специальных экономических зон путем открытия в них совместных с Вьетнамом производств, ориентированных в том числе на экспорт произведенной на них продукции в страны Юго-Восточной Азии.

Эксперты отмечают, что в период действия Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и СРВ товарная структура российско-вьетнамской торговли существенно трансформировалась. Если в импорте из Вьетнама сегодня более 90% занимают машинно-технические изделия, текстильные товары и обувь, то в российском экспорте во Вьетнам почти 80% – минеральные продукты, сельскохозяйственные товары и металлы. По сути, Россия из поставщика преимущественно машинно-технической и металлургической продукции превратилась в продавца сырьевых и аграрных товаров. Российская продукция с высокой добавленной стоимостью не в состоянии выдержать конкуренцию с товарами, предлагаемыми западными компаниями. Кроме того, вьетнамское правительство создало отдельные отрасли производства, в том числе удобрений, металлургического проката, продукции нефтехимии, что привело к сокращению импорта этих товаров. Эти и другие факторы стали причиной того, что Вьетнам значительно больше, чем Россия, выиграл от подписания соглашения.

Таким образом, российский экспорт во Вьетнам как одну из экономик ЮВА носит преимущественно сырьевой характер. При этом, сопоставляя данные о ВЭД в пределах ДФО, можно увидеть и такие общие тенденции, как превалирование импорта над экспортом и отрицательное сальдо внешней торговли для российского Дальнего Востока, что, в принципе, касается этого вида деятельности в целом и достаточно явно проявляется применительно к региону Юго-Восточной Азии, о чем свидетельствует вышеприведенная статистика по внешнеэкономическим связям России с Вьетнамом.

Если говорить о перспективах сотрудничества с регионом в целом, то статистика "десятих" годов показала, что наша страна имела отрицательное сальдо торгового баланса с АСЕАН практически во все годы, за исключением 2010–2011 гг. и 2014 г. В целом сальдо торгового баланса ухудшилось для России – с 1413 млн долл. до 3394,3 млн долл. за 2008–2017 гг., при этом с 7 странами Ассоциации сальдо торгового баланса отрицательное для РФ, тогда как в торговле с Сингапуром и Мьянмой, а также Брунеем – положительное. [5, с. 52].

Анализ темпов прироста экспорта и импорта между АСЕАН и Россией показывает, что в отдельные периоды (2001, 2003, 2007, 2010 гг.) динамичнее рос экспорт АСЕАН в РФ, тогда как в другие периоды (2008, 2011–2014 гг.), напротив, импорт АСЕАН из России. В целом за рассматриваемый период российский импорт увеличился в большей степени, чем экспорт АСЕАН из России (соответственно в 1,88 и 1,7 раза), что является неблагоприятной тенденцией для российской экономики. Ее продолжение будет содействовать дальнейшему сохранению отрицательного сальдо торгового баланса.

Таким образом, можно констатировать, что сотрудничество России со странами региона укладывается в достаточно типовую схему экспорта природных ресурсов либо промышленного оборудования и соответствующих образовательных услуг, импорт же составляют преимущественно товары с высокой добавленной стоимостью, преимущественно – различная готовая продукция. Реализация политики "Восточного вектора" пока слабо сказалась на сотрудничестве со странами этого региона и не привела к широкому притоку инвестиций на российский Дальний Восток [18, с. 65]. Вместе с тем примеры сотрудничества на уровне российских регионов есть, хотя в целом они и сосредоточены не в Дальневосточном федераль-

ном округе, а в большей степени связаны с отдельными регионами ЦФО, где развиваются сельскохозяйственные проекты и предприятия легкой промышленности с участием вьетнамского бизнеса.

Если говорить об инвестиционном потенциале сотрудничества, то и тут достаточно много показательных примеров. В целом наблюдается тенденция, характерная для развивающихся экономик – они в гораздо большей степени являются реципиентами, нежели донорами капитала на развитие. Так, к примеру, объемы вьетнамских ПИИ за границей относительно невелики. По данным Министерства планирования и инвестиций Вьетнама, в 2009–2019 гг. Вьетнам принял участие в реализации более 500 проектов более чем в 30 странах, прежде всего в Лаосе, России, Камбодже, Венесуэле и Мьянме. Россия, на которую приходится 13% зарубежных инвестиций Вьетнама, заняла вторую строку в списке получателей вьетнамских инвестиций в этот временной период на общую сумму 2,8 млрд долл. США, почти три четверти которых вложены в проекты в нефтегазовой сфере [16, с. 92].

Каковы главные проблемы в расширении российской внешней торговли со странами АСЕАН? Прежде всего следует выделить традиционную географическую направленность "асеановского" экспорта и импорта на страны Северо-Восточной Азии, США и Евросоюза, которые имеют стратегические политические и экономические интересы в регионе Юго-Восточной Азии, активно демонстрируют там свое присутствие и сохраняют статус ведущих торговых и инвестиционных партнеров [9]. Также к числу явных слабых мест следует отнести невысокую информированность государств АСЕАН о торговых возможностях нашей страны; географическую удаленность наших стран друг от друга, что ведет к завышению транспортных издержек, а значит, и удорожанию поставляемой продукции; невысокий уровень логистики, стимулирующий применение услуг посредников из Сингапура и западноевропейских государств. Сказывается и невысокая эффективность государственной политики стимулирования российского экспорта на основе таких инструментов, как, например, кредитование и страхование экспорта промышленной продукции. Решение (хотя бы частичное) перечисленных проблем могло бы содействовать активизации и диверсификации внешнеторговых связей между Россией и государствами АСЕАН [15, с. 91].

Таким образом, основными экономическими возможностями для сотрудничества со странами ЮВА в рамках современного российского Дальнего Востока являются инвестиционные инициативы в сфере легкой промышленности, сельского хозяйства и переработки агропродукции, добычи и переработки водных биологических ресурсов [16, с. 91]. Указанные направления сотрудничества нуждаются в проработке для доведения до состояния конкретных проектов или как минимум детально проработанных и инвестиционно-привлекательных направлений сотрудничества. Крупной сферой является гуманитарное сотрудничество, а также туризм, на которые есть однозначный спрос. Важность именно совместных инвестиционных инициатив объясняется тем, что это позволяет принципиально изменить структуру российского экспорта в ЮВА в пользу большей доли товаров с высокой добавленной стоимостью.

При этом очевидно, что региону требуется определенное и продуманное имиджевое позиционирование, ориентированное целевым образом на страны Юго-Восточной Азии и предусматривающее приоритетную работу с целевыми группами в этих странах.

Основными имиджевыми доминантами современного российского Дальнего Востока и Приморского края могут и должны стать следующие:

- использование потенциала природных ресурсов региона;
- более активное экспортное позиционирование сельского хозяйства региона;
- работа с высокомаржинальными статьями импорта, такими как переработанные морские биологические ресурсы и продукция агропромышленного комплекса;

- появление практики переработки и экспорта востребованной в Азии продукции Уссурийской тайги, такой как дикоросы;
- активизация проектов в области туризма, включая такие направления, как экологический туризм, образовательные проекты и так далее;
- расширение практики проведения торговых ярмарок, выставок, форумов и конгрессов и прочих информационно-презентативных мероприятий со странами АСЕАН. Как показывает современная практика, зарубежные компании тяготеют к географически близким регионам [11];
- активизация методической поддержки потенциальных инвесторов и торговых партнеров – в целях большей информированности наших компаний-производителей продукции, в которой заинтересованы страны АСЕАН, следует активно осуществлять их информационно-консультативную поддержку с задействованием наших зарубежных представительств и российских национальных диаспор в ЮВА [12];
- развитие сотрудничества в сфере высоких технологий и экономики 4.0 – в связи с тем что ведущие экономики ЮВА делают упор на развитие технологий в рамках производства, то неочевидным, но достаточно перспективным направлением в работе со странами указанного региона является использование имеющегося на Дальнем Востоке потенциала в сфере IT – эта база обучения на уровне ССУЗов и ВУЗов, производственные компании, наличие специалистов, а также проекты создания определенной материальной базы в рамках сотрудничества, к примеру, строительство на Дальнем Востоке дата-центров;
- расширение спектра экспортных товаров дальневосточного производства, в том числе под региональными брендами. С учетом того факта, что основу товарной структуры российского экспорта составляют товары невысокой степени переработки, следует сделать акцент на экспорт продукции более высокой степени переработки, включая ту, в производстве которой, по данным экономических исследований АСЕАН, выше сравнительные преимущества у России, чем во многих государствах АСЕАН, и производство которой может быть налажено либо уже существует на российском Дальнем Востоке. Это продукция металлургии, машиностроения, химии, транспортного оборудования, включая энергетическое, продукция деревообработки, легкой и пищевой промышленности;
- использование позитивного исторического бэкграунда сотрудничества с такими странами ЮВА, как Вьетнам, в том числе и в рамках транзита грузов через Владивосток;
- активизация побратимских связей, культурных обменов и иных принципов так называемой стратегии "мягкой силы".

Достаточно серьезная территориальная удаленность региона ЮВА от российского Дальнего Востока накладывает свою специфику на внешнеэкономическую деятельность со странами этой части АТР [2; 14]. Поэтому необходимо прорабатывать не только окупаемые транспортно-логистические проекты, логистические сервисы и экономические инициативы, но и продумывать возможности их использования для информационного продвижения регионов ДФО в странах ЮВА.

Так, в мае 2022 года транспортная группа FESCO запустила международный контейнерный сервис, который будет работать по маршруту Владивосток – Хайфон (Вьетнам) – Хошимин (Вьетнам) – Нинбо (Китай) – Владивосток [23]. Регулярная морская линия FESCO VIETNAM DIRECT LINE (FVDL), соединяющая порты Вьетнама с "Владивостокским морским торговым портом", будет работать на регулярной основе, транзитное время в пути из портов Вьетнама в ВМТП составляет 9–12 суток. Контейнеровоз A HOUOU вместимостью 850 TEU с продукцией вьетнамских производителей (одежда, продукты питания, кофе, сантехника) отправился в первый рейс из Хошимина во Владивосток 20 мая. Ранее это же судно успешно доставило во Вьетнам российские экспортные грузы – древесину, косметику, продукты питания и полимерную продукцию. Группа и прежде оказывала услуги по доставке грузов из Вьетнама в Россию, однако запуск регулярной линии FVDL позволит повысить качество сервиса за счет отсутствия перегрузки контей-

неров в портах транзитного маршрута, сокращения сроков доставки и значительного увеличения пропускной способности транспортного коридора между двумя странами. Регулярные линии являются морским плечом интермодальной цепочки FECSO. На базе собственных активов Группа обеспечивает доставку грузов из/в стран Азиатско-Тихоокеанского региона через Дальний Восток в регионы России и Европу.

Указанная морская транспортная линия позволяет использовать контейнерный парк как средства наружной рекламы, что можно было бы применять для формирования как минимум узнаваемых визуальных образов, связанных с российским Дальним Востоком, его природой, промышленностью и так далее. Аналогичные прикладные инструменты имиджевого продвижения также можно будет использовать и на других транспортных и грузовых линиях, в аэропортах и других логистических и транзитных пунктах.

Безусловным приоритетом является формирование системы постоянного информирования стран ЮВА об актуальных событиях, происходящих на Дальнем Востоке России. Делать это нужно и через представителей и иностранные диаспоры соответствующих стран, находящиеся на Дальнем Востоке России. Также явно актуальной задачей является создание специализированных и тематических информационных ресурсов, в том числе в сети Интернет, ориентированных на бизнес Дальнего Востока России и стран ЮВА и позволяющих создавать постоянную актуальную информационную повестку по этим вопросам, важную для активизации сотрудничества. Такие ресурсы могут быть перемасштабированы и для других задач – гуманитарного сотрудничества, повышения известности региона и лояльности к нему нерезидентов, формирования его положительного образа и роста известности в АТР.

Литература

1. Есть ли место для России в Юго-Восточной Азии? // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3400953.html>. (дата обращения: 12.12.2022).
2. Из Владивостока будут выполняться авиарейсы в столицу Мьянмы. URL: <https://primamedia.ru/news/1400754/?from=7>. (дата обращения: 12.12.2022).
3. Киреева А.А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО-Университета: URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/109/> (дата обращения: 12.12.2022).
4. Кобелев Е.В. Российско-вьетнамские отношения: реальность и перспективы // Вьетнамские исследования. 2015. Т. 1. № 5. С. 21–43.
5. Костюнина Г.М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 43–59.
6. Королев А.С., Васенёва Е.А. Инструменты обеспечения стрессоустойчивости АСЕАН в условиях кризисов – сравнительный анализ // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. Выпуск 2 2022. (№ 55). С. 34–49.
7. Лузгина Ю.В., Скаряднова Д.А., Утлова А.А. Стратегическое партнерство между Россией и Вьетнамом // Россия и мир. Мировая экономика и международные отношения в эпоху многополярного мира. СПб.: Фора-принт, 2020. С. 52–59.
8. Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Куанг Туан, Морозов В.М. Перспективы и направления международного сотрудничества России и Вьетнама // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 4–5. С. 17–34.
9. Мазырин В.М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148–161.
10. Мартынова Е.С. Сотрудничество России и АСЕАН в контексте формирования большого Евразийского партнерства // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. 2021. Выпуск 4 (№ 53). С. 28–36.
11. На выставке БАД-EXPO в Москве открылся стенд Приморского края. URL: <https://primamedia.ru/news/1413637/?from=37> (дата обращения: 01.12.2022).
12. Наши "берут" Вьетнам: Приморье представлено на выставке EXPO-RUSSIA VIETNAM 2022. URL: <https://primamedia.ru/news/1412421/?from=7> (дата обращения: 02.12.2022).
13. Отношения России со странами Юго-Восточной и Южной Азии. URL: <https://infopedia.su/2x329c.html>. (дата обращения: 15.12.2022).
14. Прямые рейсы из Владивостока в Таиланд вынуждены облетать Лаос – его власти закрыли небо

для "Аэрофлота". URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2022/12/13/214066/#ixzz7nVmkcYOE>. (дата обращения: 18.12.2022).

15. Ревенко Н.С. Торгово-экономическое сотрудничество России и Вьетнама на современном этапе // Российский экономический вестник. 2022. № 7. С. 83–98.

16. Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики "поворота к Азии" // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 185–203.

17. Российско-вьетнамские отношения в современном мире / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, И.А. Коргун. М.: Институт экономики РАН, 2021. 147 с.

18. Рубан Л.С. Сотрудничество России со странами Юго-Восточной Азии в энергетической сфере. // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 62–69.

19. Симонёнок А.В. Проблемы и перспективы сотрудничества тихоокеанской России и стран Юго-Восточной Азии // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 171–191.

20. Юго-Восточная Азия в современной внешней политике России. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/53647955>. (дата обращения: 24.12.2022).

21. Юго-Восточная Азия: как выйти на рынок, три стратегии от международных компаний. URL: <https://rb.ru/opinion/biznes-v-yugo-vostochnoj-azii-strategii/> (дата обращения: 30.11.2022).

22. Юго-Восточная Азия – Россия – ЕАЭС: новое измерение взаимоотношений? URL: <https://vroanalytics.com/2022/06/15/yugo-vostochnaya-aziya-rossiya-eaes-novoe-izmerenie-vzaimootnoshenij/>. (дата обращения: 30.11.2022).

23. FESCO запустила регулярную морскую линию из России во Вьетнам. URL: <https://portnews.ru/news/329571/>. (дата обращения: 17.12.2022).

References

1. Is there a place for Russia in Southeast Asia? // IA Regnum URL: <https://regnum.ru/news/polit/3400953.html>. (accessed 12.12.2022) (In Russ.).

2. Flights will be operated from Vladivostok to the capital of Myanmar. URL: <https://primamedia.ru/news/1400754/?from=7>. (accessed 12.12.2022) (In Russ.).

3. Kireeva A.A. Russia's relations with the countries of East Asia: new challenges and opportunities // Bulletin of MGIMO-University. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/109/>. (accessed 12.12.2022). (In Russ.).

4. Kobelev E.V. Russian-Vietnamese Relations: Reality and Prospects // Vietnamese Studies. 2015. V. 1. No. 5. P. 21–43. (In Russ.).

5. Kostyunina G.M. Russia's foreign trade with the ASEAN countries: main development trends // Russian Foreign Economic Bulletin. 2019. No. 3. P. 43–59. (In Russ.).

6. Korolev A.S., Vaseneva E.A. Tools for ensuring ASEAN resilience in times of crisis - a comparative analysis // Southeast Asia. Actual problems of development. Issue 2. 2022. (No. 55). P. 34–49. (In Russ.).

7. Luzgina Yu.V., Skarednova D.A., Utlova A.A. Strategic partnership between Russia and Vietnam // Russia and the world. World economy and international relations in the era of a multipolar world. SPb.: Foraprint, 2020. P. 52–59. (In Russ.).

8. Lukyanets A.S., Khramova M.N., Bui Kuang Tuan, Morozov V.M. Prospects and directions of international cooperation between Russia and Vietnam // Scientific Review. Series 1. Economics and law. 2021. No. 4–5. P. 17–34. (In Russ.).

9. Mazyrin V.M. On the state of the Russian-Vietnamese strategic partnership // Vietnamese studies. 2021. V. 5. No. 4. P. 148–161. (In Russ.).

10. Martynova E.S. Cooperation between Russia and ASEAN in the context of the formation of a large Eurasian partnership // Southeast Asia. Actual problems of development. 2021. Issue 4 (No. 53). P. 28–36. (In Russ.).

11. A booth of the Primorsky Territory was opened at the BAD-EXPO exhibition in Moscow. URL: <https://primamedia.ru/news/1413637/?from=37>. (accessed 01.12.2022) (In Russ.).

12. Our "take" Vietnam: Primorye presented at EXPO-RUSSIA VIETNAM 2022. URL: <https://primamedia.ru/news/1412421/?from=7>. (accessed 02.12.2022) (In Russ.).

13. Russia's relations with the countries of Southeast and South Asia. URL: <https://infopedia.su/2x329c.html>. (accessed 12.15.2022) (In Russ.).

14. Direct flights from Vladivostok to Thailand are forced to fly around Laos - its authorities have closed the sky for Aeroflot. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2022/12/13/214066/#ixzz7nVmkcYOE>. (accessed 12.18.2022) (In Russ.).

15. Revenko N.S. Trade and economic cooperation between Russia and Vietnam at the present stage // Russian Economic Bulletin, 2022, No. 7, P. 83–98. (In Russ.).

16. Rogozhin A.A., Rogozhina N.G. Southeast Asia in the priorities of the Russian policy of "pivot to Asia" // Contours of global transformations: politics, economics, law. - 2019. - Т. 12. - No. 1. - P. 185–203. (In Russ.).

17. Russian-Vietnamese relations in the modern world / Ed. ed. L.B. Vardomsky, I.A. Korgun. - M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. 147 p. (In Russ.).

18. Ruban L.S. Russia's cooperation with the countries of Southeast Asia in the energy sector. // Southeast Asia. Actual problems of development. 2017. No. 37. P. 62–69. (In Russ.).
19. Simonenok A.V. Problems and prospects for cooperation between Pacific Russia and the countries of Southeast Asia // Russia and the Asia-Pacific Region, 2016, No. 4 (94), P. 171–191. (In Russ.).
20. Southeast Asia in the modern foreign policy of Russia. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/53647955>. (accessed 24.12.2022) (In Russ.).
21. Southeast Asia: how to enter the market, three strategies from international companies. URL: <https://rb.ru/opinion/biznes-v-yugo-vostochnoj-azii-strategii/> (accessed 30.11.2022) (In Russ.).
22. Southeast Asia – Russia – EAEU: a new dimension of relations? URL: <https://vpoanalytics.com/2022/06/15/yugo-vostochnaya-aziya-rossiya-eaes-novoe-izmerenie-vzaimootnoshenij/>. (accessed 30.11.2022) (In Russ.).
23. FESCO launched a regular shipping line from Russia to Vietnam. URL: <https://portnews.ru/news/329571/>. (accessed 17.12.2022) (In Russ.).

Петр Юрьевич САМОЙЛЕНКО, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: petersam@mail.ru

Peter Yu. SAMOYLENKO, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: petersam@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 06.01.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 23.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутри одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
25. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
26. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.
27. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).

28. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
29. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
30. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (59) • 2023

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 22.09.2023.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 14,19. Уч.-изд. л. 17,34.
Тираж 100 экз.
Заказ 254.

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006